

Annotation

«Смерть мужьям!» – это не призыв к действию, а новый неординарный роман талантливого автора Антона Чиж, открывающий целую серию книг о сыщике Родионе Ванзарове и его необыкновенных детективных способностях. На наш взгляд, появление этой книги очень своевременно: удивительно, но факт – сегодня, в цифровую эру, жанр «высокого» детектива вступил в эпоху ренессанса. Судите сами: весь читающий мир восторженно аплодирует феноменальному успеху Стига Ларссона, романы которого изданы многомиллионными тиражами на десятках языков. Опять невероятно востребованы нестареющие Агата Кристи и Артур Конан Дойл.

Можно смело признать, что хороший детектив уверенно шагнул за отведенные ему рамки и теперь занимает достойное место в ряду престижных интеллектуальных бестселлеров. Именно к этой плеяде лучших образцов жанра и относится новый роман Антона Чиж.

«Смерть мужьям!» – это яркая полифоническая симфония интриг и страстей, стильная, психологически точная и потому невероятно интересная.

Современный читатель, не лишенный вкуса, безусловно, оценит тонкую и хитрую игру, которую с выдумкой и изяществом ведут герои Чиж до самой последней страницы этой захватывающей книги!

- [Антон Чиж](#)
 -
 - [Хандикап](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

○ [Вольты](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

○ [Педалаж](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

○ [Амбалаж](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- 5
 - 6
 - 7
 - Спурт
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - Краткий словарь для господ, обучающихся на курсах резерва столичной полиции
 - notes
 - 1
 - 2
 - 3
-

Антон Чиж

Смерть мужьям!

Господа!

Нашим радостям, не имеющим в себе ничего пошлого, нашим близким общением с природой, нашей общей жизнью с дорогой мы основали новое и могущественное единение – франкмасонство открытого воздуха! Благодаря велосипеду, способствующему нашему сближению, когда только мы этого пожелаем, мы научились знать, уважать и любить друг друга, так как велосипед часто служит к устранению предрассудков и грустных недоразумений в наших личных отношениях! Велосипед дал новую формулу братского общения. Вот почему, несмотря на то, что искусство убивать друг друга и пользуется велосипедом наравне с голубем и собакой – символами любви и верности, я пью за единение народов при помощи велосипеда – символа человеческой свободы!

Тост, произнесенный доктором Филиппом Тисье на митинге велосипедистов в Бордо, 1895 г.

Хандикап

«Пока запрягают лошадь, пока нанимают извозчика, пока едут до поезда и ждут его отхода, велосипед под управлением хорошего ездока уже летит по дороге к доктору, в аптеку, в пожарное или полицейское бюро. На велосипеде почти всегда можно достигнуть намеченной цели гораздо скорее, чем при всяком другом способе передвижения».

«Современный велосипед: выбор его и применение». 1895, СПб

Нет более терпеливого и неблагодарного жителя во всей Европе, чем обыватель петербургский. Характер его решительно испортила погода. Принужденный сносить морозы, дожди, ветры, наводнения и прочие ненастья, он так приучается отчаянно бранить непогоду во всех ее чудесах, что когда, наконец, выглядывает весеннее солнышко, измученный столичный житель не способен расправить крылья души своей и воспарить над серыми буднями. Непременно примется ворчать, что ветер силен, или что облаков многовато, а значит, надо тащить на себе зонт, или придумает еще какие-нибудь глупейшие отговорки, чтобы только не радоваться наступившему погодыю. Однако и он, напялив теплую шляпу, чего доброго закутавшись шарфом, а может и, нацепив калоши, выбежит на Невский проспект, чтобы жмурясь, как кот после спячки, прогуляться по его мостовым, наблюдая и разглядывая толпу соплеменников.

И есть на что посмотреть!

Петербургские дамы полагают святым долгом отметить долгожданный погожий денек разמודнейшим нарядом под изящной шляпкой с недовольным мужем под ручку, которого выволакивают, как медведя из берлоги. В солнечный день Невский расцветает особым восторгом. Сколько проносится взглядов, оценивающих и понимающих, завидных и восхищенных, заигрывающих и намекающих, так что кажется: океан радости, любви и кокетства изливается из сердец теплой патокой с легким запахом страсти... Так ведь нет! И в этом пире жизни и буйстве моды наш мрачный критик найдет, чем быть недовольным. Что тут поделать: погоду, как и жену, не выбирают. Уж такой он, как есть: мрачный обличитель природы столичной мерки.

В июньский полдень 1895-го года причины для недовольства атмосферой выискивать не пришлось бы и завязтому оптимисту. Причина знойно обложила улицы и закоулки столицы: с безоблачного неба солнце палило с такой наглой нещадностью, что случившуюся жару иначе как «сенегальской» и назвать-то нельзя. А ведь известно, что пекло в Сенегале страшное. Их местное население приучено коротать деньки под пальмами, а наш столичный обыватель, стараниями Петра Великого, пальм лишен напрочь, разве видит их в кадках по ресторанам, да баням, да гостиницам. Так что прятаться ему остается по дачам да квартирам.

В этот час Невский проспект, пыльный и плохо метенный, по

обычному старанию дворников, пустел, как картина нерадивого живописца, которому лень пририсовать фигурку-другую. Редко-редко проходила дама в светлом платье, по моде сезона, закрыв лицо белой вуалью, проезжал несчастный извозчик, пропаренный как самоварный сапог, или пробежали по мелким делишкам служащие контор. Пустынен и раскален Невский в этот час. Да и кому охота, в самом деле, торчать в печке.

Городовой Ендрыкин, заступив на пост на углу Караванной улицы в восемь утра, к нынешнему часу умаялся так, что не мог и ногой пошевелить, хотя ему полагалось для наблюдения порядка делать обход на прилагаемой территории. Белая полотняная рубаха, пропитавшись жижей, липла к телу мерзкой змеюкой, портупею тянула проклятая шапка, а летняя фуражка грела темечко не хуже ушанки. Ендрыкину было уж глубоко безразлично: шляются ли нищие попрошайки по парадному проспекту, проезжают ли обнаглевшие ломовые извозчики, орудуют ли карманники и цыганки. Выполнять охрану порядка, как должно, жара никак не позволяла, а проезда высочайших особо, к великому счастью, не предполагалось. А раз так, то и напрягаться нечего. Подперев угол дома, и без того прочный, Ендрыкин мог думать только о кружке холодного кваса или на худой конец – рюмке водки, хотя по такой жаре, какая водка, в самом деле?

Разморенное спокойствие было взбаламучено отдельными криками, скорее восторженного, а не подстрекательского свойства. Приподняв козырек и сощутив осоловевшие очи, Ендрыкин оценил назревавшее происшествие. Неуверенно вертя колесами по кромке тротуара, ехало наимоднейшее чудо техники, последний писк городской моды и проклятье всех городских – двухколесный велосипед. Управлял рогатым транспортом прилично одетый господин в дорогом костюме, отличавшийся от прохожих высокими ботинками на шнуровке, гетрами и английским кепи, а также приятным, чуть задумчивым лицом, украшенным золотым пенсне.

Господин яростно сражался с равновесием, пытаясь поймать его за хвост, но равновесие подло ускользало, отчего ездок лихорадочно дергал рулем и петлял передним колесом, как заяц на травле. Ендрыкин, ненавидевший подобных субъектов, о которых господин градоначальник составил самое отрицательное мнение, вылившееся в строгие правила борьбы с велосипедами силами наружной полиции, сразу понял, что наездник сел в седло недавно, и ездить толком не умеет. А проспект – не место для ученических художеств. Немедленно собиравшаяся толпа зевак подбадривала велосипедиста разнообразными замечаниями, в которых одобрение болельщиков смешивалось с язвительными издевками над неумехой.

Между тем господин, отчаянно сражаясь с силой тяжести, неудачно вывернул руль, застыл в воздухе, как показалось городовому, и со всей дури приложился об мостовую, успев широко раскинуть руки. Колеса взвились к небесам, толпа наградила аттракцион хором смешанных возгласов. Далее терпеть нарушение инструкций было невозможно, Ендрыкин оторвал взопревшую спину от теплого кирпича, намереваясь навести порядок.

Но в это мгновение внимание его привлек другой субъект. Был он росту не так, чтобы крупного, чуть более двух аршин, одет как приказчик из мелкой лавки, и отличался ярко-рыжими патлами над обширной бородой. Внутренний опыт, который городской копил годами более-менее беспорочной службы, заставил Ендрыкина не отвести взгляд. Что-то показалось неправильным в невзрачном прохожем. Молодой человек, несмотря на бороду и усы, как-то уж слишком прямо держал спину, словно боялся уронить хрупкую вещь, и всматривался, не отводя глаз в толпу, вокруг павшего велосипедиста. Стоял и стоял не шевелясь посреди улицы.

И тут от жары или чего другого, Ендрыкину вдруг привиделось, что шляпная коробка, которую держал странный приказчик, сама собой дернулась, как живая. Что бы это значило, городской сообразить не успел, потому что юноша на негнущихся ногах повалился набок, словно подрубленное дерево, и плашмя, со всего размаха тела, ударился головой о бульжники тротуара. Коробка грохнулась рядом. Ни звука боли или разочарования постигшей неудачей, не послышалось.

Улица, мгновение назад пустынная, наполнилась прохожими, взявшимися, откуда ни возьмись. Обморочного обступили плотным кольцом. Посыпались советы и мнения, чья-то рука коснулась его спины, кто-то нагнулся ниже, чтобы рассмотреть его лицо, кто-то просил достать воды или хоть обдать свежим дуновением. Родились предположения, что у молодого человека обморок от духоты и прилива крови к голове. Появились и мнения насчет его трезвости. Как вдруг шляпная картонка, покойно пребывающая в пыли, резво дернулась и подскочила колобком. Нервные дамы, наказанные за любопытство, заверещали дурным визгом. Толпа отшатнулась.

Вконец осознав, что и на такой жаре пришла пора принимать меры, Ендрыкин засвистел ближайшему напарнику, показывая знаками, чтобы тот занялся велосипедистом, а сам подбежал к лежащему приказчику. Стараясь не смотреть на оживавшую коробку, Ендрыкин коснулся шеи потерявшего чувства, надавил вену и не нашел пульса. Дыхания тоже не было. Как и признаков жизни. Можно не сомневаться, городской получил на свою голову самое гадкое, что может случиться на дежурстве: внезапный труп

среди бела дня.

Окрикнув на ротозеев, чтоб не толпились, Ендрыкин призвал на помощь городского с ближайшего поста. Требовалось скорее избавить улицу и восприимчивых прохожих от мертвого тела.

Несчастливого подняли за ноги и плечи, лицо закрыть было нечем, а загадочную поклажу уместили на животе. Надрываясь от тяжести, Ендрыкин обливался потом и костерил, на чем свет стоит, негодяя, посмевшего умереть от жары на его участке, но так и не посмел взглянуть на коробку напрямик. Все ему казалось, что она живая и шевелится. Не иначе нечистая сила вселилась. Хотя откуда бы ей взяться на таком пекле.

Будь ее воля, Аграфена Прохоровна ни за что бы носа на улицу не высунула. Так бы и сидела перед открытым окошком, обмахиваясь да попивая морс. Так ведь упрямая кухарка вечно напутает, вот опять купила вместо муслина – дешевейший ситчик. А как из ситца пошить достойное платье для обожаемой доченьки? Разумеется, никак. Закрываясь кружевным зонтиком, который навевал дырявую иллюзию тени, мешанка и домовладелица Степанчикова, дама пышных форм и обширного сердца, покинула прохладный уголок и, только ступив на мостовую, изложила все проклятья на голову глупой кухарки. Страдая от каждого шага, она кое-как добралась до Мучного переулкa, где муки жары стали совершенно нестерпимы.

Достав фуляровый платочек, Аграфена Прохоровна принялась обильно обмахиваться и наблюдать по сторонам. В открытом окошке она заметила чиновника, усердно трудившегося над бумагами. Материнское сердце, даже измученное непогодой, сразу отметило молодого человека. Был он коренаст, крепок в плечах и чисто выбрит. Выражение лица имел строгое, но без заносчивости, черты хоть немного крупноватые, но не портившие общий молодцеватый вид. И вообще казалось, что юноша умен и солиден не по годам. От такого зятя мадам Степанчикова не отказалась бы. Сразу видно – человек надежный, солидный и старательный, и семью прокормит, и карьеру сделает, и жену любить будет, а уж тещу – тем более, куда ему деваться. Аграфена Прохоровна стала оглядывать здание, в котором обитает это сокровище, и, к досаде определила: всего-навсего полицейский участок Казанской части. Достоинства возможного зятя резко поблекли в глазах домовладелицы, она вздохнула о своем, то есть о непристроенной доченьке, и направилась в лавку за материей.

А сокровище в окошке не подозревало, что его так быстро оценили и забраковали на предмет семейного счастья. Не заметил он не от отсутствия природной смекалки или наблюдательности, которых было предостаточно, а по заурядной причине огромной занятости: чиновник сосредоточенно писал в бумагах. Любопытный посетитель участка, да хоть мы с вами, не посмели бы беспокоить столь важное занятие без существенного повода. Но если бы нам хватило смелости заглянуть занятому чиновнику через плечо, то обнаружили бы, что на листке писчей бумаги равномерно появлялись чернильные кружки и тут же зачеркивались крест-накрест.

Таким нехитрым способом молодой человек не столько изображал усердие, сколько выпускал пар тихого бешенства.

Вот уже две недели как отбывал он ненавистную каторгу в этом участке... Ах, да! Неприлично все же говорить о ком-то в абстрактном роде, не представив личную характеристику. Молодой человек был не по слову молод, ему не исполнилось еще и двадцати трех лет, что не помешало иметь уже чин десятого класса, то есть – коллежского секретаря. Происходил он из не очень богатой, но достойной фамилии, предок которой перебрался в Россию в конце восемнадцатого века из Баварии, был самых широких взглядов, в результате чего, а также трех поколений дедов и бабок, в юноше оказалось намешено разнообразие кровей, что обычно дает незаурядные умственные способности. Фамилию юноша носил благозвучную, но редкую – Ванзаров, а крещен был Родионом. Отец его служил на государственной службе, по министерству просвещения, и не видел иного пути для своего младшего отпрыска. Так что Родион, окончив гимназию с отличием на два года раньше сверстников, отправился в Петербургский университет.

Короче говоря, знакомьтесь: Ванзаров, добрый мой приятель, родился на берегах Невы... Позвольте, где-то это уже было?.. Ну и ладно... Вернемся к Родиону.

К моменту окончания классической кафедры все профессора, разве что не на коленях молились на молодое дарование, с трепетом восторга ожидая его академическую карьеру. И тут Родион выкинул фокус: лучший студент и надежда всей классической словесности, вместо того чтобы и дальше ломать зубы о гранит седой древности, взял и подал прошение в министерство. Ну, еще бы в Министерство просвещения или уделов, так ведь нет! Паршивец подался служить в презираемое всеми культурными людьми Министерство внутренних дел. Ладно бы еще в канцелярию, так ведь сунулся в самое адское пекло, клоаку и оплот деспотизма – в Департамент полиции! Этому профессура простить не смогла, а потому навсегда вычеркнула Родиона из своих сердец.

Проклятие ученых мужей не помешало быстрой карьере. Он стремительно получил губернского секретаря, а затем – и коллежского. Впереди уже маячил титулярный советник. Усердного и толкового юношу заметил начальник департамента генерал-майор Петров, и оказал ему должное покровительство. Но и здесь Родиону не сиделось на месте, а подал прошение о переводе... в сыскную полицию. Удивленный благодетель на всякий случай спросил: понимает ли юноша, куда суется. На что получил твердый ответ: дескать, хочет заниматься живым делом, а не

бумагами. Начальник вздохнул и выписал предписание командировать в качестве чиновника для особых поручений.

С драгоценной бумагой Родион явился к начальнику сыскной полиции статскому советнику Вощинину. Платон Сергеевич не имел и десятой доли таланта своего выдающегося предшественника – великого Путилина, но смекнул, что от юнца спокойно жизни не жди, станет совать нос, куда не следует, а потому быстро спровадил Ванзарова с глаз долой прикомандированным чиновником от сыскной полиции в 4-й участок Казанской части. И благополучно забыл.

Горя желанием служить закону и истине, куда ни пошлют, Родион явился с рекомендательными бумагами к участковому приставу Вершинину-Гаку. Увидав столь резвую птицу, подполковник слегка струхнул. И не потому, что в его ведомстве были особые нарушения, так по мелочи, кормился, чем мог, как и все. А потому, что человек новый, будет лезть в разные делишки, чего доброго вопросы задавать, и как себя поведет – кто его знает. Может, и вовсе все это прикрытие: новичок направлен с секретной проверкой, или еще хуже – ревизией, которую устраивает тайный недоброжелатель пристава. В общем, Савелий Игнатьевич решил от греха подальше нагрузить молодчика работой по самые уши. Чтобы некогда было любопытничать.

И с этого момента Родион хлебнул по полной.

На него спихивали любую бытовую мелочь, какой даже в тихом центральном участке столицы предостаточно. Юный чиновник полиции был вынужден разбираться с кражей белья во дворе, с семейными скандалами, с пьяной дракой половых, с мелкой кражей в москательной лавке, и подобными интереснейшими событиями.

А разве о таком он мечтал? Конечно, нет.

Родион стремился в сыскную полицию, чтобы разгадывать сложнейшие загадки, чтобы ловить и выводить на чистую воду хитроумных преступников, чтобы раскрывать мрачные тайны, и за всякой подобной романтической чушью. Короче говоря, чтобы воплотить мечту, которая тайно прорастала под фолиантами греческих и римских философов: стать сыщиком, не менее знаменитым, чем английские, французские или немецкие образцы.

Столкнувшись с реальной жизнью, отличавшейся от иллюзий, юный Ванзаров искренно растерялся. Он готовился бороться с умными и сильными противниками, а пришлось иметь дело с пьяной гольтьбой. Карьера великого сыщика, как сам он считал себя в тайных глубинах души, столкнулась с непробиваемой стеной заурядной жизни. А ведь какие

удивительные системы раскрытия преступлений бродили у него в мозгу, так бродили, что чуть не закипели. Какие новейшие приемы сыска и разоблачения он выдумывал. А где их применять? Не на краже же белья!

Через две недели такой пытки Родион затосковал ужасно. Сидя у распахнутого окна, ничуть не освежавшего, он перебирал мрачные мысли, которые могут родиться только в юном возрасте, и не исключал даже бросить службу навсегда. Не получалось из него великого сыщика, имя которого прогремело бы по всей России и отголосками оглушило Европу. А еще коллеги по участку, завидуя и побаиваясь, отгородились холодным забором любезности, называя его исключительно по имени-отчеству, но за глаза насмехаясь, и при любой возможности стараясь делать мелкие пакости, до которых чиновники большие мастера. Было от чего прийти в уныние.

Родион Георгиевич выписал очередной кружок, решительно зачеркнул несчастного и посмотрел во двор участка. Старший городской Семенов, ростом превосходивший гвардейских кирасир, разделся по пояс, перекрестился и сунул голову в бочку гнилой воды, сберегаемую для пожара. Но руки соскользнули, и богатырь нырнул до дна, так что остались торчать сапоги. Поняв, что попал в западню, городской стал яростно сучить ножищами, пытаясь вырваться. Но только зря сотрясал горячий воздух. Того и гляди утонет в бочке. Ванзаров уже приподнялся, чтобы бежать на выручку, как вдруг Семенов дернулся изо всей силищи, бочка качнулась и завалилась, как раз так, чтобы сапожищи утопленника нащупали землю. Мужик восстал во всю статью, низвергая водопад на засохший камень, скинул капкан и отфыркался не хуже лошади. Все этому народу нипочем.

Коллежского секретаря объяла тоска смертная. Так, что не заметил, как в участок внесли что-то тяжелое, как поволокли куда-то вглубь, как городские вылакали графин воды и убрались восвояси. Ванзаров очнулся, когда над ним склонилось улыбчивое лицо коллежского регистратора Матько – господина маленького роста с большой проплешиной.

– Пострадавшего с Невского доставили, – дружелюбным тоном сообщил он. – Так господин пристав распорядились, чтобы вы, Родин Георгиевич, самолично занялись. Так сказать, передал пальму первенства. Вы же у нас для особых поручений, так сказать...

Чиновник подмигнул со значением, и, подгибая спинку, удалился, довольный мелочной пакостью, сунутой заносчивому выскочке.

Ванзаров сдержанно поблагодарил, нарисовал очередной кружок и вдавил стальное перо в стол так, что писчая головка издала жалобный треск.

В каждом полицейском участке столицы имеется комнатка, в которой перевязывают раны, полученные в уличных происшествиях, смазывают зеленкой ушибы, при нужде могут вытащить занозу, или остановить кровь, помочь потерявшим сознание от солнечного удара или обморожения, а уж на самый крайний случай сделать укол или вынуть кость из горла. Причем не только у господ полицейских. В медицинской участка позволялось оказывать помощь всем несчастным, кто пострадал вне дома, и не было средств или сил добраться до ближайшего частного врача или больницы. Лечили здесь плохо, но бесплатно, что иногда спасало жизнь.

Доставленному телу помощь не требовалась. Оно лежало тихо и мирно на хирургическом столе. Рыжая бородаща топорщилась, огненные патлы торчали как иглы, а на живот кто-то водрузил громоздкую коробку из-под дамской шляпы. Только она и заслуживала интереса: обтянутая блестящим атласом в голубую полоску, сверкала дорогой шкатулкой, скрывающей еще более дорогую игрушку для украшения дамской головки и возбуждения зависти каждой, кто не может позволить себе подобную красу.

Ни протокола, ни рапорта городского при теле не имелось. Еще неделю назад Ванзаров устроил бы строгий разнос за служебное небрежение, но теперь ему было все равно. Опять сбагрили примитивнейшее дело, даже не преступление, а уличное несчастье: ну, умер человек от сердечного приступа или апоплексического удара, что тут делать талантливому сыщику, пардон, конечно. Писанины на полдня, а раскрывать нечего. Все ясно, как белая простыня: определить личность да сообщить родственникам. Нечего сказать – хороша таинственная загадка.

Как бы соглашаясь с мрачными мыслями Ванзарова, шляпная коробка легонько кивнула. Вернее – наклонилась сама собой и замерла в скромном спокойствии. Покойник ничего подобного позволить себе не мог. Значит, внутри что-то скрывалось.

Оживленный любопытным обстоятельством, Родион поднял картонку за шелковые ленты, служившие ручками. Судя по весу, там находилось что-то более тяжелое, чем шляпка. И что забавно: в крышке проделаны еле заметные, аккуратные дырочки, словно для вентиляции. Развязав пустячный узел, будущий великий сыщик медленно приподнял крышку.

От резкого перехода между тьмой и светом крыса зажурилась, но тут

же выкатила бусинки глаз, принюхалась и осмотрелась, подавшись на задние лапки. На нее уставился полноватый человек в темном костюме, от которого аппетитно пахло мылом, со всех сторон доносились запахи, которых она не знала, были они неприятные, но неопасные. Крыса поняла, что после мук заточения и невидимых ударов попала в какое-то новое, интересное место, а потому надо прилично выглядеть. Она протерла мордочку, оправила шерстку, и, как могла, по-крысиному, выразила удовольствие от столь приятного знакомства.

Ванзаров не страдал глупыми фобиями пауков, мышей или тараканов. К тому же зверек выглядел на редкость воспитанным. Крыса была крупной, чуть менее вершка, считая с хвостом, упитанной и холеной, по виду добродушной, явно не из подвала, скорее всего, домашняя живность любителя грызунов. Хорошее воспитание или дрессировка так и читались на умной мордочке.

Не зная как обращаться к подобным существам, Родион машинально пробормотал:

– Кис-кис-кис...

Крыса благосклонно приняла знак внимания, повертела хвостиком и, кажется, кивнула, во всяком случае, так показалось. Покидать обжитое днище коробки она явно не торопилась. Чтобы продолжить знакомство, Родион предложил сухое печенье, изъятые из вазочки участкового доктора. Гостинец был принят благосклонно, острые зубки впились в тесто, усишки подпрыгивали в такт зубам. Животное хрустело с аппетитом, но соблюдая приличия. Наблюдая за трапезой, Ванзаров внезапно обнаружил, что какое-то радостное чувство, даже безотчетное предчувствие таинственного, необычного дела, которого так ждал и желал, зашевелилось в душе.

– Это что такое? – спросили у него за спиной.

Участковый доктор Синельников, высохший субъект с безнадежно пропитыми глазами, уставился на лежащее тело с брезгливой миной.

– Здесь вам не морг, чтобы всякой падали валяться. Кто позволил? Вы, молодой человек, похозяйничали? Так извольте убрать эту дрянь. Не хватало, чтоб еще провонял.

– Это не дрянь, а человек, – сказал Ванзаров, и добавил: – Хоть и мертвый. А кто принес – спросите у дежурного. Даже протокола не составили.

– Человек, не человек, какая разница. Труп – значит, в морг. А это что такое? – Синельников хищно уставился на крысу.

– Она была в коробке. С умершим.

– До чего дошло! В шляпных коробках – крыс таскают. Народ от жары

совсем помутился. Ладно, дайте-ка мне сюда. Вколю ей спирту, давно хотел узнать, что будет.

Крыса поняла, что люди говорят о ней, и перестала жевать. Худой человек в белом халате ей сильно не понравился: от него пахло смертью и перегаром. Она сжалась и постаралась укрыться под защиту полного и добродушного.

Ванзаров решительно загородил живность:

– Даже не думайте. Это – важная улика. Возможно, совершено преступление. Возможно, убийство.

Синельников презрительно хмыкнул:

– Какая улика, какое убийство, молодой человек. Простите, что обращаюсь к вам так, вы у нас птица важная, министерская. Уж позвольте по-стариковски разъяснить: никакого тут преступления. Шел человек по улице, упал и умер. Вот и вся история. Небось, сердце отказало. Мало ли по жаредохнет. Климат у нас для жизни не подходящий. То ли дело Париж. Одним словом – в морг.

Быть может, иной коллежский секретарь послушался бы мудрого внушения и отправился гонять чай, но Родион Георгиевич обладал одним качеством, вредным в семейной жизни, но бесценным в сыске, а именно: непрошибаемым упрямством. Баран, упершийся в новые ворота, показался бы послушным агнцем на фоне упрямства, дарованного от природы этому юноше. А потому Ванзаров потребовал не мешать ему проводить первичный досмотр тела, и вообще, чтобы доктор посторонился. И сам приблизился к трупу. Он еще испытывал мелкие покалывания страха перед мертвецами, не до конца отполированные краткой полицейской службой, но под враждебным взглядом Синельникова не мог позволить себе слабость.

Родион внимательно осмотрел ссадину, оставленную на лице падением, изучил одежду, показавшуюся несколько великоватой и не по росту, словно с чужого плеча, особо внимательно осмотрел пальцы, не упустил запыленные ботинки, и еще раз повертел крышку от шляпного короба. Кое-что любопытное обнаружилось, но для раскрытия тайны смерти явно недостаточно. И тогда Ванзаров распахнул полы сюртука несчастной жертвы. Но фоне ярко-кричащей жилетки из перкаля маленькую странность можно было и не заметить, то есть упустить навсегда. Но как только Родион разглядел, что находится перед ним, сказал обратился к доктору:

– Прошу немедленно вызвать криминалиста из департамента.

Облизав ложку из-под варения, Синельников спросил с равнодушной

издевкой:

– Зачем вам? На несчастные случаи они не ездят. Только зря человека беспокоить.

– Это не несчастный случай. Это убийство.

– Таинственное и загадочное? – уточнил доктор.

– А уж это позвольте мне решать! – грозно, как ему показалось, ответил Ванзаров.

Нагло хохотнув и выразив в междометиях все, что думает о сумасбродном юнце, Синельников отправился телефонировать в Департамент полиции. А Родион с радостным трепетом охотника, поймавшего удачу, приступил к телу.

Губернский секретарь Редер, отгородившись томом всеобщего Уложения наказаний Российской империи, был занят чрезвычайно важным делом, а именно: делил на четыре кучки замусоленные купюры, которые случайно забыл в папке на его столе купец Нифонтов, державший на территории участка лавку колониальных товаров. Купец был энергичным, а потому мешал дорогие сорта чая с дешевыми в пропорции один к трем, и не брезговал добавлять крошеного сена. Чтобы полиция не вмешивалась в процветание торговли, требовались не часто, но раз в месяц, забывать на столе некоторую сумму, которую в этот раз выпало делить Редеру. Напарники старательно не смотрели в его сторону, но готовы были в любую секунду прикрыть товарища и свои доли. Участь четвертой, самой толстой кучки, была всем известна.

Решительно хлопнула дверь. Таким образом входить в полицию позволяет далеко не всем, а если откровенно – только вышестоящему начальству. Три головы чиновников, как по команде, повернулись на шум. Вместо ужасного явления вышестоящих лиц, они стали свидетелями истинного чуда. В приемном отделении участка возникло существо, которое не часто увидишь среди обшарпанных лавок и не исчезающего запаха заношенных портянок. И хоть окна были распахнуты настежь, чиновникам показалось, что стало светлее. Такая красота предстала перед ними. Действительно, пришедшая дама отличалась изысканной красотой. Не меньшее впечатление производил ее наряд. Стоит описать ее хоть отчасти. Ведь в красивой даме, как известно, только и стоит, что описывать наряд, потому как без наряда, в чистой наготе, в даме нет решительно ничего интересного. Вернее – особенного. Разве нет?

Туалет ее был пошит из белого пике. Юбка очень широкая, так, что все швы скрываются в ниспадающих складках, корсаж-блуз открытый очень грациозно в манере каре спереди на вставке из полосатого пике: голубого с белым; изящный отложной матросский воротник, вышитый по краям голубым шелком и галстук из голубого батиста, завязанный бантом ниже воротника на груди. Голубой кушак был застегнут стальными пуговицами, а пышные рукава-ballon имели маленькие обшлага из полосатого пике. Костюм дополняла широкополая шляпа из голубой соломы с шу, убранный черным шелковым муслином, фиалками и эгреткой из зеленой травы. Светлые шведские перчатки дополняли элегантность туалета. Одной рукой

дама нервно теребила изящный зонт из белого газа, вышитый сиреневым шелком, а другой поддерживала на весу подарочную коробочку с бантом. Ну, разве не прелесть?..

Не стоит надеяться, что чиновники полиции разбирались хотя бы в части сложнейших деталей изысканного туалета. Попросту открыв рот, они не могли оторвать взгляд от дивной красоты.

Дама, кажется, не испытывала ни тени смущения или неловкости от того, что ее жадно облизывают три пары мужских глаз, словно все труды наряда предназначались именно для этого. Привыкнув отдавать распоряжения, она ждала, когда к ней обратятся с вопросом, что ей угодно. Видимо, дама происходила из тех кругов общества, которые воспринимали полицейских, как обслугу, навроде горничных и дворников. Но чиновники не сделали попытки предложить гостье свое усердие или стул.

Поискав взглядом хотя бы одного благородного человека, дама, наконец, поняла, где находится, и вежливым, но строгим тоном спросила телефонный аппарат.

Три присутствующих чиновника, как по команде окунулись в срочную работу. Губернский секретарь Редер был очень занят бумагами, не менее был занят коллежский регистратор Матько, а уж как был занят коллежский секретарь Кручинский, перекладывая бумаги с одного конца стола на другой, и говорить страшно.

Уняв раздражение, дама еще раз попросила аппарат, ей срочно нужно телефонировать по важному делу.

– Телефон в участке – дело государственное, – сообщил Кручинский, обмахиваясь от трудов праведных батистовым платочком. – Идите на телеграф, там и телефонируйте. Не видите, что ли, все заняты, не мешайте, барышня, и так с делами не управиться. Здесь полиция, а не проходной двор.

Дама не была приучена к такому обращению, а потому закусила хорошенькую губку. Но делать было нечего. Из маленькой атласной сумочки, которую мы сразу и не заметили, появилась трехрублевая ассигнация и легла на стойку, которая отделяла мир людей от мира чиновников. Случилось чудо: купюра растаяла, а вслед за ней три чиновника повскакивали со своих мест и наперегонки кинулись подводить даму к замызганному ящику, оказавшемуся аппаратом.

Она попросила оставить ее, покрутила ручку, назвала телефонистке номер 2-23, долго слушала молчание, поблагодарила девушку на станции, повесила рожок и оборотилась к троице, с интересом изучавшей спину и прочие прелести, скрытые юбкой.

– Мне срочно нужен сыщик. Самый лучший, – чуть дрогнувшим голосом сказала она. – Дело о жизни и смерти. У вас есть такой особый человек?

Переглянувшись, чиновники без слов сговорились, на кого выпадет счастье.

– Извольте обождать мадам, он немного занят раскрытием важного преступления, – доложил Кручинский, – и мерзким образом подмигнул.

К насыщенному букету медицинской, в котором йод боролся с хлоркой и касторовым маслом, Ванзаров принюхался и перестал замечать, да и составление протокола отняло все внимание. Появление нового аромата откуда-то из-за дверей дало себя знать настойчиво и нагло. Казалось, в жаркой атмосфере надвигается грозное облако нестерпимой вони, подгоняемое сквозняком. Что за запах, Родион понять не мог, и грешным делом решил, что воздух подпортил покойник. Но тот еще не успел. Это была какая-то совершенно особая гарь: будто жгли гнилую солому или болотный мох.

Синельников закрылся газетой и делал вид, что ничего не замечает.

От толчка беленую дверь снесло в стену, матовое стекло жалобно взвизгнуло, и на пороге предстала роскошная персона. Росту в ней было, чуть ли не в три аршина, плечи вздымались исполинским размахом, а грудь выпячивалась яблоком. Пришедший был одет не просто великолепно, а с шиком, это подтвердила бы любая дама: в идеально приталенном сюртуке, щегольских брюках, яркой жилетке, а в петлице цвела модная бутоньерка из белых гвоздик. Все та же дама не смогла бы остаться равнодушной к великолепно ухоженным, напомаженным усам, дивно напоминавшие крылышки экзотической пташки. Чтобы впечатление превосходства стало неизгладимым, визитер помахивал тросточкой с замысловатым набалдашником, и крепко держал массивный саквояж, по виду тяжелый. Роскошный господин выпустил струю дыма, не разжимая губ, в которых торчала короткая сигара, именуемая сигарильей. Родион вынужден был сдерживать рвотный порыв: таким нечеловеческим ароматом дунуло от курильщика. Источник неизвестной вони предстал во всей красе.

Ни с кем не здороваясь, господин прошел к хирургическому столу, бесцеремонно скинул простынь, окинул взглядом мирный труп, развернулся и громогласно заявил, не вынимая сигарильи:

– Синельников, до белой горячки допился, наконец? Какого рожна меня вызывать на сердечный приступ? Совсем сдурел?

– Это не я, господин коллежский советник, – явно робея, отвечал доктор. – Это, вот, юноша потребовал.

Ванзарова пронзил взгляд глубоко карих глаз, усиленный нахмуренными бровями и презрительно скривленными губами.

– А вы что еще за птица с пером в заднице?

– Позвольте представиться, Ванзаров, коллежский секретарь, – недрогнувшим голосом сообщил Родион, пряча подло вспотевшие ладошки за спину. – Действительно, это не доктор, а я приказал, то есть попросил вызвать вас... То есть не именно вас, господин Лебедев, а эксперта-криминалиста. Потому что это не сердечный приступ. Вовсе нет. А мне нужно в протокол внести... И вообще...

Угрожающее выражение было снесено внезапным порывом, открыв умное до чрезвычайности и добродушное до детской наивности лицо благородного во многих смыслах мужчины, в полном расцвете тридцати с небольшим лет. Изъяв сигарку от губ, он задумчиво проговорил:

– Ванзаров... Ванзаров... Не то ли это юное дарование сыска, о котором жужжат сплетники в департаменте?

Родион только скромно потупился.

– Ну, так это другое дело! – радостно фыркнул гигант, затушив окурок о грязный пол коридора. – Что ж вы сразу не сказали! А я – Лебедев. Да вы знаете... А откуда вы меня знаете?

О, как много можно было бы поведать о заслугах Лебедева! Не было в России иного криминалиста, который бы так честно носил титул «гениальный». Заслуги Аполлона Григорьевича перед криминалистической наукой и разнообразными научными полицейскими дисциплинами были неисчерпаемы. Но главным его достижением стало основание в 1890-м году антропометрического кабинета по системе Альфонса Бертильони, в котором преступника тщательно замеряли, фотографировали и систематизировали. За пять лет было обмерено более двадцати тысяч человек. Благодаря чему опознавали беглых и разыскиваемых не абы как, а по научной системе, хоть и сложной. И это только отдельный штрих великолепного портрета! Все же, постеснявшись Синельникова, Ванзаров ограничился кратким перечнем дел, в раскрытии которых принял непосредственное участие талант Лебедева.

Это произвело впечатление. Великий криминалист сожмурился, как заласканный кот, протянул ладонь и одарил крепким рукопожатием. Родион смутился, что такой достойный человек найдет его кожу не достаточно сухой. Но Лебедев добродушно хлопнул по плечу и обдал запахом дорогого коньяка:

– Ну, юное дарование сыска, выкладывайте, что у вас стряслось...

– Я полагаю, что совершено дерзкое преступление...

Заскучавший, было, доктор не вовремя хмыкнул, за что немедленно отхватил рык:

– Синельников! Еще один звук и вылетишь в форточку...

Продолжайте, Ванзаров. Отчего решили, что убийство?

Родион попросил подойти к телу и откинул край сюртука:

– Как думаете, что это такое?

Криминалист сощурился и признался, что ничего не замечает.

– Ну, вот же! – указал палец в область, где у трупа полагалось сердце.

Лебедев нагнулся, разгадывая деталь, скрывавшуюся в рисунке яркой материи, и тихонько присвистнул:

– Ай, да Ванзаров, ай, да глазастый. Как вас величать?

– Родион... – сказал коллежский секретарь, и уже не так уверенно добавил: – Георгиевич.

Синельников, заинтересованный находкой, сунулся к столу. И сразу пожалел. Развернув щуплое тельце эскулапа к выходу, Лебедев ласково предложил:

– Ступай-ка ты, брат, отсюда, чайку выпей, или водки. Нечего тебе тут делать.

Обиженный доктор в расстроенных чувствах саданул дверь.

– А вы совсем другой, – сказал Аполлон Григорьевич, все же понизив голос. – Мхом не поросли, делом горите, не то, что эти, сразу видно. Вы уж простите за мое вторжение, больно не люблю местного пристава: подлец в погонах – худшая из бед в полиции, да. Ну, попробуем разобраться с его благородие дохлостью.

– Это необычное преступление, может быть уникальное в своем роде... – заторопился Ванзаров, но был остановлен властным жестом.

– А вот с этим спешить не будем. Как говорить, вскрытие покажет... Внутренностей не бойтесь?

– Н-н-нет, – кое-как выдавил Родион.

– Ничего, к пятому трупу привыкните... Да не падайте в обморок, не стану при вас его потрошить... Так, маленько покромсаем... Отрежем руку-ногу, другую...

Крыса, про которую все забыли, сидела на поддоне коробки, показывая несравненное воспитание. Она с любопытством следила за очень большим человеком, от которого пахло вкусным обедом. Только животное не могло уразуметь, отчего это он с таким вниманием разглядывает мертвое тело.

– Вот, зараза, не могу понять, что это может быть, – сказал Лебедев, разглядывая предмет, выпиравший из жилетки.

Затруднение великого криминалиста было простительно. На фоне ярких разводов ткани, напоминавшей безумные индийские вышивки, скромно жался металлический шарик, отливавший бронзовым блеском. Размером – с крупную виноградину, или мелкую сливу, как угодно, сидел

на жилетке слишком прочно, а на верхушке имел аккуратные насечки:

|||

Вещицу нетрудно было принять за часть одежды или модное украшение, вроде броши, не заметить совсем, или не обратить внимания. Так бы и сделали большинство чиновников полиции, а уж сотрудники Казанского участка – непременно.

– Почему решили, что шарик имеет отношение к смерти бедолаги? – спросил Лебедев.

– Если мужчина навешивает на пузо цепи с брелоками, это одно. А этот одет бедно, без украшений. Нелогично, – еще немного тушуясь, ответил Ванзаров.

Ему все больше нравилось общаться со звездой русской криминалистики. Само собой получалось легко и непринужденно, как между старыми приятелями. Два разных по возрасту и положению человека необъяснимым образом испытали друг к другу прилив искренней симпатии. Отчего такое бывает?

– Ладно, возьмемся за тело, – сказал Аполлон Григорьевич.

Гигантский саквояж раскрылся походной лабораторией. Из недр были извлечены щипцы устрашающего вида с хищно загнутыми концами. Приладив их под шарик, Лебедев прочно ухватил рукоятки, напрягся и дернул с устрашающе легкой силой.

Мертвец отшатнулся по инерции. С мягким чмоком вынырнуло тонкое, полированное лезвие, на котором остались бардовые сгустки.

– Что это? – спросил Ванзаров, не боясь показаться невежей.

Быстрого ответа не случилось.

– На стилет воровской не похоже, слишком изящная штучка, – сказал эксперта, вертя на свету предмет. – Не медицинский инструмент, однозначно. Возможно, шило. Хотя не сапожное. Лезвие немного длинновато – с полвершка... Да, ловко господина сложили.

– Прошу прощения?

– На воровском жаргоне «сложить» значит «убить». Учите, Ванзаров, аргумент пригодится, – сказал Лебедев, крутя в щипцах странный предмет. – Что за ерунда такая?

Какой музыкой прозвучали для Родиона эти слова! Вот она – загадка. Интуиция не ошиблась, наконец, ему попало настоящее таинственное дело для настоящего сыщика.

Шило отправилось в стальной судок, жалобно звякнув. Лебедев сообщил, что такую неприятность следует перекурить, вынул свежую сигарку, подхватил трость, изящным, несколько показным образом нажал

скрытую пружинку набалдашника, на котором вспыхнул язычок пламени. Тщательно прикуривая, криминалист наблюдал за произведенным впечатлением.

– Замечательное изобретение: трость с вечной зажигалкой, – хвастливо заявил он. – Никогда не подводит, ни в дождь, ни в снег. Патентованная вещь, отвалил бешеные деньги. Кстати, не желаете сигарку? Исключительные – никарагуанские. Специально для меня в одной лавке держат.

Ванзаров вежливо отказался, стараясь прокашляться не очень вызывающе. То, что во всей столице такие сигарки курил один человек, не удивляло. Источаемый ими запах требовал особого мужества или полного отсутствия обоняния.

– Вижу-вижу, что не терпится, рассказывайте, что накопили, – подбодрил Лебедев широким жестом. – Не стесняйтесь, все свои. А если что – труп не проболтается.

Родион выдохнул и заторопился:

– Молодой человек ни с того ни с сего, падает посреди улицы. Городовой волочет его в участок, даже не удосужившись захватить свидетелей. Все думают, что это сердечный приступ. Но обнаруживается масса странностей. Первая: у него в карманах нет решительно ничего – ни денег, ни документов. Кроме вот этого листка...

Ванзаров протянул полоску сероватой бумаги, на которой типографским способом была напечатана черная роза, а рядом с ней криво нарисованы чернилами полукруглые стрелки, замыкающие себя кольцом:

Лебедев покрутил обрывок и равнодушно отложил:

– Ну, и далее?

– Вторая странность: у этого господина нет никаких украшений, кроме колечка на безымянном пальце левой руки. Ничего не напоминает?

– Змейка хвост кусает.

– Это не змейка. Это – Уроборос! – несколько взволнованно сказал Родион. – Древний гностический символ! Образ вечного круговорота, цикличности, гибели мира и его воскрешения, смерти как рождения и рождения, как смерти. Символ бессмертия и самооплодотворения. Истина и познание в одном...

– Хотите сказать: тайный сектант? – спросил Лебедев, выпуская облако дыма.

– За этим скрывается нечто большее, чем просто убийство.

– Поспешный вывод. Все может иметь примитивное объяснение, да хоть убийство из ревности. Или, например, его с кем-нибудь спутали.

– А то, что одежда с чужого плеча?

– Свою отдал в почистку.

– Что скажете на это? – Родион выставил указательный палец в животное, которое благодарно принялось. – При нем была шляпная коробка, в которой находилась дрессированная крыса.

– Вот как! – Лебедев улыбнулся. – Я-то подумал, Синельников совсем ума лишился от пьянства, крысу себе завел. Какое милое животное. И по виду умница. Заметьте умнее многих.

Крыса уловила, что говорят о ней, и решила предъявить себя добрым людям во все красе: встала на задние лапки и покачалась, словно в танце.

– Занятно как, – сказал Аполлон Григорьевич, кидая актрисе кусочек сахара. – Хотите убедить меня и себя, что в скучной полицейской рутине мы наткнулись на необычное дело?

Ванзаров мог лишь согласно кивнуть.

– Так вот, что скажу вам, Родион Георгиевич: дело самое пустяковое. И не подсовывайте мне всяких змей с крысами да розами. Все это – ерунда. Я еще стерплю, а пристав и слушать не станет. Тут нужны серьезные основания. А их нет.

– Неужели? – с упавшим сердцем, спросил Родион.

– Ну, почти... Возможно, за маленьким исключением... – Лебедев умело тянул паузу, как великий актер перед залом, затаившим дыхание: – Оно перед вами.

– Должна вам сказать, что дамские моды этого сезона не удивили новыми открытиями. По-прежнему остались популярными очень пышные рукава-ballon, причем в летних платьях рукав всегда полу короткий, отделанный шу из лент или кружевами, но наиболее пышная часть его... – дама показала на себе, – ...у локтя так, что рукав напоминает форму эполета. Белый цвет особенно в моде. С платьями нежных цветов принято носить черные кушаки, но тогда необходима и высокая черная шляпа. Весьма модным сочетанием цветов надо считать синий с желтыми цветами, например, на отделке шляп. Кстати, о шляпах: в большой моде вуали из белого тюля с рисунками в виде горошин или разводов с кружевом, причем последние идут более всего к большим шляпам. Например, как вон та... Вуали из tulle-illusion^[1] цвета «мов» или розоватые придают свежий оттенок лицу... Позвольте угостить вас свежими моделями шляпок. Мне присылают образцы прямо из Парижа...

Матильда не давала и слова вставить молоденькой барышне, по которой сразу скажешь: вкус не развит, из грязи в князи.

Действительно, мадам Оноприна только теперь смогла осуществить заветную мечту: не боясь расходов, зайти в самый роскошный и дорогой салон дамских мод в столице, который держала Матильда Живанши. С тех пор, как муж Оленьки получил скромное место чиновника в городской Думе, позволявшее распределять подряды на электрическое освещение, благополучие семьи резко выросло. Чему мадам Оноприна была искренно рада.

Сидя с чашечкой кофе, которую еще не научилась держать на весу, Оленька с тихим восторгом и ужасом поглядывала на невероятные туалеты, о которых и мечтать не смела, а теперь – пожалуйста, на элегантных дам, тихо беседующих со своими модистками, на цветные картинки журналов мод, выставленных в рамках, и готова была хватать без разбора первое, что предложит, так ей все нравилось. Голова кружилась счастьем и детским восторгом, когда конфеты можно загребать горстями.

– Взгляните, что за прелесть эта шляпка: модель называется «Мария Терезия»! А это – разве не чудо: модель «Мерседес». Или вот какая милая шляпка: модель «Мисс Эрвин». Но особо мне нравится модель «Дофин». Это изумительно, не правда ли?

Жена удачного чиновника соглашалась со всем, потому что сравнивать

ей было не с чем. Еще недавно сама перешивала шляпки, по три года носили одни башмачки, и была рада-радешенька серенькому платьицу. Вовремя вспомнив, что теперь она солидная дама, Оленька настроила серьезную мордочку и спросила:

– А это действительно самые последние парижские моды?

Мадам Живанши позволила себе чуть печальную и чуть покровительственную улыбку. Как хорошо знала она всех этих дочек мелких чиновников и купцов, недослужившихся офицеров и разорившихся помещиков. Как хорошо понимала, чего им хочется, когда вдруг открылись возможности, когда можно не экономить копейку и получать наслаждение от новых тряпок. Насквозь видела их Матильда.

– Дорогая моя, только в этом салоне найдете самые свежие модели. У меня осталось много друзей во Франции, где я училась искусству моды и провела семь самых счастливых лет.

– А разве моде надо учиться? – спросила Оленька. – В журналах картинки печатают.

– По картинкам шьют в дешевых салонах, могу подсказать хорошие...

– Нет, не надо, я у вас хочу...

Матильда пожалела барышню: и так растерялась от переживаний.

– Не изволите взглянуть на мои награды? – уже ласково спросила она.

Мадам Оноприна с облегчением избавилась от кофейной чашечки и отправилась за хозяйкой салона. С улыбкой торжества Матильда отворила стеклянную дверцу изящного шкафчика в стиле Людовика XV:

– Это мои скромные победы на пути к вершинам искусства моды, которых не достичь никому.

Оленька честно смотрела на зеркальный уголок и не могла понять, чем следует восторгаться. Не дождавшись обязательных возгласов, Матильда неприятно удивилась, но на всякий случай глянула внутрь шкафчика. И не справилась с чувствами:

– О, мой Бог! Какое варварство! Какое коварство! Их украли!

Ванзаров лихорадочно пытался сообразить, на что намекает криминалист. Неужели упустил какую-то важнейшую и очевидную улику? Недосмотрел и вот, опозорился перед великим знатоком. Ай, как стыдно.

– Да не ищите всякую мелочь, – Лебедев легонько подоткнул юношу в спину. – Вот главная улика во весь рост: сам покойник.

– То есть прием убийства?

– А что же еще!

Забыв про угрызения и застенчивость, Ванзаров вдруг казал:

– Позвольте, я буду рассуждать вслух, ну, как бы сделал Сократ... Извините...

Лебедев только развел руками от восхищения.

– Ну, уж порадауйте. Чтобы в полиции Сократа использовали – это трюк почище, чем кошелек у губернатора «притырить».

– Я немного знаком, то есть изучал, систему его логики... И вот... Ну, то есть... Если положим...

– Да не тяните, Родион Георгиевич! Я не пристав, безумно любопытно.

– Значит, так, – Ванзаров выдохнул страх. – Молодой человек явно не собирался умирать. Чисто выбрит, помылся, еще пахнет свежим мылом, руки холеные, хорошо ухоженные. К какому сословию принадлежит? Обеспеченному. Но одежда дешевая, не его. Для чего маскарад? Не хотел, чтобы узнали. Далее. В самую жару отправляется куда-то с коробкой, в которой сидит послушная крыса. Зачем? Ответа нет. А предположения делать не будем. На Невском проспекте, в самом центре столицы, он получает смертельный удар в грудь. Почему в таком месте, зачем рисковать? Допустим, это показательная расправа. Но кого это устрасило? Да никого. Что остается? Для убийцы не оставалось другого шанса с ним расправиться. Времени не оставалось. А значит, это как-то связано с посылкой, которую нес погибший. Далее. Убийца настолько дерзок и хитер, что никто из прохожих не видит, что человеку всадили в сердце острый предмет. Что это значит? Это профессионал с твердой рукой. Но за последнее время таких происшествий по нашему департаменту не проходило. Почему? Потому, что он воспользовался каким-то своим навыком...

– Позвольте встрять, – оживился Лебедев. – Могу добавить о способе убийства. Удар нанесен с очень близкого расстояния, буквально вплотную,

снизу вверх, у злодея крепкая и самое главное – точная рука. Смею уверить: такой удар в сердце требует большого мастерства. Несчастный был какое-то время еще жив, и малейшее движение убило его. Так какая у него профессия?

– Не знаю, – признался Ванзаров. – Зато наверняка он – мужчина.

– Вывод не верный. И женщина может нанести один сильный удар. А уж коварный – без сомнения.

– Не в этом дело. Такое шило в руке долго нести невозможно, кто-нибудь на улице заметит, станет оборачиваться, и тому подобное. А оно должно быть под рукой в любое мгновение. В женском платье его девать некуда – перчатки до локтя или манжеты слишком плотно прилегают. Другое дело мужской сюртук...

В нервном возбуждении Родион схватил шило и осторожно засунул в рукав, подвернув кисть. Оружие стало невидимым. Но как только обшлаг расширился, шило плавно выскользнуло прямо в ладонь, а шарик удобно уперся в пальцы. После чего не составило труда нанести разящий удар снизу вверх.

Лебедев одобрительно хмыкнул:

– Где это научились таким приемчикам гайменника?

– Просто логика. Убийца подошел к жертве так близко, как требовал удар, но несчастный ничего не заподозрил. Почему?

– Хотите сказать – его знакомый?

– Не совсем. Но почти уверен, что убийца – левша.

– Неужели по форме раны смогли определить? – с некоторой тревогой спросил криминалист.

– В это я пока мало разбираюсь, – признался Ванзаров. – Тут логика. Как проще всего нанести такой удар в людном месте? Из-за спины. Почему? Те, кто идут по улице сзади убийцы – вообще ничего не поймут: мало ли что делает прохожий. А те, кто шел навстречу убийце, вряд ли смогут заметить быстрое движение рукой. Что получается? Удар левой рукой из-за спины. Убийца догнал, ударил и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Для этого он должен хорошо знать свою жертву, чтобы не спутать его спину с кем-нибудь. Исходя из этого, следует вывод: убийца никак не выше жертвы, а может быть чуть ниже его. Убил и расписался.

– Это как же? – насторожился Лебедев.

– Обрывок с розой и стрелками был засунут в нагрудный карман. Как знак, что послание доставлено по адресу.

Выпалив логические умозаключения, Родион растратил запал, и теперь смотрел на старшего коллегу в тревожном ожидании: не ударился ли в

грязь лицом? Примет ли великий криминалист рассуждения почти мальчишки?

Лебедев скрылся в раздумьях, а когда молчание стало уж слишком тоскливым, вдруг поднял крышку от шляпной коробки, заглянул внутрь и сообщил:

– Надо же, «Смерть мужьям».

Немым образом Ванзаров умудрился выразить фейерверк чувств, среди которых «ага!» и «ух, ты!» были самыми слабыми.

– А! Так вы не знаете... Коробка эта из салона современных мод некой Матильды Живанши, называемый «Смерть мужьям».

– Что за жуткое название для дамского салона?

– На вывески у нее «Салон м-ле Живанши», а прозвище молва дала. И поделом. У Матильды безумные цены на платья, шляпки и прочую чепуху, без которой не может прожить ни одна дама. Каждый визит вытряхивает кошелек дочиста. Ну, и бедные мужья отомстили, как могли. Вот женитесь, не дай бог, тогда узнаете.

– Где он находится?

– Кажется, на углу Невского и Караванной. Это важно?

– Недалеко от этого места было совершено убийство.

– Неужто из салона мод крысу в коробке несли?

– Возможно совпадение. Вот если б животное могло говорить...

Блестящие бусинки грызуна трепетно смотрели на людей, которые так мало обращали внимания на такую хорошую крысу. Животному хотелось общения, но она была слишком хорошо обучена смирному поведению.

– Чтобы определить личность, потребуется время, – сказал Лебедев. – Если о пропаже не сообщат родственники, придется давать объявление в газете и устраивать открытое опознание. Меньше чем на неделю не рассчитывайте, коллега.

Если бы Ванзарову предложили на выбор: все богатства мира или услышать этот скромный эпитет из уст великого криминалиста, юноша не раздумывал и мгновения. Да за такое счастье стоило терпеть еще месяц каторги в участке. Его назвал «коллегой» сам Лебедев! В небесах вспыхнул транспарант: «Родион – все-таки великий сыщик!». Но юноша отогнал счастливое видение поскорей. И очень вовремя. Дверь медленно приоткрылась, в проем сунулось елейное личико чиновника Матько:

– Родион Георгиевич, извольте в кабинет для допросов.

– Зачем? – дольно грубо спросил Ванзаров.

– Ну, как же, сам господин пристав вам место уступили.

– Да в чем дело?

– Вас там ожидают.

– Меня?

– Разумеется – вас. Пришла дама, которой требуется самый лучший сыщик, а вы у нас один такой, – и Матько растворился вместе с улыбочкой.

– Все-таки крысы порядочнее людей, – вдохнул Лебедев. – Идите уж, лучший сыщик, я тут еще поколдую. Может, покойничек чем-нибудь поделится любопытным.

Внезапно Родион ощутил, что слово «сыщик» перестало приятно возбуждать и щекотать. Практически начисто.

Комнатка для допросов была устроена как нельзя хуже – на втором этаже, где было еще жарче, но зато по соседству с кабинетом самого пристава. Ванзаров решительным образом распахнул дверь, намереваясь быть строгим и солидным чиновником полиции, тем более для особых поручений, но застыл как столб, задохнулся и ослеп. На краешке протертого кресла, сносившего бессчетное количество задов жуликов, воров, убийц и прочих отвратительных личностей, помещалось создание неземной красоты. В абрисе солнечного света, лившегося из окна, она показалась Родиону творением совершенно бесподобным, перед которым хотелось упасть на колени. Но будущий великий сыщик, все же сдержался, насупил брови и для солидности хмыкнул. От дамы мучительно и призывно веяло модным ароматом «Черная маска».

Чтобы пояснить внезапную слабость Родиона Георгиевича, следует несколько бесцеремонно влезть в его частную жизнь. Ну, что тут поделывать, автора не выбирают. Так вот... К возрасту, в котором иные ретивые самцы уже обзаводятся законным потомством, Родион все еще пребывал в состоянии, какое деликатно можно обозначить «романтическим туманом». Не то, чтобы он избегал женщин, или, упаси бог, тянулся к своему полу. Совсем напротив, в мечтах позволял разнообразные шалости и трюки, но как дело касалось реальной барышни, трусость, переходящая в панику, овладевала стальным сердцем юного чиновника. Быть может, виной всему была его матушка, которая прилагала чрезмерные усилия на то, чтобы младший сынок поскорее надел ярмо семейной жизни. В каждой девушке Родион стал видеть будущую супругу, что приводило к легкой панике. Уж чего он точно не хотел – так это связывать себя семейными обязательствами. Какая семья, когда карьера великого сыщика ждет в нетерпении. Попав в мучительное противоречие, Родион знал женщин только с теоретической стороны, неплохо представлял их анатомию, особенно в части трупов, но когда дело касалось живого объекта, всякий раз случалось недоразумение. Видя красивую барышню, Родион с ходу влюблялся, начинал фантазировать, но тут же вспоминал о семейном долге и мгновенно остывал.

Незнакомка в кресле не стала исключением. Уж слишком призывно изгибался стан, охваченный кушаком, а юбка... впрочем, ее туалет уже известен. Но в этот раз исцеление пришло стремительно: на безымянном

пальчике блеснуло обручальное колечко, и сама дама, обмахиваясь платочком, обдала таким холодным, изучающим взглядом, что несгибаемый Ванзаров смутился некоторых потертостей сюртука и брюк. Заложив руку за спину и распрямив торс, как мог, он строго спросил:

– Чем могу служить?

Дама еще держалась за крайний предел терпения, за которым у женщин начинается безысходная истерика. Жара и шутки чиновников сделали своего дело. Ожидала увидеть солидного, взрослого господина, которому можно доверить свою беду, а предстал коренастый юноша, чуть более полноватый, чем требовала мода, похожий на добродушного медвежонка, гладко выбритый, в несвежем костюме, возмнивший о себе невесть что, но при этом нервный девственник. Уж это дамы умеют почуять особым чутьем. Представший субъект не понравился прекрасной шатенке. Она не сочла нужным скрыть презрение и, скривив губки, спросила:

– Вы что, сыщик?

Остатки волшебного ореола развеялись. Слово, так много значившее для Ванзарова, прозвучало, как ножом по стеклу, и совсем поблекло. Но теперь Родион видел перед собой нагловатую особу, психологический портрет который был составлен мгновенно: капризная истеричка, возможно, с бредовыми идеями, имеет детей, вполне состоятельна, изнывает от безделья, привыкла вертеть мужчинами, хитра, знаете себе цену и умеет толково распоряжаться красотой, одета как картинка из журнала мод, тщеславна, любит быть в центре внимания. Дело, скорее всего, пустячное: или поссорилась с мужем или пропал любимый пуделек. Спасибо собратьям-чиновникам, опять подстроили мелкую пакость. Придется тратить время на ерунду, когда ожидает такое дело.

– Чиновник десятого класса, коллежский секретарь Ванзаров, прислан в этот участок из Департамента полиции, как чиновник для особых поручений от сыскной полиции, – отчеканил Родион служебную абракадабру. – Так, в чем собственно дело?

Обилие титулов столь юного мужчины произвело на даму впечатление, и, резко сменив тактику, она одарила застенчивой, но чуть игривой улыбкой.

– Я просила, чтобы мне дали лучшего сыщика, ваши коллеги рекомендовали вас...

Яд лести опоздал, в душе Ванзарова царила сталь.

– Изложите дело, я очень тороплюсь.

– Вы такой милый, и тоже хотите от меня отделаться?

Дама сделал драматическую паузу, а у Родиона заняло нехорошее

предчувствие: так и есть – змея-искусительница. Или хитрая бестия, в лучшем случае.

– Уверяю вас, у меня не пустячное, а очень важное, трагическое дело...

– Позвольте...

– Я супруга титулярного советника Министерства иностранных дел Екатерина Павловна Делье, – представилась дама с таким значением, будто фамилия ее мужа горела аршинными буквами над всеми столицами Европы.

Тем не менее, имя было знакомо Ванзарову исключительно в силу родственных обстоятельств, о которых сейчас не время. Это никак не изменило мнение о визитерше, но заставило изобразить вежливый поклон.

– К вашим услугам, – повторил Родион Георгиевич. – Что привело вас в полицию?

Госпожа Делье словно собралась с силами, не забыв оправить шу на шляпке, а также разгладить кончики блузы, и сообщила:

– Так знайте: произошло жуткое преступление!

Умение составлять мгновенный психологический портрет, натренированное для карьеры сыщика, не подвело. Ванзаров невольно зажмурился: так и есть, ненормальная истеричка.

Господин, одетый вроде англичанина, провел в 3-м участке Спасской части уже полчаса, а такого времени вполне достаточно, чтобы любой нормальный человек, не жулик или грабитель, закипел, гневно оскорбляя и грозя жуткими карами, чем наваривал себе лишнее наказание. Титулярный советник Анучкин честно старался довести задержанного до белого каления, долго и муторно составляя протокол. Но наглец только улыбался, даже золотое пенсне не снял, и опять спросил:

– Так в чем же меня обвиняют?

– Повторяю, господин... – Анучкин нарочно заглянул в протокол, хоть и помнил фамилию, тут ведь важно, чтоб задержанный прочувствовал себя никем: – ... господин Карсавин, вы злостно нарушили введенной в нашей столице порядок управления велосипедом. Что написано в правилах? Зачитываю: «Каждый велосипед, при езде на нем по городу, должен быть снабжен выданным на этот предмет из канцелярии господина градоначальника номерным знаком, прикрепленным сзади велосипеда так, чтобы знак этот не был закрыт сумкой или одеждой. Кроме того, обязательно иметь звонок, а с наступлением темного времени – зажженный фонарь». Фонарь есть? Фонаря нет.

– Но ведь сейчас ясный день, зачем фонарь?

– Вдруг – гроза и сумрак упадет? А вы – без фонаря. Нарушение. Далее: где номерной знак?

– Велосипед куплен только вчера, не успел.

– Надо господин, Карсавин, закон соблюдать... Столько народу напугали... Я уже не говорю о лошадях... Вон, что городской в рапорте докладывает...

– Голубчик, это абсурд, – сказал господин, и так мило улыбнулся, что Анучкину расхотелось его уличать. На какое-то мгновение. Но жара и прочие трудности взяли свое. Чиновник нахмурился и веско сказал:

– Правила для всех писаны... Что в них написано? Читаем: «Во время езды по городу велосипедист обязан иметь разрешение при себе и предъявлять его по требованию полиции». Покажите разрешение...

– Где его получить?

– Эх, господин Карсавин! На велосипед сели, а таких простых вещей не знаете... Ладно, будем составлять. Происшествий мало, так что завтра во всех газетах заметка появится. Спасибо репортерам, помогают полиции

боротья с этой заразой велосипедной...

Наконец-то чиновник попал в чувствительную точку. Господин задержанный полез в карман, извлек кожаное портмоне, и невинным голосом спросил:

– Какую посильную помощь могу оказать защите правопорядка?

Анучкин немедленно принял гордый вид, кашлянул для значительности и уткнул палец в правила:

– Обращаю ваше внимание: «Лица, виновные в нарушении сих правил, помимо административной или судебной ответственности, могут быть по усмотрению господина градоначальника лишены права езды на велосипедах по городу временно или навсегда»...

На столе сама собой появилась десятирублевая купюра, новенькая, только что введенная в оборот, а потому чрезвычайно популярная у горожан и меняльных контор. Как волшебнo возникла, так и исчезла.

– ...Но, учитывая ваше полное и искренне раскаяние, полиция считает возможным простить на первый раз такое правонарушение. Но больше не нарушайте.

Бумага протокола, тщательно разорванная и смятая, отправилась в мусорную корзину. Господин благодарно поклонился и попросил выкатить велосипед на улицу. Заодно пообещал не ехать, а вести в руках, завтра же непременно поучить все разрешения и номера.

– Это невозможно, – улыбнулся чиновник Анучкин. – Наказание вам отменено, но велосипед без номерного знака реквизируется полицией. Всего доброго.

Господин в золотом пенсне пробормотал тихое проклятие и вышел из участка. Что мало встревожило титулярного советника. Сынок так давно просил велосипед: будет ребенку дорогой подарок на именины.

Сообщив столь сногшибательную новость, госпожа Делье, вероятно, ожидала, что чиновник полиции кинется сломя голову на выручку, или хотя поднимет по тревоге роты столичной полиции. Но упрямый «бычок», как она прозвала его про себя, продолжал таращить на нее миленькие глазки, чего уж тут скрывать, но явно демонстрировал отсутствие горячего интереса.

– Значит, жуткое преступление? – переспросил он в довольно развязной манере.

Этого было достаточно, чтобы терпение Екатерины Павловны лопнуло пузырем, и срывающимся голосом она изложила все, что думает про полицию вообще, и про всяких мелких чиновников в особенности.

Хорошенький «бычок» выслушал ее причитания с омерзительным холодным спокойствием, и откуда в таком возрасте, подумайте, взялась такая выдержка, и, как ни в чем не бывало, спросил:

– Так в чем жуткое преступление?

Больше всего Екатерину Павловну задело, что этот пухленьш не реагирует на ее чары, и, попробовав последний аргумент – слезы, окончательно в этом убедилась. Чиновник полиции преспокойно наблюдал, как она заливается, и только бесчувственно предложил воды.

Терпеливо снеся истерику барышни, Родион Георгиевич повторил свой вопрос.

– Вы такой юный, а уже очерствели душой! – заявила всхлипывающая Екатерина Павловна. – Как это ужасно.

– Госпожа Делье, я уже третий раз пытаюсь добиться от вас: что случилось. Хотя если точно – в четвертый. А вы ни даете мне малейшего шанса.

– Убийство! – крикнула вполне жалобно Делье.

– Кого? Когда? Где?

«Нет, он законченный сухарь, ничего его не берет», – с досадой подумала Екатерина, и спросила:

– Вы обещаете мне помочь?

– Все, что будет в моих служебных возможностях. Так с кем случилось несчастье?

– С моей подругой.

– Почему не вызвали полицию?

– Ну, я не вполне уверена... Хотя ничего другого и быть не может!

Родион стал сомневаться в психологическом портрете: кажется, барышня всего-навсего хорошенькая дура. Или что-то уж очень хитрит. Для чего вся эта сцена со слезами? Чтобы потом ляпнуть откровенную глупость?

– Извините, я вас не понимаю, – признался он.

Екатерина Павловна как-то сразу оставила наигрыш. Оказывается, сегодня утром она пришла в дом к подруге, чтобы поздравить с именинами. Долго звонила, но ей не открыли. Спустившись во двор, увидела, что окна открыты для проветривания, чего не могло бы быть, если бы в квартире никого не осталось. Дворник пребывал в состоянии печального отупения от жары и не мог вспомнить: выходила ли госпожа Грановская. Встревожившись, Екатерина пришла в участок, и стала телефонировать на квартиру. Но никто не ответил.

– Не вижу причин для беспокойства. Ваша подруга могла, например, уехать, – предположил Ванзаров.

– Да, как вы не понимаете, у нее именины! Аврора сидит дома и получает от гостей подарки. Она их просто обожает. Даже если бы выбежала на минутку, в доме остается горничная. Но никто не отвечает!

– А муж?

– Он на службе с раннего утра.

– Так близко знаете распорядок их семьи?

Екатерина Павловна осадилла намек чиновника полиции строгим взглядом:

– Грановский – известный адвокат. Не вылезает из судебных процессов. Вы не могли не слышать эту фамилию.

Да, возможных врагов грядущих судебных заседаний Родион изучал заранее. За последний год фамилия «Грановский» стала много значить для юридического мира столицы: восходящая звезда юриспруденции, молодой адвокат, который за короткое время сумел выиграть три сложных гражданских дела подряд. Опасный враг для сыщика. И все же прозвучавшая фамилия придавала совершенно новый смысл истерическим стенаниям. Вернее – смысл в них, наконец, появился.

– Надо срочно отправиться к ней на квартиру и выяснить, что произошло, – приказала хорошенькая барышня.

– И все же, с чего взяли, что с вашей подругой случилось такое несчастье?

– Да просто поверьте! Поверьте, и все! – закричала Екатерина. – Не время объяснений, надо спешить!

– Ей кто-то угрожал?

– Да что же это, в самом деле! Вы человек или инструкция ходячая? Говорят вам – случилось несчастье! Помогите!

Наконец убедившись, что мадам Делье обрела необходимый градус искренности и дальше изводить женщину – бесполезно, Ванзаров примирительно сказал:

– Так и быть. Отправлю с вами двух городовых.

– Нет, умоляю! – отложив зонтик, Екатерина стала заламывать хорошенькие ручки. – Без вас и шагу не ступлю! Я знаю, что с Авророй произошла беда. Вы нужны там! Будьте милосердны к мольбам женщины.

Это был удар ниже пояса. Как ни крепился Родион, но и его стальному характеру пришлось поддаться. Страх и трепет жены дипломата были чрезвычайно искренними. Одно странно: отчего так убиваться за судьбу подруги, но, все же, не родного человека. И Ванзаров спросил напрямую.

– Если Аврора убита, значит, и меня убьют, – сказала Екатерина так просто, словно дело шло о самом мелком домашнем происшествии.

Родион уже собрался вцепиться стальной хваткой в это признание, как в кабинете появился Лебедев. Под мышкой он держал какой-то сверток, а на локте его удобно расположилась мирная крыса.

– О, Ванзаров! – вскричал криминалист. – Вот вы где прячетесь, с хорошенькой барышней лясы точите, молодчик! А мы с Гоголем вас везде обыскались.

– С каким Гоголем? – искренно недопонял Родион.

Лебедев приподнял локоть с крысой:

– Знакомьтесь, мой друг – Гоголь. Характер тишайший и похож, подлец, удивительно. Не находите?

С крысой произошло что-то странное. Мирная и по-своему обаятельная мордочка, вытянулась хищным клинком, глазки сузились, шерсть встала шипами. А дальше случилось невероятное. Если бы Ванзаров не видел своими глазами – ни за что бы не поверил. Крыса сжалась в комок и вдруг отчаянно прыгнула, метясь прямо в лицо Екатерины Павловны. Но промахнулась и шлепнулась на пол.

Воочию случился самый страшный из женских кошмаров: огромная крыса, ощерив пасть, хочет наброситься и загрызть досмерти. Реакция или инстинкт, тренированная поколениями женщин на крохотных мышатах и беззлобных хомячках, сработал куда проворнее мужчин. Екатерина буквально взлетала на стол, поджав коленями юбку, и затрубила столь ужасающе высоким фальцетом, что у Ванзарова заложила уши. Не обращая внимания на душераздирающий крик, Гоголь рыскал вокруг стола,

примериваясь, как бы взобраться на приличную высоту, и, наконец, выбрал подходящую ножку. От обаятельного пушистого зверька, не осталось и духа: это был устремленный и беспощадный хищник, мститель за все беды крысиного племени.

Цепкие коготки уже лезли по резным узорам, когда в кабинет влетел пристав и, не раздумывая, нанес удар кованым сапогом. Раздавленная тушка с вылезшими из орбит глазенками, шлепнулась на пол, дернулась и затихла. Для верности каблук пристава превратил голову Гоголя в лепешку.

– Что здесь происходит? – закричал подполковник, перекрикивая визг женщины.

– Вы убили важнейшую улику! – в ответ закричал Ванзаров.

В последующие мгновения только Аполлон Григорьевич сохранял ледяное спокойствие. Орал пристав, вопила Делье, высказывался Ванзаров. В дверях застыли оглушенные и перепуганные чиновники.

Наконец, страсти улеглись. Рыдающую даму увел под ручки лично Вершинин-Гак, приказав Ванзарову строгим шепотом немедля явиться к нему на ковер.

– Ну и ну, – проговорил Лебедев, разглядывая кашицу кровавого меха на полу. – Никогда не слышал, чтобы имя так взбесило животное. Надо было его Тургеневым, что ли, назвать. Не похож, зато таких художеств не усочинил бы.

– Имя тут ни при чем, – сказал Ванзаров.

– А что? Не от жары же Гоголь свихнулся.

– Не знаю. Что-то другое.

– Вот и думайте. А не придумаете, спросите совет у Сократа. И заодно об этом... – сказал Лебедев, кинув на стол рыжий парик с бородой. – Покойник наш вполне выбрит и розовощек, если бы не трупная бледность. Хорошо замаскировался. Вот вам и желанная загадка.

– Даже две. Если включить поступок Гоголя.

– Фотограф полицейского резерва уже щелкнул портретно во всех видах, скоро получите любопытные снимки. А это... – криминалист показал стеклышки, между которыми виднелась крошечная загогулинка, вроде червячка, – ... я нашел у нашего приятеля под ногтями. Знаете, что?

Родиону пришлось демонстрировать полную неосведомленность.

– Олеонафт, – торжествуя, заявил Лебедев. – Смазочное масло для велосипедов. Понимаете?

Ясно, как божий день: неизвестный труп стал обретать очертания. Господин увлекался велосипедами, судя по засохшей грязи – страстно. А значит, круг поисков значительно сузился. Так что появлялась надежда

быстро узнать его личность.

– На ладонях характерные мозоли от рукояток руля. На коленях и щиколотках – синяки от многочисленных падений. Если принять во внимание хорошо развитую мускулатуру ног, какой вывод напрашивается?

– Спортсмен-гонщик... Где же он мог взять шляпную коробку?

– И семейная жизнь оставляет на теле неизгладимые следы, – Лебедев хитро улыбнулся. – Перед маскарадом снял обручальное кольцо, но вмятинка на пальце осталась.

– Ну, конечно! – вскричал Родион. – Как я не догадался. Это же проще всего: у жены. У нее, поди, таких коробок целый шкаф, даже и не заметит мелкую пропажу. Как же я сразу не понял...

– Это у вас от недостатка семейной жизни. Ничего, с годами пройдет...

– Семейного человека хватятся уже сегодня вечером. Завтра получим заявление о пропаже, установим личность... Это хорошо... Спасибо, Аполлон Григорьевич, вы очень помогли, – искренно и печально добавил Ванзаров.

– Пустяки, коллега! – в огромном кулаке Лебедева появилась изящная серебряная фляжка. – Глотните, а то вам еще с приставом общаться. Это развлечение не для слабых духом. Будьте с ним осторожны, отменный прохвост.

И Родион маленько приложился. Только через несколько лет он случайно узнал, какой чести был удостоен. Но, пока не до этого...

– Ну, с боевым крещением... – сказал Лебедев, в свою очередь, поддержав компанию с фляжкой. – Предлагаю углубить знакомство. Вы сегодня вечером свободны? Вот и отлично. Покажу вам милые пороки столицы, да. В вашем возрасте это полезно.

С легким сердцем и приятно замутневшим сознанием Родион Георгиевич отправился на первой в своей полицейской карьере начальственный разнос.

Кабинет пристава походил на провинциальный музей, в котором развесили по стенам все, что только смогли приколотить, не забыв самую бесполезную дрянь. Фотографии и картины в больших, средних, маленьких и даже крошечных рамочках, жадно теснились до потолка, откуда свешивалась огромная люстра с плафоном, которая обещала свалиться на голову посетителя. Пахло в кабинете, как и полагается всякому местопребыванию местной власти: смесью пыли бесчисленных поколений бумаг.

Сам Савелий Игнатьевич был мужчиной удобным, то есть умевший вовремя нагнуться, приложиться или выслужиться. Он знал, что дальше участка не прыгнет и был исключительно доволен тихим и безбедным существованием. Но все же, за особую гладкость характера и умение крепко устроиться, где нужно, получил несмываемое прозвище «Желудь». Несносного и крайне обременительного подчиненного он принял в расстегнутом мундире, показывая свойское расположение к провинившемуся и отходчивый характер. Хотя себя уже выругал за мягкотелость и за то, что поддался уговорам начальника сыска принять «юную звезду» из департамента.

Перед лицом пристава Ванзаров решил держаться исключительно официально, не поддаваясь на знаки добросердечности. А потому вытянулся почти в струну.

– Что же это вы, батенька, усочинили? – ласковым голосом принялся распекать пристав. – Разве можно такие фокусы в участке? Понимаю ваше рвение, но все же границы нужны. Откуда крыса взялась?

– Была доставлена вместе с жертвой убийства с Невского проспекта.

У пристава вытянулось лицо: еще не хватало убийства на участок, нет уж, не надо такого счастья.

– Какого убийства, голубчик? Мне доложили, что у господина был сердечный приступ. Всего-то.

– Вас ввели в заблуждение, – отчеканил Ванзаров и раскрыл папку. – В протоколе ясно указаны причины, по которым труп надо квалифицировать как убийство.

– Вы что, и дело уже завели? – упавшим голосом спросил Желудь. – Да зачем же? Да, куда же так спешить? Ну, к чему нам труп? Полежал бы как-нибудь, а вы сразу дело. Разве так можно... Эх, юность. Ну, что теперь

делать?

– Расследовать убийство.

– О, господи! – плаксиво всхлипнул пристав. – Ну, за что это мне все на старости лет. И кто будет заниматься, позвольте спросить?

– Если прикажите, я готов.

– Да, уж, конечно, прикажу, вы же у нас для особых поручений. А такой случай – куда особее.

– Слушаюсь. Разрешите выполнять?

– Вот и выполняйте теперь... А может, обойдемся без дела? Так, потихоньку?

– Никак не возможно. Убийца не только совершил дерзкое убийство, но также оставил специальный знак. Это отражено в протоколе осмотра. Извольте взглянуть?

– Революционеры? – с ужасом спросил Желудь.

– Никак нет. Предполагаю убийство по страсти. Семейная неверность или что-то в этом роде.

– И на том спасибо... И в такую жару подарочек... Вы уж, голубчик, в следующий раз имейте терпение, незачем вот так сразу дело открывать. Подумайте, взвесьте, со мной посоветуйтесь.

– Слушаюсь.

– И прошу вас, потише, без лишнего шума. Договорились?

Ванзаров согласился в следующий раз обаятельно закрыть глаза на нарушение закона. Но Савелий Игнатьевич не поверил. Насквозь видел этого юнца: так и норовит на его плечах сделать карьеру. Попрыгает у них в участке, взбаламутит все, а потом преспокойно убежит в министерство за славой и орденами. А пристав останется с кучей дел и нахлобучкой от начальства. Нет, надо поскорее избавляться от вертихвоста. Или помочь ему аккуратно сломать шею.

– И вот еще, голубчик, – тяжело вздохнул Желудь. – Тут у нас супруга известного адвоката. С этой публикой отношение портить нет резона. И так ее каплям отпаивали после вашей крысы. Так, уж будьте добры, загладьте провинность.

– Каким образом?

– Ну, сходите с ней на квартиру к этой супруге дипломата, что ли. К несчастью, дом на нашем участке, пусть барышня успокоиться. Да и прихватите парочку городских. Наверняка женские страхи, но уважить надо. Только без шума...

Коллежский секретарь не стал разоблачать путаницу в женах юристов и дипломатов в голове пристава, но обязался исполнить поручение

исключительно деликатно.

Дом на Малой Конюшенной улице выдавал владельцев квартир лучше любого сплетника. Новенький, пятиэтажный, с высокими окнами, выкрашенный белой и красной краской, весь блестящий и праздничный, как бы говорил: здесь проживают те, кто не считает мелочь денег. Не дворец, но уже и не доходный многоэтажник, дом подчеркивал успех и принадлежность его жителей к высшей лиге среднего класса. Из которой в аристократы не допрыгнуть никогда.

Парадный облик здания не смущал дворника Игната Карповича основательно страдать от жары. Архангельский мужик, крепкий как ледяной утес, прибыв в Петербург на заработки и, получив от свояков теплое местечко, никак не ожидал, что в Северной столице бывает такое лето. Зной растопил нестигаемого дворника до кашеобразного состояния, от которого было одно спасение: сесть в тенечке, накрыть голову платком и поливаться водицей.

В который раз, опрокинув на темечко струю из чайника, Игнат заметил сквозь уголки платка процессию во главе с дамой, красивой как куколка. Ради такого дела дворник не стал бы шевелиться. Но за ней следовал невысокий молодой господин, который отдавал короткие приказания двум городовым. А непосредственную власть Игнат уважал. Скинув мокрую тряпицу и разгладив волосы, дворник кинулся быть полезным. Все, что от него потребовалось – разыскать местного столяра. Распоряжение отдавал юнец в штатском, но дворник выполнил не рассуждая.

Разыскав столяра Степку, спасавшегося у самовара от солнечного дня, Игнат чуть не пинками погнал земляка на второй этаж, где располагалась квартира адвоката. У двери находилась вся компания. Юнец, сняв шляпу, приложил ухо к створке. Игнат понял, что творится что-то неладное, и малость струхнул: если спросят, что делал, да кто приходил в дом – ничего не знает, не до того было.

Молодое благородие, как решил для себя Игнат, так ничего и не услышал, и приказал ломать замок. Степка лениво поддел стамеской язычок и нажал – патентованный французский замок покорно отвалился. Игнату стало любопытно, что там творится, но городской грубо отпихнул его, приказав оставаться на лестничной площадке.

В квартире было тихо. Только смутный шорох занавесок доносился из

комнат. Екатерина стояла в прихожей, не решаясь идти дальше.

– Аврора! – позвала она жалобно. – Зина!

Никто не ответил.

– Ну, что же вы медлите? Или мне самой?

От пережитого страдания красота госпожи Делье несколько спала с лица, и гонор явно поуменьшился.

Ванзаров отдал приказ городовому никого не пускать, хотя никто и не пытался проникнуть, собрался с духом и двинулся на разведку. Результат нашелся на кухне. На кафельном полу лежала девушка в крахмальном фартуке и сером платице, неудобно скрючившись, словно от боли в желудке. Голова покоилась в обширном пятне розовой рвоты. Рядом разбросаны осколки хрустального кувшина, перевернутый поднос и огромная лужа разлитой воды. Видимо, боролась с внезапным приступом, как могла. Стараясь не следить, не вляпаться, Родион приблизился к телу и коснулся шейной вены. Кожа была холодна, пульса не слышно: горничная мертва не менее часа.

Из кухни нашелся другой выход в гостиную. В огромном холле, обставленном по последней моде, было чисто, и тихо. На столе теснились букеты цветов и раскрытые коробочки подарков. В дальнем конце гостиной виднелась полуоткрытая дверь супружеской спальни.

На застланную постель приник белокурый ангел. С Родионом опять случился приступ внезапной влюбленности. И было от чего. Барышня не старше двадцати пяти лет была чудо как хороша. Блондинка с вьющимися волосами способна разбить и не такое прочное сердце. К тому же разодета, как из журнала. Невозможно пройти мимо ее туалета: юбка-клош из плиссированного голубого муслина отделана широкими атласными розовыми лентами, свободно спадавшими от кушака до конца юбки. Корсаж-блуз пошит из такого же голубого муслина и отделан как спереди, так и сзади тремя лентами, ниспадающими от воротника до пояса, где перехвачен таким же кушаком. Причем ленты, ниспадающие на юбку, как бы составляют их продолжение. Полукороткие пышные рукава-ballon из розовой тафты, а высокий воротник из муслина. Изящный букет из живых цветов, был приколот к корсажу. Туалет украшала лишь одна изящная деталь: крохотное зеркальце на золотой цепочке. Большая шляпа из золотистой соломы, отделанная белыми кружевами, розовыми атласными лентами и черными перьями, сброшена на пол.

Как истинный мужчина, Ванзаров понятия не имел, как называется наряд в целом и по деталям, но четко воспринял образ свежей прелести. В очаровании смущало неживое спокойствие барышни и видимое отсутствие

дыхания. На всякий случай Родион потрогал пульс.

Екатерина Павловна тихо ждала в прихожей, и по глазам юного чиновника постаралась угадать, что случилось. Это было несложно.

– Вам лучше пойти домой, – отчего-то смутившись, сказал Ванзаров.

– Она мертва?

Не было нужды придумывать утешения.

– А Зина?

Родион готовился к слезам, крикам, упрекам и всяческому отчаянию. Но случилось совсем иное. Госпожа Делье осталась спокойна, даже слишком спокойна. Ни единой слезинки или вздоха. Ни единого проявления женской слабости.

– Я знала, – чуть слышно сказала она, и добавила: – Началось.

– Что началось, Екатерина Павловна?

– Что?.. Ах, нет... Умоляю, займитесь обязанностями сыщика, наконец, а не дурацкими расспросами... Надеюсь, теперь мне поверили?

– Вы сказали, что вам угрожает опасность.

– Да, конечно... Только прошу, поговорим после...

– В таком случае, вынужден просить вас задержаться для снятия допроса.

Делье покорно села на обувной комод платяной вешалки, занимавшей чуть не полстены прихожей.

Раздавая срочные приказы городовым, Ванзаров не испытывал сожаления или растерянности. Вовсе нет. В душе у него грохотал оркестр: такая удача! Целых два загадочных дела за один день. Действительно, что может быть лучше для будущего великого сыщика, чем обнаружить два трупа в закрытой квартире.

Чудо, как хорошо!

Младший городской Емельянов поступил в полицию недавно, а потому не растратил любопытство. Стоять в прихожей было душно и скучно. Так хотелось одним глазком поглядеть, как люди жить могут, не то, что его угол, который снимал с тремя сослуживцами. Емельянов проверил, что входная дверь на запоре, на носочках приблизился к широкой белой створке, закрывавшей гостиную, и боязливо заглянул. Роскошное богатство оглушило городского, деревенский парень вылупился, открыв рот. Представшая картина наглядно указала, в какой трясине пребывает жизнь самого Емельянова. И выбраться из нее не положено. Вот ведь, господам счастье, живи и радуйся каждую минуту, так ведь нет – хозяйка померла и горничную погубила.

Ругнув горькую судьбину, городской стал поглядывать на маневры, проводимые господами полицейскими. Смотреть-то было не на что. Один чиновник строчил в бумагах, поминутно оглядывая гостиную, другой, что помоложе и коренастее, с важным видом ходил из угла в угол, словно присматривался и принюхивался, не хуже ищейки. Из кухни вышел дяденька с треногой, на которой водружался ящик фотографического аппарата, и прошел в спальню, а из нее появился забавный господин в роскошном костюме, от которого разило жуткой вонью. Он заметил и грозно нахмурился. Городовой немедленно скрылся.

Руки в резиновых перчатках до локтя Лебедев держал на весу, словно решил сдаваться в плен.

– Нет от вас, Ванзаров, покоя, вторую работенку за день подкинули! – сказал он, хитро подмигнув. – Представляю, как пристав будет рад еще двум трупам.

Родион отчаянно пытался думать и не упустить какую-нибудь важную деталь, а потому пропустил мимо ушей:

– Нашли причину смерти Грановской?

– Не надейтесь, ничего выдающегося, никаких шил в сердце. Тривиальное отравление, скорее всего – синильная кислота. Божественный яд, в некотором роде.

– Почему?

– Потому, что у нее кровь алая. Горничную ухайдакали тем же макарон. Сказать, как их заставили принять яд, или сами сообразите?

Задача была слишком простой. На губах хозяйки помада слегка

смазана, значит, что-то съела. Положение тела говорит о том, что женщина почувствовала слабость, легла отдохнуть и попросила принести воды. Горничная пошла на кухню и уже не вышла оттуда. Получается, что перед этим обе барышни съели что-то. На столе и на кухне нет следов пищи или напитков. Можно предположить, что коварный отравитель подчистил. Но это логически невозможно: тела жертв находились бы совсем по-другому. На инсценировку не похоже, все выглядело совершенно естественно. Вывод: источник яда все еще здесь.

Родион шагнул к столу и уже протянул руку, чтобы открыть коробку конфет «Итальянские ночи» фабрики «Жорж Борман», но Лебедев его перехватил.

– Логика, коллега, не должна заменять собой осторожность, – сказал он и сам приподнял расписную крышку.

Среди ровного ряда шоколадного пралине с миндальным орешком и розочкой крема виднелись четыре пустых гнездышка.

– Правильно говорят: сладкое вредно для здоровья, – заключил Лебедев, осторожно беря перчаткой конфетку. – От него и помереть недолго, как видите... Хотя наверняка уточню после экспертизы... Ну, рассказывайте, умник, как дело было.

– Конфеты – подарок на именины, – сказал Ванзаров. – Тут не надо логики. Убийца наверняка знал любимый сорт Грановской. Отправил гостинец. Подарок поставили на стол. Аврора открыла коробку и съела две конфеты. Ей стало плохо. Позвала горничную. Зинаида польстилась на сладкое и получила свою порцию яда. Нелепая смерть сладкоежки.

– Похоже, – согласился Аполлон Григорьевич. – Грановская умерла сразу, как только добралась до кровати. Бедняжка горничная, видно, сражалась с плохим самочувствием, нахлынувшим внезапно, и пыталась принести воды хозяйке. Нет, чтоб кастрюлю молока выпить... Что, ж все ясно.

– Когда они умерли?

– Примерно часа два назад... Придется вам узнать, кто был в это время.

– Я уже знаю, – уверенно сказал Родион.

Лебедев скроил недоверчивую гримасу:

– Обладаете даром провидения?

– Только логика. Вот смотрите... – Ванзаров указал на толпу букетов. – На столе пять букетов. Но подарков, включая конфеты – шесть. На каждом букете визитная карточка. На коробке визитной карточки нет. Почему? Даритель не хотел афишировать свой подарок и даже не прислал цветов. Значит, горничная приняла коробку из рук незнакомого человека? Нет.

Зинаида прекрасно знала, от кого подарок. Горничные отлично осведомлены обо всех секретах хозяек. Только убийца наверняка не сам пришел, а направил посыльного, велев передать от кого.

– Почему с посыльным? Разве самому – не надежнее?

– Он не мог быть уверен, что горничная тоже попробует конфет. Это риск разоблачения. А посыльным мог быть хоть первый встречный мальчишка.

– И кто же сообразительный убийца?

– Не женщина. Потому что женщина не будет дарить женщине конфеты на именины. Остается – мужчина. Кто может подарить любимый сорт конфет, то есть знает его, не хуже мужа, и при этом не подарить цветов, чтобы не возникло лишних вопросов? Любовник. Больше некому. Или кто-то, кто прикрылся его именем. Такой сладкий подарок женщине может сделать только очень близкий мужчина. Интимно близкий. Как намек на их сладостные встречи...

Родион вовремя остановился. Его и так слегка занесло на любовные просторы.

Криминалист помассировал мочку уха и совершенно искренно сказал:

– Да, юноша, вы далеко пойдете... Если, конечно, позволят. У нас ведь умных не слишком любят, сами знаете. Начальству тяжело видеть подчиненного, проницательнее его, а сослуживцам – умник, как кость в горле на фоне их лени и глупости... В общем, располагайте мной, как сочтете нужным...

Минута эта не была отмечена во всеобщей истории народов и не покрылась красным в календарях. Но ее стоит запомнить. В это мгновение родился союз логики и криминалистики, от которого еще предстояло поёжиться не одному преступнику. Короче говоря, Лебедев принял Ванзарова как равного.

Ничего такого возвышенного Родион не испытал, но только поблагодарил скромно.

– Заметили в спальне ряд хрустальных флакончиков? – спросил Лебедев.

– Вроде, бы... – замялся Ванзаров. Не хотелось признавать, что не обратил на них серьезного внимания. Мало ли каких снадобий требуется женщине, тем более блондинке, для поддержания неопикуемой красоты.

– Сдается мне, что госпожа Грановская собрала неплохую коллекцию отравляющих веществ. Без фантазии, конечно, но для начинающего любителя – вполне достойно.

– У нее хранился яд? – поразился проницательный сыщик. Эта новость

никак не вписывалась в стройную схему.

– Яды... Вас что-то смущает?

Родион попытался сжульничать, отвел взгляд и только теперь заметил в раскрытой коробке что-то постороннее: из-под слоя конфет торчал кончик серой бумаги. Не смея касаться, он попросил криминалиста использовать безопасные перчатки. Легким движением руки на свет был извлечен листок прямоугольной формы.

Лебедев рассматривал его с откровенным сомнением, а Ванзаров чуть не закричал от радости. Подарок судьбы имел черную розочку, напечатанную типографской краской, и две полукруглые стрелки, написанные от руки, словно выходящие одна из другой.

– Понимаете, что это значит? – спросил Родион.

– Нет, – честно ответил Лебедев.

– А я знаю!

Аполлон Григорьевич воззрился на юношу с некоторым подобием священного ужаса:

– Ну, добивайте, старика...

– Это значит, что убийства неизвестного и эти... связаны!

– О! Какое открытие! Я уж испугался, что вы не человек, а гений...

Делать мне тут дольше нечего, поеду в лабораторию. Не забудьте про вечер, пороки ждут!..

И Лебедев преспокойно удалился, оставив Родиона со смутным чувством, что язык, даже с хорошим человеком, надо иногда держать за зубами.

Пытаясь найти хоть какой-то логический мостик между господином с шилом в сердце и женой адвоката, отравленной конфетами, Ванзаров собрал со стола визитные карточки. Их оказалось немного, за пышностью – букетов казалось больше. Карточки были присланы от некоего «Др. Карсавин», от «А. И. Хомякова» и «П. Н. Хомяков», от «И.С. Делье», и от некой «Твоя М.Г.», написанной от руки. Из всех имен сомнения не вызывало одно: муж Екатерины Павловны, видимо, заехал перед службой с поздравлением. Итого визитеров было шесть, считая убийцу, плюс – госпожа Делье.

В подарках не было ничего особенного. Рядом с букетом от «Др. Карсавин» расположилась коробочка с изящной дамской самопиской ручкой: змея обвивает виноградный жезл. «П.Н. Хомяков» подарил бронзовую фигурку лисы с коlobком – настольная безделушка. «А.И. Хомякова» предпочла порадовать крохотной книжечкой в сафьяновом переплете с серебряным карандашиком – дамский дневничок. «И.С. Делье»

преподнес в дар том «Политика России и Балканский вопрос», а «Твоя М.Г.» – хрустальный шар. Каждый подарок Родион повертел и внимательно изучил. Но само собой ничего не обнаружил.

От входной двери раздался звонок.

Ванзаров так решительно бросился в прихожую, что городской Емельянов запутался в ногах, и не успел вытянуться по стойке смирно.

– Где дама, что здесь сидела? – спросил чиновник полиции.

– Ушла, ваше благородие...

– Да как же могла уйти?! Просил же присматривать за ней!

– Жалко ее стало, умаялась, бедная. Просила передать, что примет вас около пяти вечера у себя дома, вот адрес... – городской протянул записку.

Было ясно, что Емельянов сражен в самое сердце красотой Екатерина. Не имея желания разбираться с очередной служебной глупостью, Ванзаров распахнул дверь. В лицо ударил сильный запах роз, словно пролили флакон духов, а самая длинная ветка чуть не задела нос. За букетом скрывалась хрупкая девушка в голубом платье с пелеринкой, изящно накинутой на плечи, и в чудной соломенной шляпке, украшенной живыми цветами с эгреткой из декоративных фруктов. С некоторым изумлением гостья воззрилась на Родиона.

– Вы кто? – спросила она.

– От кого букет? – деловым тоном осведомился Ванзаров.

– От мадам Живанши, разумеется... Аврора Евгеньевна принимает?

Галантный юноша распахнул дверь:

– Прошу!

Барышня вошла в прихожую, увидела городского, отшатнулась, но путь к отступлению был перекрыт. Она забилась в угол, защищаясь букетом, и с ужасом затараторила:

– Что такое? Почему? За что?

Пугать дальше хрупкое существо Ванзаров не посмел, представился, как можно более официально и стал выяснять личность гостьи. Оказалась, девушку зовут Александра Ипатова, работает в салоне, ее послала мадам, поздравить именинницу и постоянную клиентку. Она согласилась с радостью, потому что хотела повидать сестру, которая здесь горничной. Бедняжка не представляла, какая новость ее ожидает.

Прежде чем вывалить на голову несчастной горькую правду, надо было прикинуть ее психологический портрет. Характер можно назвать твердым, но сдержанным, не болтуня, серьезно относится к жизни и зарабатывает своим трудом. Барышня казалась умной, хорошо воспитанной и даже образованной, что не вязалось с натруженными пальцами.

Стараясь быть как можно более деликатным, Ванзаров сообщил, что Зинаида погибла в результате несчастного случая, по ошибке приняв яд. Полиция выражает свои соболезнования.

Букет выпал и развалился на две части, от куста белых роз отделились нежные стебельки нарциссов. Закрыв лицо ладонями, Александра и так осталась сидеть без движения. Родион выждал, сколько смог, предложил стакан воды или успокоительные капли. Но девушка не ответила. Наконец, справившись с чувствами, открыла лицо, поразительно изменившееся. Простое и милое, буквально минуту назад, – оно почернело, под глазами легли синяки. Свое горе барышня сдерживала так крепко, как пристало воспитанному человеку. Сердце сыщика трепетало от жалости, но волю ему не дали.

Спокойным тоном Александра спросила, когда сможет увидеть сестру. Пришлось объяснять, что сейчас это невозможно, подробно описывать печальную процедуру, и даже рассказать, откуда придется забирать тело для погребения. На случай дополнительных вопросов, был спрошен ее адрес. Ипатова снимала комнату в Коломне, почти по соседству. Предложение проводить с городовым или хоть посадить на извозчика, было вежливо, но твердо отвергнуто. Александра лишь спросила: свободна ли она, и, не простившись, вышла. Цветы так и остались на ковре прихожей. Горе настолько поглотило девушку, что она забыла об имениннице.

Бесполезный букет следовало отнести к подаркам. Родион подобрал обширный куст роз с нарциссами, но в этот момент во входной двери повернулся ключ, и на пороге возник господин среднего роста в идеальном костюме с бутоньеркой в петлице.

Все дальнейшее напоминало сценку в пошлом водевильчике, когда муж возвращается в неурочный час и застаёт любовника во всем параде, да еще с цветами. Обнаружив незнакомого молодого человека с роскошным букетом наперевес, господин так поразился, что не заметил городского, жавшегося поодаль, и хорошо поставленным в суде выговором, спросил:

– Кто вы? Что за мерзкая вонь? И где горничная?

Не зря Антон Сергеевич слыл модным адвокатом. Его проницательный ум помог уже нескольким мерзавцам спастись от неповоротливого правосудия. И сейчас сослужил добрую службу. Господин Грановский прекрасно понял, что за люди оккупировали его дом, и даже полноватый юнец с букетом, пяливший на него темные зенки, не мог сокрыть полицейский дух. Разум понимал, но остальное естество адвоката упорно не желало ничего знать, предпочитая оставаться в спасительном неведении. Не будем сильно порицать его. Ведь каждый из нас, хоть раз в неделю, испытывает подобное затруднение. И что же? Помогает это нам не верить в чудо, а в разум? Конечно, нет. Что поделаться: в обмане всегда кроется надежда, хоть абсурдная. В правде – только печаль истины. Ну да ладно...

Грановский решительно требовал объяснений. Так решительно, что чиновник Редер, составлявший протокол счел за лучшее переместиться в дальнюю комнату. Только Родион, как одинокий дуб, сносил ураган угроз, жалоб и заявлений о нарушении неприкосновенности жилища. Антон Сергеевич распалялся не на шутку, помянув именины жены, которые теперь испорчены окончательно, растоптанные законы, поруганную честь и прочие высокие материи, так любимые адвокатами. Из чего Ванзаров сделал единственный вывод: господин решил, что полиция делает у него обыск по какому-то темному судебному делу. И был недалек от истины. Наконец, улучив паузу среди тирад, он быстро спросил:

– Что вы делаете здесь?

Грановский даже осел от такой неслыханной наглости.

– А вы как думаете?

Действительно, что может делать честный человек у себя дома в обеденный перерыв? Боже, какой сложнейший вопрос для нашей полиции! Ну, постарайтесь, напрягите свои извилины, если они у вас есть, что я могу делать здесь?

Удивительное свойство, которое недавно открыл в себе Родион, заключалось в том, что чем больше на него орали и угрожали, тем спокойнее и увереннее он становился. Очень полезное качество для сыщика. Вот если бы еще не падать сердцем при виде хорошенькой барышни, тогда бы совсем не человек – камень. Не будем о грустном.

Ванзаров премило улыбнулся:

– Каждый день дома обедаете? Или сегодня так вышло?

Это было уже слишком! Грановский демонстративно сложил руки и гордо замолчал. Жаль, что не мог он потребовать себе адвоката. Ладно-ладно, этот неоперившийся гаденыш еще узнает, что такое месть великого Грановского.

– Отчего не спрашиваете «где моя жена»?

И этот вопрос был проигнорирован. Пусть говорит, что хочет, ему же потом будет хуже.

– Или надо сделать вывод: уже знаете, что она убита?

Грановскому показалось, что ослышался, и он дал слабину: переспросил. Ванзаров немедленно воспользовался ошибкой, вылив на несчастного мужа ушат ледяной воды. Мозг вынес холодный вердикт: «это правда», но чувства опять взяли верх. Антон Сергеевич стал кричать, и еще раз кричать, бегать по комнатам и, наконец, прорвался в спальню, откуда вышел притихшим и, словно, побитая мышь. Играть в праведного защитника закона и оскорбленную невинность больше ни к чему. Он присел к столу, опустив лоб на сомкнутые замком пальцы.

Дав клиенту дозреть, Ванзаров сказал:

– На горничную посмотреть не желаете?

– А с Зиной что случилось? – еле слышно спросил адвокат.

– Она на кухонном полу. Если любопытно...

Грановский мотнул головой, словно отгонял надоедливую слепня:

– Чудовищно...

– Я тоже так думаю. И жду от вас помощи.

– Да, помилуйте, в чем?

Устроившись напротив, так что чтобы свет из окна падал на лицо адвоката, Родион сказал:

– Не стану пугать вас арестом, не хуже меня законы знаете. Но вы также знаете, что если захочу, то за милую душу засуну вас на пару деньков в «сибирку», до выяснения обстоятельств, так сказать. Надо ли такое пятно вашей репутации?

– Что вы хотите? – спросил Грановский сразу посеревающим голосом.

– Только одно, Антон Сергеевич, найти убийцу вашей жены и кухарки.

– Хорошо, спрашивайте, что угодно.

– Благодарю, – Ванзаров был искренним. – У вас счастливый брак?

– У нас очень счастливая семья... Была. Я любил Аврору, и она отвечала мне взаимностью. Родила мне двух чудесных детей, как хорошо, что они на даче. После успеха моей карьеры, жена уже ни в чем не нуждалась, у нее было все, что может пожелать женщина ее положения. Да, вы сами видите...

– Достаток – это не все. Каковы ваши личные отношения?
– Как у мужа с женой, проживших более пяти лет. Конечно, были ссоры, недомолвки, обиды, но теперь это все кажется такой мелочью...
– В котором часу ушли сегодня из дома?
– Как обычно, около девяти.
– Где находились?
– Сначала несколько деловых встреч, потом заехал в суд, вы можете проверить.

– Обязательно. Что подарили на именины?
– Небольшое колечко с брильянтом.

Действительно, на трюмо в спальне дожидалась бархатная коробочка и скромное колечко в пять-шесть месячных жалований коллежского секретаря. Все-таки в профессии адвоката есть свои приятные моменты, не то, что у сыщиков. Но не станем отвлекаться в такой момент.

Родион изобразил на лице глубокую задумчивость, даже подбородок помассировал, и, наконец, спросил:

– Хорошо знаете вкусы супруги?
– Конечно.
– Позвольте проверить. Какие конфеты она предпочитает?

Грановский не скрыл удивления, но ответил:

– «Итальянскую ночь».
– Когда последний раз их покупали?
– Кажется, в начале недели... Что за странный вопрос?
– Антон Сергеевич, вы обещали помогать...
– Да-да, конечно...
– Это ваша коробка?

С некоторым колебанием, осмотрев жестянку с пастушками и буколическим пейзажем, адвокат не смог ответить определенно: сорт верный, но его ли коробка – не известно. Аврора их очень любила и поглощала не стесняясь.

– Кто мог подарить эту коробку?
– Да кто угодно, это же конфеты, – удивился Грановский. – Почему они вас так интересуют?

– Почему не спросили, как погибла ваша жена?

Вопрос поставил в тупик, но профессиональная сноровка выручила: Антон Сергеевич пояснил, что от горя плохо стал соображать. И только теперь хочет уточнить: как?

– Отравили при помощи этих конфет, – сказал Ванзаров. – Синильная кислота. Бедняжка умерла быстро и без мучений. Не то, что горничная.

Грановского невольно передернуло:

– Так и думал, что этим кончится.

– Почему?

– Аврора последнее время стала интересоваться ядами, выспрашивала про судебные случаи, каждое утро письма какие-то отправляла...

– У нее на трюмо – набор отрав. Вам известно?

– Не имею привычки копаться в вещах жены, – с проснувшейся гордостью сообщил Грановский.

– У вашей жены был любовник?

– Насколько знаю – нет.

– Уверены?

– Кто может быть в этом уверен? Впрочем, вам не понять: не женаты...

– А конфеты кем могли быть присланы?

Антон Сергеевич выдержал взгляд чиновника полиции и сказал:

– Если бы я знал... – и вдруг добавил: – В последнее время был слишком занят. Мало уделяя время ей и семье. Теперь буду корить себя. Каюсь, замечал, что Аврора изменилась, но не придавал этому значения.

– Была какая-то причина?

– Она стала ходить на приемы к доктору Карсавину, это крупный специалист по нервным болезням, у него огромная практика и очень громкое имя. И берет далеко не всех пациентов. Нам понадобилась протекция.

Ванзаров протянул визитку левой рукой:

– Этот?

Грановский принял ее правой, глянул и сразу подтвердил: тот самый, держит кабинет на Фонтанке. Карточки «Хомякова», «Хомяков» и «Делье» он взял, как правша, и без запинки назвал адреса. А вот с «Твоя М.Г.» вышла заминка: адвокат не знал, от кого прислан букет. Родион уже собрался отпустить вдовца, сдавшего коварный экзамен, как вдруг заметил на левой руке скромное колечко со змейкой, кусающей свой хвост.

– Масонский знак носите? – наивным тоном спросил он.

Грановский смутился, прикрыв ладонь, и быстро ответил:

– Это не масонское... Так, дружеский подарок...

Ложь, какой бы искусной ни была, оставляет на лице вращающегося отчетливые следы. Надо только уметь их правильно читать. Грановский не обладал счастливым даром, а чиновник полиции – в полной мере. Но сейчас Ванзаров не стал тянуть за эту ниточку. Еще не известно, куда она может привести, а дергать опасно – вдруг оборвется.

Грановский вдруг принюхался, неподражаемая сигарка еще давала о

себе знать:

– Позвольте, чем так дом провонял?

Не собираясь вступать в объяснения, будущий великий сыщик встал, солидно оправив сюртук, и сказал:

– Проводилась криминалистическая экспертиза... Вынужден напомнить, что на данный момент основным подозреваемым являетесь вы. Попрошу не покидать Петербург без моего согласия.

Чиновник полиции оставил адвоката заниматься приемом санитарной кареты и прочими малоприятными хлопотами в глубоком сомнении чувств.

Откуда же у юного Ванзарова взялось столько хитрости и ловкости, чтобы устраивать ловушки, и вообще вести себя, как заправскому сыщику? Пора признаться – есть в этом некоторая тайна. Приблизимся к ее разгадке.

Как ни странно, во всей безбрежной империи не было даже завалящего курса, на котором обучали бы господ, принимаемых в полицию, премудростям ведения допросов и тому подобному. Чиновник, претендующий на место, должен был сдать письменный экзамен, после которого считался годным к полицейской службе. Знания добывались только опытом, помноженным на ошибки и нераскрытые преступления. Самородки, типа Путилина, встречались, как золотой самородок – один на горы руды.

Юный чиновник Ванзаров по всем статьям не мог обладать столь изощренным опытом. Однако обладал. Конечно, главная причина – природный талант. Но не только. Рискнем высказать дерзкое суждение: своей психологической ловкостью Ванзаров был обязан... образованию. Глубокое знание греческих классиков, которые досконально препарировали человеческую природу, оказалось неоценимым подспорьем для сыщика. Характеры, привычки, слабости, подлость, ложь и само зло, вовсе не изменилось с древних времен. Люди, как были, так и остались во многом дурны, и лишь в редком благородны. Все развитие человечества, которым так гордились просветители и голодные студенты, свелось к ухудшению и без того шатких моральных качеств. Чтобы не случилось окончательного раздвоя, требовались все более жесткие обручи социальных правил. А потому на современную хитрость, залезшую на постамент прогресса, хватало простоты древних философов. Один Сократ уличил бы больше жуликов, чем все приставы столицы. Поступив на полицейскую службу, Родион вывел для себя простую формулу раскрытия любого подозреваемого: логика – все, психология – остальное. Ну, и природный талант, конечно, помогал импровизировать. Куда же без него. Да, что-то мы отвлеклись...

Между тем, Ванзаров занялся обязательными, но заранее бесполезными делами. А именно: допросом дворника и посещением конфетного магазина. Игнат, напуганный появлением санитарной кареты, полиции и прочим, трясся за свое место, как осиновый лист, а потому готов был присягнуть, что никого не видел и ничего не слышал, хотя весь день стоял на посту как штык. Добиться от него: кто, и в каком часу приносил

коробку конфет, было невозможно. В самом же заведении «Жорж Борман» ни приказчики, ни управляющий не посылали в дом на Малой Конюшенной никаких посыльных. «Итальянской ночи» за час уходит штуки три, сорт популярный, дамы любят. Концов не найти. Коробку мог купить, когда угодно.

Не заходя в участок, где ничего хорошего, кроме стонов пристава не ожидало, Родион отправился напрямиком на Фонтанку. На указанном доме вывески, что здесь принимает великий доктор нервных болезней, не оказалось. Не было ее и на двери квартиры. Лишь скромная бронзовая табличка с фамилией. Видимо, так знаменит, что в лишней рекламе не нуждался.

После двукратного накручивания звонка, дверь приоткрыл молодой человек строгого вида и осведомился, нагло глядя сквозь пенсне, что угодно. Родион сказал, что ему нужен доктор Карсавин. Его спросили, записан ли он предварительно на визит. Незванным гостям здесь были не рады.

– Полиция... – сказал Ванзаров, протискиваясь мимо мрачного секретаря. Но прыткий господин опередил и скрылся за дубовой дверью, охранявшей покой знаменитости.

Родион еще только примеривался, как войти: постучать или решительно ворваться, как створка распахнулась, пропуская величественную фигуру в халате.

– Ну, сколько можно! – закричало медицинское светило довольно высоким голосом. – Да оставьте вы меня в покое или нет? Я буду жаловать губернатору, так и знайте!

– Позвольте... – только и выдавил сметенный чиновник.

Но ему не позволили. Господин продолжал на тех же оборотах:

– Какое бесстыдство! Это тирания! Прямой деспотизм! Велосипед отобрали – вам мало? Как будто других дел у полиции нет. Посмел, видите ли, проехать по Невскому без какой-то бумажки! Экое преступление... Может, в тюрьму за это отправите? Что вы хотите?

Не надо знать греческих философов, чтобы определить причину бешенства: у господина остался неизгладимый след от общения с чиновниками участка. Родион постарался, как мог нежно, загладить живейшее впечатление от полиции.

– Да на кой мне сдался ваш велосипед? – крикнул он. – Я вообще из сыскной полиции. Мы велосипеды не отбираем.

Крик пронял. Господин Карсавин, что уж тут скрывать – это был он, затих и пригляделся к гостю. Молодой человек выглядел несколько более

упитанным, чем должно в его возрасте, намечалось легкое искривление позвоночника, недостаточное занятие спортом возмещалось бычьим здоровьем, а черты интеллекта ясно проступали на физиономии. Вполне добродушной, несмотря на напускную строгость.

Юный чиновник не остался в долгу, составив мгновенный портрет доктора: высок, крепок, чрезвычайно умен и, возможно, скрытен, лицо несколько вытянутое книзу, аккуратная бородка вокруг рта, прямой нос, поднятый вихор, золотое пенсне на шнурке, никаких украшений – ни перстней, ни даже булавки в галстук. И удивительный взгляд – печальный, как будто проникающий в самую душу. Как и должен быть у хорошего доктора за сорок лет. Чем-то напоминал он модного литератора, писавшего забавные фельетоны, а нынче принявшегося за драматургию.

Дуэль взглядов окончилась без жертв, противники оценили друг друга, и пошли на мировую. Ванзаров представился, как полагается вежливому чиновнику полиции.

– Какое же у вас дело, Родион Георгиевич? – почти ласково осведомился Карсавин.

– В связи с одной из ваших пациенток.

– У меня их много.

– Госпожа Грановская.

Издав неопределенно-мычащий звук, доктор сказал:

– Какое совпадение... Но вы же понимаете, я связан врачебной тайной.

– Понимаю, развязывать не станем. Так, пару общих вопросов.

То ли обаяние юного чиновника подействовало, или по какой иной причине, но Ванзаров получил приглашение в кабинет.

Рабочее гнездышко мэтра нервных болезней наполнилось скромной роскошью: просторная дубовая мебель, резные дубовые пластины на стенах и даже наборный дубовый потолок в стиле поздней готики, внушали неисчерпаемый кредит доверия. Повсюду развешаны фотографии с видами Европы и, что любопытно, разнообразных моделей велосипедов. Осматривая величественный антураж, Родион невольно спросил:

– Сколько берете за прием?

– Двадцать пять рублей, – скромно ответили ему.

Это было неслыханно. Просто чудовищно. Если самый жадный доктор столицы требовал за визит червонец – считалось дерзостью. А тут... Ясно, что с улицы сюда не попадают.

Незаметно сменив халат на пиджак, Карсавин устроился за приемным столом и наблюдал за юношей с явно профессиональным интересом.

– Так, что могу рассказать об Авроре Евгеньевне? – напомнил он.

– Все, что не покрыто врачебной тайной, – ответил Родион, не в силах отвести глаз от початой коробки «Итальянской ночи» на письменном столе.

– Ко мне приходят очень состоятельные люди, которые не могут справиться со своими сугубо личными проблемами. Я не прописываю им таблеток, процедур или поездки на воды. Я предлагаю изменить их образ жизни. Многие беды человека возникают, как ни странно, от избытка и достатка. И с этим приходится бороться. Грановская не была исключением. Пожалуй, на этом все.

– Вы послали ей сегодня букет?

– Да, отвез с утра пораньше.

– Зачем?

– Какой странный вопрос, Родион Георгиевич. В моем деле надо не только уметь лечить пациентов, но и поддерживать светские приличия. У Авроры Евгеньевны сегодня именины, я не могу быть приглашен официально, как вы понимаете. Но почему же не сделать приятное женщине, которая столько платит?

– Что-нибудь еще подарили?

– Милую безделушку: письменную принадлежность.

Карсавин источал спокойствие и уверенность. За которыми могло скрываться что угодно. Родион испробовал лобовой таран.

– Госпожа Грановская умерла. Вернее – была убита.

– Вот как? – только и спросил доктор, словно эта новость ничуть не удивила, и даже съел шоколадную конфетку.

Редкое хладнокровие. Утром дарить цветы, а днем узнать, что женщина мертва, и при этом бровью не повести – не каждый сможет. Как будто заранее был готов.

– Что вы делали в это время?

– В какое?

– Между полуднем и часом дня, – нехотя уточнил Ванзаров.

– Сидел в участке под арестом.

– В котором часу были у нее?

– У Грановской? Кажется, около десяти.

– Отменим врачебную тайну по причине насильственной смерти пациентки...

– Только под пыткой. С дыбой и раскаленной кочергой обращаться умеете?

Такого скользкого и бесполезного допроса, Родиону еще не доставалось. Противник явно превосходил его на голову, уворачивался от детских ловушек, раскусывал хитрости, а внутри, наверно, потешался, над

глупым полицейским. Остался последний способ.

– Аврора Евгеньевна рассказывала о своем любовнике? – спросил Ванзаров.

– Она завела его по моему настоянию.

– Назовите имя.

– Понятия не имею, кто он. – Карсавин легкомысленно отмахнулся и покусился на следующую сладость, отчего стал причмокивать. – Конкретный персонаж... а также их количество... меня не интересует... Аврора имела право менять их хоть каждый день.

– Вы предложили замужней даме изменить мужу. И это называется лечение?

– Часть лечения...

– То есть совратили честную женщину?

Владимир Симонович широко улыбнулся:

– Молодой человек, вам еще рано рассуждать об изменах и совращениях, пока сами через это не прошли. Не так ли?

Железная воля будущего великого сыщика остудила щеки и не дала румянцу предательски выскочить наружу. Родион перевел дух, чувствуя, что как раз в такой непринужденной беседе начинает закипать, и спросил:

– Стало быть, проповедуете свободу нравов?

– Я ничего не проповедую, я помогаю больным людям, – довольно жестко парировал Карсавин. – И пусть со стороны кажется, что они здоровы и счастливы, но только в этом кабинете, скрытом от посторонних глаз, открывается, подчас, такая правда, о которой даже ваша проницательность представления не имеет.

– Так просветите. Мне как раз надо набираться опыта...

Юного чиновника одарили покровительственной улыбкой.

– Так и быть, потрачу на вас мое драгоценное время. Пусть это будет вторая бесплатная консультация в моей практике... Вам предстоит работать с множеством людей, и будет полезно знать маленький секрет. За внешним благополучием и умиротворенностью, могут скрываться чудовищные желания. Общество заставляет давить их глубоко в сердце, но они никуда не деваются. Человек, живя внешне добропорядочной жизнью, в душе совершает ужасные поступки. Эта болезнь особо мучительно протекает у женщин, а у счастливых супругов, да еще с любящим мужем и выводком детей – в тяжелой форме. Ад – душа женщины. В каждой домохозяйке дремлет хищник. Человеческая природа никак не улучшилась, человек был и остался зверем. Чтобы его выпустить, чтобы не дать разодрать душу изнутри, требуется лечение. Многие ищут его, где ни попадя, пока не

приходят ко мне.

– Не любите вы своих коллег, доктор...

– Они-то как раз безобидны. Хуже, когда за лечение берутся откровенные шарлатаны, например мадам Гильотон. Слышали? Очень рад за вас. Эта барышня выдает себя за сомнамбулистку, вещает что-то в трансе, с духами советуется, возбуждает астральные энергии, и тому подобное, а на самом деле – дурит голову. Чистая мерзость с точки зрения науки. Представляете, что происходит с больным после подобных сеансов?

– Чем же вы их исцеляете?

– Я не лечу, а помогаю стать собой, не нарушая законов общества. Я помогаю им стать самими собой. Понимаете? Пациентам вручаю один волшебный предмет... – Карсавин вынул из стола круглое зеркальце в золоченой оправе на крохотной цепочке. – Чтобы смотрелись в него и нашли исцеление в себе. В остальном моя задача сводится к тому, чтобы тщательно наблюдать за изменениями в их жизни, это одно неперемнное условие. Я достаточно ясно выразился?

Поняв намек, как мог, Ванзаров поднялся:

– Что же увидела Аврора Грановская в своем зеркальце?

Взгляд Карсавина затуманился на мгновение, облачко исчезло, и он сказал:

– Этого мы никогда не узнаем.

– Зато точно известно, что после ваших сеансов Грановская стала интересоваться ядами и случаями отравления.

– Вот как? – равнодушно спросил доктор. – Ничего подобного я ей не советовал. Следует понимать: мое лечение – психологическая терапия. Ничего больше.

– Видимо, лечение не пошло на пользу.

– Как знать, быть может, она умерла счастливой... Ну, а я всегда к вашим услугам. Обращайтесь, если что, напрямик. Отныне вам рекомендации не нужны.

Ну, вот и Ванзарова оценили на предмет сумасшествия. Ох уж эти лекари, так и норовят вылечить, кого ни попадя любой ценой. Обычно – не малой.

На жарком ветерке набережной реки Фонтанки Родион осознал, что его провели как щенка. Мудрый доктор, обожающий шоколадные конфетки, не сказал и десятой части того, что знает. Но все же засчитать юному чиновнику полиции чистое фиаско было нельзя. Ванзаров не столько понял, сколько ухватил интуицией, что знаток нервов нарочно или случайно проговорился, и сказал нечто важное. Быть может, неоценимо

важное. Схитрил эскулап отчаянно: показал темную, наглухо закрытую шкатулку, в которой хранится бесценный секрет, а ключик – утаил. Придется искать.

Наследник мясной лавки юноша Петя Горбушин пребывал в раздвоенных чувствах. С одной стороны душа его парила в облаках восторга, а с другой – погрузилась в омут уныния. Причина такой странности была до удивления банальна: Петя вчера сделал предложение дочке купца Акиньшина, за которой давали двадцать тысяч приданого. По любви, надо сказать, сделал. Но вот сегодня, переваривая маменьки завтрак, образованный юноша лег на диван и перечел «Женитьбу» Гоголя. И разные мысли забродили у него в голове. Чтобы разогнать их, отправился на Невский проспект и оказался вблизи модного салона женского платья. Он стал воображать, как станет баловать молодую жену нарядами, как они выйдут в свет... Внезапно Петя вынырнул из мира фантазий и уставился на витрину. За чистым стеклом на него хищно уставились волосатые монстры. Чудовищно скрюченные руки словно тянулись к нему, размалеванные глаза так и гипнотизировали, а губы, раскрашенные свежей кровью, казалось, мечтали насытиться его телом. Фигуры монстров драпировали куски вычурных материй, с шей свешивались бусы. Ужас объял Петю. Лихорадочно оглянувшись, он заметил полноватого юношу, примерно одного с ним возраста, который печально ждал кого-то на жаре. Судя по виду, это был такой же страдалец, давший слово жениться. Ужаснувшись тому, что совершил, Петя схватился за голову и бросился прочь.

Родион проводил взглядом странного молодого человека, который напряженно разглядывал витрину с манекенами, а потом опрометью кинулся по проспекту, и подумал, что не зря к салону Живанши приклеилась жутковатая кличка. От одного вида мужчинам делается не по себе.

Посыльный из участка, наконец, доставил вещественную улику. Смахнув повлажневший лоб, Ванзаров отважно вступил в логово женской моды.

Посетительниц было немного. Но каждая презрительно оценила возникшего мужчину и осудила за преступное небрежение современной модой. Только неженатый статус прищельца спас его от окончательного падения в глазах прекрасной половины человечества. Все же легкий холодок пробрался к загривку Родиона. Он переминался с ноги на ногу, не зная, кто тут модистка, а кто заказчица, так изысканно были одеты дамы. При этом чиновник полиции дал себе строжайший наказ не смотреть и не

сметь внезапно влюбляться в кого ни попадя.

Было и другое затруднение. В салоне царило легкое жужжание, дамы общались вполголоса, и кажется, на русском языке, но уловить смысл было решительно невозможно. До уха долетали то «шемизетка», то «фишю», то «сутаж», а то и «гипюр». Что означили эти слова, чиновнику полиции было не известно. К тому же Ванзарова смущал язык общения с хозяйкой. Уж так вышло, что французский прошел мимо него, а вот знает ли мадам Живанши древнегреческий или хотя бы латынь, было большим вопросом.

Из глубины салона возникла жена среднего роста, тщательно скрывавшая свой возраст за радушной улыбкой, молодежавой походкой и тщательно ухоженной кожей. Лишь опытный глаз смог бы заметить небольшую полноту, скрытую за мастерски подобранным туалетом. Задержимся на нем на мгновение. На мадам была широкая, совершенно гладкая юбка-клош из крепона цвета «нежная роза» и корсаж-блуз, вырезанный каре, обшитый по линии выреза бие из бархата цвета «мусс». Перед корсажа был отделан воланчиками из лионского шелка, ниспадающими от стоячего ворота-ракушки до кушака, завязывающегося с боку изящным бантом из бархатной ленты цвета «мов». Не правда ли, свежо и мило?

Из этого очарования, Родион заметил только морщинки вокруг глаз, тщательно заделанные гримом, и оценил даму молодящейся кокеткой, не желавшей признаваться в скором сорокалети. Даме же потребовался один взгляд, чтобы составить самое невыигрышное мнение о костюме и самом мужчине. Она довольно холодно спросила на чистом русском языке, что угодно.

– Сыскная полиция, чиновник для особых поручений Ванзаров, – хмуро сказал юноша, страдавший от влажности спины. – Госпожа Живанши?

– О, мой бог! Сыщик! Да еще и для особых случаев! Шарман! – воскликнула хозяйка, и навсегда погубила для Родиона очарование заветного слова: слово «сыщик» он возненавидел, таким глупым и напыщенным оно стало. В какой раз в мировой истории женская легкомысленность нанесла урон человечеству.

– Как мило! А то я смотрю, что за очаровательный господин нас навестил, – продолжала Матильда, не догадываясь, какое убийство легло на ее совесть. – Будьте как дома, располагайтесь, не желаете чаю, кофе или ликера?

Не поддаваясь пению сирены, Ванзаров приподнял шляпную коробку:

– Это ваше?

Мадам не соизволила притронуться:

– Ну, конечно! Фирменная коробка моего салона. В Петербурге такие можно найти только у нас. Обратили внимание, каким атласом отделана? Это наш фирменный.

– Очень хорошо. Не сможете определить, кому именно досталась эта? Сыщика наградили очаровательной улыбкой:

– Невозможно! У нас их сотни уходит, все одинаковые. Наш салон очень популярен у петербургских дам, у меня одеваются почти все. Вот, например, даже сама мадам Гильотон заглядывает. Представляете? Она носит только черное, но все равно одевается у меня. Как мило, да? Кстати, могу вас рекомендовать, она удивительная женщина, может угадать ваше будущее. Не желаете заказать платье для вашей невесты?

– Какой невесты? – напряженным голосом спросил Ванзаров, не осилив резвый переход от предвидения будущего к рутине настоящего.

– У такого очаровательно молодого человека наверняка есть невеста. Ведь есть? Я угадал? Ах, как мило! Какой вы очаровательный шалунишка! Приводите ее скорей, сделаем из нее просто чудо. Как раз пришли последние выкройки из Парижа. Для вас будет особая скидка, вы понимаете.

Давненько не называли коллежского секретаря «шалунишкой», а «очаровательным» – и подавно. Родион потерял на мгновение смысл, зачем он здесь. Спасение пришло внезапно. Жгучая брюнетка небольшого роста окинула его вызывающе строгим взглядом, презрительно хмыкнула, кивнула Живанши и гордо удалилась.

– Так, когда вас ждать с невестой? – напомнила дама.

– Что?.. А?.. Нет... Позвольте, здесь вопросы задаю я! – кое-как выплыл юный чиновник.

– Ах, простите мою дерзость, господин сыщик! – и Матильда натурально потупила глазки... Нет, ну надо же! Ну, что за женщина...

– Вы посылали букет к Авроре Грановской?

– У нее сегодня именины! Я не забываю таких важных дат. Аврора Евгеньевна – одна из лучших клиенток, она...

Поток пришлось рубить на корню:

– На какую сумму Грановская шьет платьев?

– Рублей на триста, кажется... Не считая шляпок. А зачем вам?

– В год?

– Да что вы! Это невозможно. Конечно, в месяц! Надо же следить за модой. Аврора в этом смысле – образец для всеобщего подражания.

Родион невольно прикинул: его годового жалованья хватило бы ровно

на три месяца гонки за модой. Если ничего не есть... Бедный адвокат, то есть выходит – совсем наоборот.

– Позвольте задать деликатный вопрос?

Радужная дама была счастлива окунуться в занимательную тему.

– Вы были дружны с Грановской?

– Мы чудесно общались.

– В таком случае, не назовете ее любовника? – спросил Ванзаров.

Матильда слегка вздрогнула, и, понизив голос, сказала:

– Не буду скрывать: Аврора намекала, что у нее завязался роман, но имен, разумеется, не называла.

– Не предполагаете, кто он?

– Какой-нибудь замечательный молодой человек, красавец, как вы. У Авроры – исключительный вкус... Господин, Ванзаров, могу вас...

– Секундочку... – Родион не вынес бы еще один словесный водопад. – Сколько мужчин-посыльных у вас работает?

– Ни одного.

– Это почему же?

– Мои девушки не просто доставляют готовое платье или шляпку, они помогают его примерить, где-то ушить, где-то подколлотить. Разве мужчине можно допустить к такому деликатному вопросу?

– Александра Ипатьева только цветы доставляет клиенткам?

– Откуда ее знаете? – Матильда игриво погрозила пальчиком. – О, понимаю, тайны следствия!.. Сашенька – прелесть, у нее золотые ручки и чудная фантазия. Такие шляпки придумывает – шарман! Жаль, у такой славной барышни судьба не сложилась. Представляете, ее отец был состоятельный человек, но в один вечер проиграл все. И пустил себе пулю в лоб. Каково? Так ее мать не пережила и тоже выпила яд. Они остались вдвоем с сестрой. Сашеньку я взяла, а сестра ее горничной у Грановской. И опять такое несчастье! Она узнала, что сестра сегодня отравилась. Так я отпустила Сашеньку... Господин, Ванзаров, взываю к вам, как к полицейской власти...

– Что такое? – механически ответил Родион, думая о своем.

– У меня украли все награды, которые я привезла из Франции! Вы можете представить трагедию? Все плоды трудов. И все пропало. Разыщите, умоляю!

Мимо пропылили туманные миражи кубков и медалей, за победы в соревнованиях мод, и обратились в пропавшие простыни, украденные белье, потерянные сумочки и прочую гадость, от которой Родион только сегодня счастливо отделался.

– Разыщем, обязательно разыщем, – сказал он, и заторопился к выходу, волоча за собой шляпную коробку.

– Так вы не забудьте! – крикнула Матильда вдогонку. – На вас, господин сыщик, вся надежда хрупкой женщины!

За спинами толпы раздавались крики, но понять, что вызвало интерес улицы, было решительно невозможно. Вручив подвернувшему городовому шляпную коробку с приказом немедленно доставить важную улику в 4-й участок Казанский части, Ванзаров проявил излишнее для чиновника полиции любопытство и протиснулся сквозь толпу.

Утомленное солнце клонилось к горизонту, застилая проспект мягким желтоватым светом, но Родиону показалось, что его «затмило иное светило», как бы сочинили для пошлого ромansa. На кромке тротуара стояла барышня, описать которую, у юного чиновника полиции не хватило бы словарного запаса, так что нам определенного будет тяжело... Тут и антропометрическое бюро не поможет.

Подлинное чудо доходило чуть-чуть до плеча Ванзарова, и было разодето в нечто очаровательное, чего Родион, кажется, не разобрал вовсе. Нам же это проще сделать: барышня облачилась в изящный туалет из сукна цвета беж. Перед юбки-клош украшен двумя узкими расходящимися складками, образующими род передника, до половины каждой складки нашито по пяти крупных пуговиц. Короткий корсаж с круглой, волнистой баской, с широкими отворотами из белого сукна, отделан большими пуговицами. Жилет из белого сукна с вырезом «en Coeur»^[2] на шемизетке из розового перкаля с отложным воротничком, и черный галстук. Шляпа из желтой соломы, украшенная диким полевым маком с зеленью и белыми кружевами. Ну, разве не прелесть?

Но и сама милая шляпка лишь украшала нечто сногшибательное: копна волос цвета спелой пшеницы сияла волшебным отливом. Родион еще успел разобрать глаза, в которых сверкали нежные васильки, пока не погиб окончательно. Видение поразило настолько, что он не сразу понял, что происходит. Но дурман кое-как рассеялся. Стало ясно, что прекрасной незнакомке требуется помощь, и не кого-нибудь, а настоящего рыцаря.

Нижняя губка, прекрасная без сомнений, слегка дрожала, а за волшебный блеск глаз следовало благодарить выступившие слезинки, уже готовые скатиться по щекам. Барышня хоть и усмирляла волнение, но отчаянно стиснула рукоятку новенького дамского велосипеда знаменитой марки «Рудж». Он и стал причиной беды. Начальственно грозя кулаком, городской распекал барышню за езду в неположенном месте, не имея на то специального разрешения, и вообще отчитывал за угрозу общественным

нравам, а особенно лошадям.

– Но, в Париже можно ездить где угодно, и документов никаких не требуют, – пролепетала несчастная.

– Здесь вам не Париж, барышня, у нас предписания градоначальника имеются, – веско сообщил городской, в котором Ванзаров, с хищной радостью, узнал Ендрыкина, того самого лентяя и лоботряса, что не удосужился написать рапорт и собрать свидетелей.

Пришел час мести.

Выйдя вперед, Родион нагнал на себя строжайший вид и весомо осведомился:

– Городовой, что здесь происходит?

Страж улицы словно уменьшился ростом, стремительно козырнул и доложил:

– Извольте видеть, ваше благородие, барышня нарушают...

– Значит, так, Ендрыкин, барышня выполняет важное задание. По личному распоряжению директора Департамента полиции. Все ясно?

– Так точно! – вытянулся городской, но не удержался: – Это какое же?

– Дама проверяет пригодность велосипедов на предмет приобретения их для нужд полицейского резерва... Расходитесь господа, ничего интересного.

Скандала или хотя бы уличной драки больше не намечалось. Толпа, ощутив падение градуса, быстро рассеялась.

– Что стоишь, Ендрыкин, марш на пост, я сам провожу барышню...

Городового как ветром сдуло.

Спаситель же утонул в васильковых глазах и благодарной улыбке. Смахнув батистовым платочком ненужную влагу, барышня проворковала голосом, каким, наверное, поют райские птички (сами мы не слышали, приходится верить на слово):

– Спасибо, вы спасли меня.

– Какая ерунду, – грудь Родиона сама собой стала шире, а спина прямее, при этом остатки разума окончательно покинули разгоряченные мозги. Если раньше юноша стремительно влюблялся и остывал, как раскаленный булат, окунаемый в прорубь, то теперь натурально погиб. Ну, окончательно погиб. Без всяких возражений.

Ему застенчиво протянула ручку, Родион припал, после чего узнал, что неземное создание зовут редкостно и очаровательно: Софья Петровна Ухтомская. Ну, и чиновник полиции, в свою очередь, не остался в безвестности, не забыв упомянуть про «особых поручений».

– Как вам удалось так быстро справиться с этим ужасным

городовым? – спросила барышня.

– Пустяки, они обязаны выполнять распоряжения сыскной полиции.

– Так, вы сыщик? Как интересно!

Заветное слово, беззастенчиво растоптанное в душе Родиона, заблестело праздничными красками.

– Всегда мечтала узнать, как работают настоящие сыщики... – сообщила она.

– Если позволите угостить вас чашечкой кофе, буду весь к вашим услугам.

Софья Петровна с радостью позволила. Приняв на себе бразды управления велосипедом, то есть ведя его за рога по кромке мостовой, Родион направился в ближайшую кофейню, каких развелась тьма-тьмуца на Невском. Чудо шло рядом, разговор тек непринужденно.

В кофейню, название которой и помянуть не хочется, Родиона отказались впускать: нельзя с велосипедом, и все тут. Совершенно раздухарившись, чиновник полиции подозвал ближайшего городского и приказал глаз не спускать с двухколесного транспорта. А сам, галантно пропустив даму, вошел в кафе следом. Шикарным жестом предложив меню, Родион вдруг вспомнил, что с собой у него рубля три, не больше. Если Софья Петровна пожелает нечто значительное, придется туго. Но барышня воспитанно заказала чашечку венского.

– Рассказывайте скорей, как ловите убийц и грабителей, меня раздражает любопытство! – нетерпеливо попросила она.

– Мы, полицейские, не раскрываем свои секреты незнакомым, – со значительной миной сообщил Родион.

Софья Петровна солнечно улыбнулась и рассказала, что она единственная дочь богатого промышленника, который, оставив дела, перебрался в Париж. Вернулась на историческую родину в начале мая, чтобы провести лето в столице, и понять, чем хочет заниматься в дальнейшем. Проживает не в гостинице, а в меблированных комнатах Соколова. Способность наблюдать частично вернулась к Ванзарову, и он отметил на пальчике барышни кольцо с крупным брильянтом, а на шее – золотые часики-кулон, с мелкими блестками. Похожа на богатую невесту. Хотя кто посмел в такой романтический миг думать о презренных материях, вроде приданого.

– Теперь ваша очередь, – напомнила Софья Петровна. – Какие тайны раскрываете?

Честно говоря, рассказывать было нечего, а сочинять в таком состоянии Родион был не в состоянии. И еще трижды повторить.

– Да, вот, хотя бы из последнего, – сказал он, задумчиво колошматя ложечкой по блюдцу. – Прямо на улице убили юношу ударом шила в сердце...

– Боже мой! – вскрикнула барышня, как все барышни мира, когда хотят показать свой восторг перед достоинством мужчины. – Вы уже нашли убийцу?

Ванзаров откликнулся на призыв крови, как петух на куриное кудахтанье:

– Напали на его след. Очень опасный и коварный преступник. Пришлось бросить все силы на его поимку. Скоро возьмем, никуда не денется. Я раскинул такую хитроумную сеть по всему городу, что ему просто некуда деться. Не покладая рук работает сотня филеров, осведомители, еще жандармов подключил. У меня ведь весь департамент под рукой. Бывает, зайду к директору, скажу: Николай Иванович, душа моя, дайте-ка мне парочку рот филеров, чтобы злоумышленника изловить. И директор сразу – пожалуйста, Родион Георгиевич, берите филеров, сколько хотите, только дело сделайте, чтоб отчетность не страдала! На мне все только и держится. Ни в чем не знаю отказа. Сыскную полицию гоняю, как хочу. Даже самого начальника Воцинина – прямо в хвост и в гриву. А что делать? Розыск требует. У меня не забалуешь! Все помогают, хотят, чтобы следствие мое как можно скорее решилось. Я вообще имею большое влияние в министерстве. Прямо скажу: будет надо – вся полиция за мной, как один, встанет... А потребуется – и гарнизон поднимем, кавалерию... Флот наготове... У нас и воздушный шар для наблюдений имеется... Мы его обложили, скоро возьмем... Примерно так.

Родиона несло. Ничего не мог поделаться со своим языком, который будто с цепи сорвался. Ему было и стыдно, и приятно, что васильковые глаза неотрывно и, кажется, с восторгом, пожирали его.

– Потрясающе! Это будет в свежих газетах?

– Надеюсь, нет! Я скромн. Для чего мирская слава, лишь бы дело делалось, – подхватил слегка обезумевший Ванзаров. – Наша работа скучна журналистам. Им подавай какие-нибудь жареные факты. А мы, сыщики, работаем кропотливо и вдумчиво, в тиши кабинетов, с лупой и фактами. Но порой в дождь и ветер, мы идем по следу, чтобы... В общем, да...

«Закрой рот!» – сам себе приказал он, пока усердно кашлял.

– Какой вы... – не закончила Софья Петровна, хотя юному чиновнику страсть как захотелось узнать, каким именно предстал в васильковых глазах. – А что-нибудь еще?

– Извольте, – Ванзаров проглотил кофе. – Любовник прислал чужой

жене отравленные конфеты.

– Зачем? – испугалась Софья Петровна.

– Выясняем... Загвоздка в том, что пока не удалось установить его личность. Но это дело ближайших дней...

– Какая у вас интересная жизнь, полная приключений и подвигов... Не то, что у меня.

Родион смог лишь многозначительно кивнуть. На большее сил не осталось.

– Как жаль, что приходится расставаться с таким интересным человеком, – сказала барышня грустно.

– Отчего же расставаться? Вы позволите пригласить вас... завтра, – Ванзаров никогда никого не приглашал на свидания, и потому не знал, куда следует водить приличных девушек. Впрочем, как и неприличных. Он вообще не знал, как это делать. Чудо, что вообще сумел исторгнуть приглашение.

Барышня с милой улыбкой дала согласие. Они договорились, что завтра ближе к вечеру Софья Петровна телефонирует в участок, чтобы выбрать место встречи.

Поймав извозчика и закрепив на багажном ящике велосипед, подсадив девушку и поцеловав тонкую, будто прозрачную ручку, а также, отдав извозчику последнюю мелочь, Ванзаров плыл в нескончаемом счастье. А как славно она произнесла «сыщик», нет, не славно – божественно.

Он смотрел, как удаляется пролетка, и на душе разливался клубничный сироп под взбитыми сливками. А сердце потекло растопленным медом. Непередаваемо хорошо.

Софья Петровна обернулась и одарила улыбкой, за которой можно было вообразить, что угодно. Ванзаров чуть не кинулся за пролеткой, но вовремя сдержался. Все-таки, важным чиновникам сысской полиции не пристало бегать по проспекту, как мальчишкам-газетчикам.

Рабочий кабинет Лебедева, он же – лаборатория, располагался в здании Департамента полиции на Фонтанке. Здесь Аполлон Григорьевич проводил самые точные экспертизы, делал выводы и подписывал заключения, в общем, занимался тем, без чего невозможна рутинная работа криминалиста. По причине чего, кабинет превратился в невообразимую смесь чулана, в котором хранят всякую рухлядь, и лабораторию средневекового алхимика. Реторты соседствовали с черепками посуды, горелка Бунзена размещалась среди чьих-то косточек, а химические реактивы хранились рядом с коробками, на которых виднелись замызганные ярлычки «Чай» и «Кофе». Что же о запахе, то о нем лучше ничего не знать. Помещение, в котором регулярно выкуривались никарагуанские сигарки, пахло... необычайно.

Впервые оказавшись в святилище криминалистики, Ванзаров осматривался и тихо поразился, до какого же беспорядка можно довести рабочее место.

– Зато я всегда знаю, где, что лежит, – словно угадав мысли, сказал Лебедев. – Сунул руку и сразу нашел... Проклятья, куда делась лакмусовая бумага?

Криминалист стал рыться в груде папок, непринужденно разметая их в разные стороны, пока не дошел до дна, то есть замызганной поверхности стола.

– Ну, и ладно, не очень-то она нужна, – успокоился Лебедев. – Знаете, что было в пузырьках Грановской?

– Вы же говорили – яды?

– Я предполагал. Теперь готов сделать заключение. Это... – Аполлон Григорьевич выставил хрустальный сосудик с зеленоватым порошком, – ... таллий. Это... цианид, или соль синильной кислоты. Это изволите видеть... стрихнин. Ну, а это... старина-мышьяк. Куда разнообразнее, чем нужно для травли крыс. Не мое дело строить умозаключения, и логике не обучен, но...

– Ваше мнение – бесценно.

– За язык не тянул... Мое мнение таково: любящая мать двоих детей и примерная жена адвоката, серьезно готовилась к преступлению. Кому-то повезло уцелеть.

– Не удивлюсь, если мужу.

– Почему?

– Яды хранились в открытую среди пудр и румян, меньше всего привлекая внимание мужчины. И всегда под рукой.

– Она что же, не могла решить: хочется ей убить отца своих детей, или пусть еще поживет? Какая затейница... Вот, держите.

Лебедев сунул стопку фотографических карточек, еще сыроватых. На одних был изображен мужчина, заросший бородой и давно не стриженными волосами. На других – он же гладко выбрит. Лицо заколотого отличалось природной округлостью и чуть грубоватым носом. В остальном, молодой человек производил самое положительное впечатление. На снимках он замер, словно что-то говорит. Фотограф слегка прикрыл рот, а веки остались раздвинутыми сами собой. Портрет был снят фронтально сверху, казался вполне живым, если не замечать смятую простынь под затылком.

Ванзаров одолжил пару снимков.

– Ну, коллега, делу время, а потехе – ночь! – Лебедев скинул тяжелый резиновый фартук. – Вы обещали прожигать жизнь нынешним вечером.

Родион дал страшную клятву, что непременно будет, где только не прикажет Лебедев, но сейчас ему обязательно надо сделать важный визит.

– А что это вы такой цветущий, словно поймали Джека Потрошителя? – спросил криминалист.

– Жара спала, легче дышать, – не краснея, соврал чиновник полиции. Прикоснуться к своему божеству, даже такому славному человеку, как Лебедев, нельзя позволить.

Запомнив адрес на Лиговке, Родион покинул кабинет и, только вдохнув чистый воздух Фонтанки, оценил, в какой клоаке побывал.

Дверь открылась так резко, что еле увернулся. открыла самолично. На лице Екатерины Павловны были заметны следы не только пережитых волнений, но и особая тревога, которая невольно ощущается всяким внимательным человеком. Это был страх, доставшийся нам от предков: страх жертвы, вокруг которой дальними кругами уже бродит хищник, взявший след. Сыграть его невозможно, он идет из самого естества, где нет лукавства и условностей, а потому сигнализирует другому: опасность поблизости, берегись и спасайся, если сможешь. У страха невидимый аромат гари.

– Да, что же это, как вы долго! Я же назначила вам на пять! – недовольно выговорила госпожа Делье, и пошла в глубину комнат, предоставив гостю самому запереть дверь и повесить шляпу. Горничная не показывалась.

Тщательно отерев подошвы, стряхнув уличную пыль и поправив волосы пятерней, Родион вошел в комнаты. Обстановка неуловимо напоминала интерьер Грановской: та же мебель, выбранная по модному каталогу, фотографии маленького сына и ощущение сытого, покойного уюта благоустроенной семьи.

– Вы отпустили прислугу? – спросил Ванзаров.

– Что?.. Ах, да... На даче с ребенком... Да не стойте, же садитесь, – скорее нервно, чем зло приказала радушная хозяйка. – У меня к вам дело...

– Нет, позвольте, это у меня к вам дело, – Родион счел нужным принять инициативу на себя. – Почему покинули место преступления без моего разрешения? С вас требовалось снять допрос. Завтра, будьте добры, явиться в участок для дачи показаний.

Екатерина Павловна посмотрела так, будто с ней говорили по-японски.

– Как? – вырвалось у нее.

– Есть порядок. Его нельзя нарушать. Если благодаря вашим заботам, обнаружено убийство, это должно быть отражено в протоколе.

– Как вы можете...

– Прошу прощения?

– Как можно упрекать меня в каких-то глупостях, требовать подписать какие-то дурацкие бумаги, когда мне угрожает смертельная опасность...

Жена дипломата довольно правдиво прикрыла лицо ладонью.

– Смертельная опасность? – переспросил Ванзаров, но ему не

ответили. – Не та ли, о которой упоминали днем?

Чиновника полиции наградили несколько раздраженным взглядом:

– О чем это вы?

– «Началось», так вы сказали. Должен спросить: что «началось»?

– Нет... Это совсем не то, ерунда.

– «Если Аврора убита, значит, и меня убьют», как, изволили выразиться, тоже ерунда?

– Вы мне не верите? – удрученно спросила Екатерина Павловна.

– Пытаюсь узнать, кто или что угрожает вам. Чтобы помочь, я должен знать. Будем откровенны?

Вместо ответа Делье протянула прямоугольный клочок. В сероватую бумагу впечаталась черная роза, рядом с ней коряво извивались чернильные стрелочки. Вердикт мог вынести только Лебедев, но невооруженный взгляд юного сыщика не нашел существенных отличий. Страшные метки были сделаны, как под копирку. Только награжденная была еще жива. Неужели в этот раз убийца решил заранее отметить жертву? И нарушить собственную систему? В этом должен быть какой-то серьезный смысл, ускользавший от прямой логики.

– И что это? – спросил Ванзаров.

– Разве не понимаете? – в голосе Екатерины Павловны появились жалобные нотки.

– Искренно говорю вам: нет.

– Знак смерти. Я обречена.

– Что-то вроде «черной метки» у пиратов?

– Это кажется забавным?

– Вовсе нет. Но должен понять, из чего сделан такой устрашающий вывод. Лично я вижу только розу и две загогулины. Почему они угрожают вашей жизни?

– Я это чувствую.

– И только? В таком случае, позвольте откланяться, – Ванзаров встал. – Жду вас завтра в участке.

– Куда вы? – поразила Делье.

– Не хочу тратить время, когда меня пытаются водить за нос. Прощайте...

– Пойдите! – почти приказала Екатерина. – Что вы хотите знать?

Родион устроился в глубоком мягком кресле и несколько вызывающе закинул ногу на ногу.

– Я готов попробовать еще раз, если обещаете не увиливать.

Молчание дамы было красноречивей капитуляции с белым флагом.

– Начнем с простого, – сказал Ванзаров. – Как получили весточку?

– Подбросили.

– Подробно. Как, когда, где...

– Где-то около пяти, когда я ожидала ваш визит, в дверь позвонили.

Когда дошла и открыла, там никого не было. Но на пороге лежало это...

– Прямо на коврик? – уточнил Родион.

– Аккуратно расправленная...

Квартира на втором этаже, положить бумажку, нажать звонок и скрыться – в этом нет ничего фантастичного. Но зачем она потом дежурила под дверью: убийца мог позвонить второй раз? Неужели не понимает такой простой логики. Или страх отбил у женщины умение думать? Все-таки, почему ее не прикончили сразу, а стали пугать. Есть в этом какая-то наивная путаница, как в детских прятках.

– Предполагаете, кто мог прислать метку? Может быть шутка?

– Среди наших друзей подобных шутников нет...

– Екатерина Павловна, вы держите в доме какие-нибудь яды?

– Быть может, горничная хранит крысиный, впрочем, я не знаю...

– Умеете обращаться с оружием?

– У мужа и ружья не имеется...

– Так почему же обрывок так напугал вас?

Госпожа Делье, видимо, собралась с силами, и сказала:

– За несколько дней до гибели Авроры мы обсуждали с ней разные причуды общих знакомых, как вдруг она спросила: «Что бы я стала делать, если бы узнала, что в нашем кругу есть убийца?». Я решила, что Аврора меня разыгрывает, как обычно, но она была настроена серьезно, и опять спросила: «Вдруг, человек, с которым ты дружна, например, близкая подруга, бываешь у нее и она бывает у тебя в доме, на самом деле, вынашивает замысел твоего убийства. И не ради какой-то пошлой материальной выгоды, а чтобы решить свою душевную проблему». Я спросила, намекает ли она на кого-то конкретно, но Аврора со смехом уверила, что это только теория, ее интересует мое мнение. Я сказала, что такая опасность будет портить жизнь, если о ней знаешь наверняка. А беспокоиться просто так, что кто-то из знакомых может строить планы убийства – глупо. Так и кирпича можно бояться. Чего доброго с ума сойдешь. Но Авроре это было мало, она стала настаивать. «Допустим, – сказала она, – ты знаешь, что угроза не шуточная, только не знаешь, кто твой убийца. Разве твоя скучная жизнь не приобретет новые волнующие краски? Разве каждая прожитая тобой минута не станет для тебя по-особому важной и удивительной? Не то ли испытывает приговоренный,

которому отложили казнь: одновременно страх и радость?». Я сказала, что не хочу обсуждать подобные гнусности, мне уже страшно, а если она что-то знает, пусть выскажется напрямую. Но Аврора все обернула в шутку...

Родион терпеливо ждал продолжения, не одобряя и не понукая, словно предоставив даме возможность самой выбрать: быть ли искренней.

– А позавчера ... – Екатерина Павловна запнулась, но продолжила: – ... она показала мне клочок с розой и стрелками и со смехом сказала, что, быть может, это весть от ее тайного убийцы, который начал охоту и дает жертве шанс спастись. Я спросила: радуется ли ее теперь каждая прожитая секунда. Аврора ответила: «Это восхитительное чувство: опасаться каждого, кто подходит близко. Захватывающая игра». Все это казалось розыгрышем. Но теперь... Когда я... Когда она...

Многие неясности обрели отчетливые очертания. Но возникала странная коллизия: допустим, убийца предупредил Аврору, чтобы она себе места не находила. Тогда получается, что госпожа Грановская знала значительно больше, чем сказала подруге. Иначе бы не предположила, что странное послание – «метка» от убийцы. И главное: зачем убийце два раза присылать одно и то же «письмо»: до и после убийства Грановской.

– У вас есть предположения, кто мог затеять игру с Авророй и вами? – спросил Ванзаров. – Кто-нибудь из вашего круга?

– Наш круг – солидные, обеспеченные и уважаемые люди, которым не нужно убивать друг друга от скуки.

– А если вдруг потребуется?

На лице Екатерины Павловны застыла гримаса удивления, которая ее печально глумила.

– Что это значит? – строго спросила она. – Вы на кого-то намекаете?

– Аврора Евгеньевна хранила на туалетном столике набор ядов. Вы знали об этом?

Супруга дипломата не нашлась, что ответить.

– Вам же городской сказал, от чего погибла Грановская? – с наивным и чистым лицом спросил Ванзаров.

– Я не стала бы спрашивать. А как?

– Отравили синильной кислотой, которую впрыснули в конфеты. Вот теперь и подумаешь... – оборвал себе Родион.

– Что вы намерены предпринять для моей защиты? – просила Делье.

– Желаете поставить пост с городским у ваших дверей? А что скажет начальство вашего мужа?

– Я об этом не подумала, – Екатерина Павловна погрузилась в терзания. – Это дело ни в коем случае нельзя выносить на свет. У Ипполита

могут быть осложнения в карьере... Что же делать?

– Быть может, ваши тревоги напрасны... Имейте терпение дослушать... Стоит лишь предположить, что госпожа Грановская сказала вам чистую правду...

– Что это значит? Объяснитесь, это, в конце концов, возмутительно...

– Это значит, что вас намеревалась убить ваша... подруга.

– Но зачем? – еле слышно пробормотала Делье, пораженная, как могло показаться, до основания веры в людей. Если такая где-нибудь водится в природе.

– Например, чтобы исцелить свои душевные недуги.

– Но записка!

– Могла быть отправлена заранее... Она поручила кому-нибудь доставить ее в назначенный час. И вам досталось прощальное послание от мертвеца.

Родион говорил, как и полагается чиновнику полиции, с внушающим уверенностью спокойствием. Хотя сам не верил ни единому слову. Хлипкое построение было рассчитано на доверчивую женщину и не учитывало туза в рукаве, вернее – шила в неизвестном любителе спортивных велосипедов. Его «метка» никак не лезла сюда. Из иллюзии безопасности и обоснованного ужаса юный сыщик выбрал для нервной дамы первое.

– Чтобы увериться наверняка... – сказал Ванзаров, вынимая снимок трупа в парике, – ... не знаком ли вам этот господин?

Взглянув, Делье не признала.

– Может быть, этот?

На снимке без грима взгляд задержался чуть дольше, чем полагалось, но затем Екатерина уверила, что видит его впервые.

– Кто это? – спросила она равнодушно.

– Возможные соучастники Грановской, – сказал Ванзаров, поднимаясь. – Сегодня вам не о чем беспокоиться, а завтра жду у себя... Могу просить о дружеской любезности?

Екатерина с некоторым сомнением выразила согласие.

– Укажите любовников вашей подруги.

– Но это бестактно!

– Я же просил о любезности. Ей уже все равно, а для следствия крайне важно как можно скорее найти этих господ. Помогите?

– Даже если бы знала имена... – неуверенно начала Делье и, набравшись решимости, закончила: – ...Аврора при кажущимся легкомыслии и сердечности, была скрытной и недоверчивой. О том, что у нее роман, я узнала по косвенным признакам, которые от женщины

невозможно утаить. Но это все...

Звонок резко и тревожно оборвал тишину гостиной. Дама вздрогнула.

– Вы кого-то ждете? – спросил Ванзаров, но вытянувшееся лицо красавицы говорило, что его увещевания пропали зря. Дама уже воображала, как ее режут на части.

Звонок повторился.

Родион на цыпочках подошел к двери, встал так, чтобы внезапный удар шилом, если будет, прошел мимо, задержал дыхание и резко отпер дверь.

На него уставился моложавый господин, не старше двадцати семи лет, с идеальной прической, идеально напomaженными усиками, в идеально облегающем костюме, в легком цилиндре, несмотря на жару, с элегантно тростью, благоухающий идеальной служебной карьерой в иностранных делах под неусыпным доверием начальства.

Вид несколько растрепанного мужчины, подозрительно осмотревшего с ног до головы, привел в такое удивление, что хозяин квартиры издал горловой звук, неприличный в дипломатических кругах, и срывающимся голом, спросил:

– Вы что тут делаете?

Второй раз за день Родиона принимали за удалого ловеласа. И в чем-то мужья были правы, конечно.

Недоразумение счастливо разрешилось. А когда стало известно, что Родион Георгиевич, кроме службы в полиции состоит в счастливом родстве с самим Борисом Георгиевичем, то сразу стал милейшим и желанным гостем для Ипполита Сергеевича. Были предложенные разнообразные напитки для приятного времяпрепровождения, от которых Ванзаров отказался. И все равно титулярный советник распался в благодарностях, что такой занятой человек самолично принял участие в страхах его супруги, к которым он лично относится с некоторым юмором.

– Вообразите, Родион Георгиевич, Катюша вбила себе в голову, что ее хотят убить, – подмигнул Ипполит Сергеевич. – Женщины умеют возбуждать страсти не хуже Дюма, вы меня понимаете.

Где-то в глубинах комнат тренькнули колокольчики, дипломат Делье извинился и побежал гусиком, раскачивая задом.

– У вас на квартире телефонный аппарат? – с некоторой завистью спросил Ванзаров. Об этой полезной, но очень дорогой игрушке он мог только мечтать. Шутка – пятьдесят рублей в месяц.

– Поставили от министерства, мужу необходимо быть достигаемым в любую минуту, – печально сказал Екатерина Павловна. – Вы уверены в

своих выводах?

– Как в самом себе... Кстати, что собирались дарить Грановской?

С этажерки для перчаток Делье взяла коробочку с бантом и нервно разорвала бумагу. Изящная книжица в коленкоровом переплете размером с ладонь, с отточенным карандашиком на золотой цепочке.

– Аврора хотела завести дневник, чтобы...

Родион не стал допытывать расспросами: отчего записная книжка стала популярным подарком. Но все же спросил:

– Какие конфеты любите?

– «Итальянская ночь». А для чего вам?

– Да, так, издержки сыска... Но вот одного понять не могу: с чего это крыса кинулась на вас? Такой ведь покладистый был зверек.

– Боже мой, чем только занята ваша голова, какой жуткой ерундой. И вы еще в полиции служите, – беззлобно сказала Екатерина Павловна, протянув руку для поцелуя.

Ванзаров не обиделся. Его мозг, который посмели наградить нелестным эпитетом, крутил жернова логики на всех оборотах.

Спускаясь по лестнице, Родион раздумывал о том, что первое впечатление и психологический портрет был не вполне верен: женщина, конечно, нервная и хитрая, но очень умная. Еще трудно понять, почему Екатерина ничего не сказала мужу о смерти Авроры Грановской. Что это: проявление истинных семейных отношений или что-то другое? Логика молчала.

Была еще одна мелочь, подмеченная у самого дипломата. Скромное колечко в виде змейки, кусающей собственный хвост, пряталось за массивным перстнем на безымянном пальце левой руки. Что это означало? Этому логика пока не могла раскусить.

Патентованный полифон-автомат издавал стоны шарманки, по которой проехала грузовая подвода. Сбоку лениво вертелась заводная ручка. Фигурка терракотового савояра на крышке, хитро прищурившись, созерцала душную комнату, безжалостно завешанную персидскими коврами, гардинами и балахонами бордово-красного плюша. Резной мальчик был спокоен, потому что навидался всякого. Как и барышня, которая просила называть себя Нинель. Умела она уже многое, но любопытства не растеряла. И сейчас сильно занимал ее новичок.

Нинель украдкой посматривала на статную шею, прочно сидевшую на упругом торсе, на гладкие ручки и милые глазки, на мальчишеский вихор и даже выбритые щечки, слегка покрасневшиеся от бокала вина, и старалась отогнать думы о том, как приглянулся сильный юноша. Мадам Квашневская категорически запретила влюбляться в клиентов, за это вылетишь на панель. А вологодская красавица Фекла прижилась, зарабатывала так, что посылала в деревню, да и работа стала нравиться. Непозволительны Нинель чувства. Бордель как-никак, а не институт благородных девиц.

Куда он попал, Родион понял не сразу, глупо доверившись: Лебедев обещал «замечательный вечер с актрисками». Первые сомнения в душе возникли, когда извозчик привез его на Пески: улицы, прилегающие к Николаевскому вокзалу, на которых не было ни одного театра или пустячного кабаре, зато большой выбор «развеселых домов», номерных бань, открытых круглые сутки, и комнат, сдаваемых на час. Подозрения разрослись при виде плохо разодетых девиц, вернее одетых хорошо, но так, чтобы все волнующие прелести были доступны жадному взгляду. Решив, что так обычно и ведут себя настоящие актрисы, Ванзаров попросил проводить его в комнату, где ожидает господин Лебедев.

Гостиная хоть и была просторной, но уже пропахла незабываемым ароматом никарагуанского табака. Лебедев, скинув пиджак, восседал на тронном кресле, а вокруг расположился цветник, вовсе не замечавший табачной отравы.

– Наконец-то! – закричал Аполлон Григорьевич, широким жестом приветствуя гостя. – А то девочки меня замучили: где Ванзаров, да где Ванзаров. Не правда ли, красотки?

Грянул хор хихикающих девиц.

Пробравшись через слабо одетые тела к Лебедеву, Родион прошептал в ухо:

– Это разве актрисы?

– Самые замечательные. Примадонны в своем роде. Заведение мадам Квашневской – первый сорт, за этим местный пристав приглядывает. Только это между нами. Ванзаров, долой пиджак и службу, да здравствует любовь и отдых!

Как ни отнекивался Родин Георгиевич, но сюртук с него сняли, вина налили, выпить заставили, а когда полифон-автомат окончательно издох, стали петь романсы под гитару. Сколько соблазнительных взглядов ластилось к нему! Но странное дело: откуда ни возмись, явились васильковые глаза Софьи Петровны и словно излечили пагубную страсть к хорошеньким мордашкам. Родион признал, что может находиться рядом с выводком хорошеньких женщин без всякого мучения, при этом не разрываться от буйства страстей. И немедленно вспомнилось, каким расфуфыренным гусаком вел себя. Он покрылся испариной стыда и проклял болтливый язык. А затем, пристроившись с бокалом в полулежащем положении, как древний грек на пиру, предался размышлениям, под вынимающую душу слезную романтику городских куплетов.

– Никак заскучали? – спросил Лебедев, не веря, что молодой человек может оставаться равнодушным среди изобилия доступных женщин. – Так это бросьте. Помните, что сегодня окунаю вас в мир порока. Выбирайте любую и окунайтесь, на здоровье.

– Непременно, – согласился Ванзаров. – Вот только решу одну задачку...

– Эх, друг мой, задачек и трупов на ваш век хватит, это я вам обещаю. Не умеете вы веселиться. И вообще думать рядом с дамами нельзя, они от этого портятся. Надо хватать радость полной пригоршней... – и криминалист ущипнул аппетитный зад, девица игриво завизжала.

– Да, может быть...

– О чем это вы?

– История с Грановской могла оказаться куда проще... Ну, вам не до этого...

Пересадив на ковер хорошенькую блондинку, Лебедев потребовал объяснений.

– Мы решили, что Грановская получила яд в конфетах, как жертва, – сказал Ванзаров. – Но могло быть по-иному.

– Это как же?

– Конфеты могла приготовить сама Аврора. Для гостьи.

– То есть для Делье? – уточнил Аполлон Григорьевич.

– Именно. Она могла не до конца осознавать действие яда. Возможно, захотела подшутить. Но в праздничной суматохе забылась и съела конфету сама, а когда опомнилась – слегла и приказала горничной принести большой кувшин воды, чтобы очистить желудок. Помните, он разбит? Но горничная не смогла, потому что употребила две конфеты.

– Но в наборе ядов не было синильной кислоты.

– Логично: она использована. Пузырек выкинут в окошко. Мы же двор не обшаривали в поисках осколков.

– Только своему приставу не говорите, у него ум за разум заскочит. А что делать с шилом?

– Вот этого не знаю, – сказал, Ванзаров ставя бокал на ковер. – Кажется, я допустил две существенные ошибки.

– Да, и ладно. Если убийца сам себя наказал, что беспокоиться?

– Того, Аполлон Григорьевич, что у пристава может сильно прибавиться дел. Убийства на этом не закончатся. Доказать не могу, просто чувствую... Извините, пойду. Обещал к маменьке заехать, и вообще...

Довольно ловко вывернувшись из объятий русалок, окруживших его, словно тина днище баркаса, Ванзаров нацепил сюртук и покинул веселое заведение. Нинель, сидя в уголке, проводила красавчика печальным вздохом.

– Какой умница, – с уважением проговорил Лебедев, обнимая разгоряченный торс. – И все еще девственник... Ну, ничего, исправим. Что ж вы, барышни, такого мальчика упустили? А еще жрицы порока! Стыд и позор, а не куртизанки высшего разряда. Вот я вам сейчас...

Пока Родион добирался пешком до своей квартиры, обдумывая так и эдак парочку досадных промашек, а столица отдавалась сну, в заведении мадам Квашневской случился очередной загул безудержного разврата, до которого великий криминалист был страстный охотник, а нам нет никакого дела. Нехорошо подсматривать за чужими грехами, даже если очень хочется.

Вольты

«Для изучения езды без помощи рук надо выбрать, по возможности, ровное и гладкое пространство, и довольно сильно разогнать машину, когда ход получится большой и спокойный, можно несколько приподнять руки над рулем, стараясь, в то же время, сильно и ровно работать ногами. Руки должны быть готовы в любой момент схватить руль».

Там же.

Участок для пристава был домом в конкретном и практическом смысле. Савелий Игнатьевич жил не где-нибудь, а на третьем этаже участкового строения, занимая хоть и тесноватую, зато казенную квартиру. И по складу характера он предпочитал, чтоб все на службе было уютно, по-семейному. Утро пристав любил начать с крепкого завтрака, в котором яичница подавалась лишь для разгона аппетита, затем насладиться рюмочкой ликера, да и позволить чайник-другой чая. Свои привычки подполковник не менял никогда. Даже жара, опять подступавшая к измученному городу, не могла изменить ход вещей.

Пожелав своим чиновникам «доброго утречка» и отправив на посты городских, пристав поднялся в кабинет, где уже ждал обширный поднос с завтраком, накрытый заботливыми ручками Серафимы Ивановны, законной приставши. Ближайших посетителей следовало ожидать не ранее часа через два, а потому Савелий Игнатьевич изготавился придраться утреннему блаженству. Но счастью не суждено было случиться.

Успев повязать салфетку и поднести ложку ко рту, пристав был потревожен решительным стуком в дверь. Нехотя разрешил войти. И сразу пожалел о содеянном. В кабинет ворвалось истинное наказание, и неизвестно за что насланная мука, в лице коллежского секретаря Ванзарова. В столь ранний час юнец уже кипел энергией, был чисто выбрит, подтянут и возвышался зримым укором лениности начальника вообще.

– Чего вам, голубчик? – спросил пристав с кислой улыбкой.

На стол легли три одинаковых папки дел, заглавные титулы которых были исписаны далеко не образцовым подчерком. Аппетит и мирный покой навсегда покинули Савелия Игнатьевича.

– Это что такое? – бессильно пробормотал он.

– Разрешите доложить ваше высокоблагородие, – отрапортовал выскочка. – Мною заведены дела по совершенным преступлениям. Дело о предумышленном убийстве с отягчающими обстоятельствами госпожи Грановской Авроры Евгеньевны, дело об убийстве горничной Ипатьевой Зинаиды Ивановой, а также дело о насильственной смерти неизвестного господина на Невском проспекте. В связи с этим...

Неуместный доклад был прерван махом начальственной руки.

– Это что же такое? – только и смог вымолвить пристав, срывая

беспользную салфетку. – Что это, голубчик, я вас спрашиваю?

– Извольте видеть...

– Молчать! – рявкнул подполковник. – Вы что себе позволяете? Да понимаете ли вы, как я буду выглядеть на докладе у господина полицеймейстера нашего отделения? А очень даже приятно. Господин полковник спросят: «Все ли спокойно в центре столицы, господин пристав?». А что я отвечу? «Так точно, ваше высокоблагородие, все покойно, за прошлый день – три убийства». Три! Это за полгода столько не бывает во всей столице, а тут Казанская часть отличилась, понимаете, вы или нет? Вот что наделали, милостивый государь... Сидели бы у себя в департаменте, и не мешали работать. Боже мой, что же теперь делать?

– Позвольте, господин подполковник, – сдерживая обиду, сказал Ванзаров. – В чем моя вина? Произошло три преступления, я завел дела. И теперь...

– Голубчик! – Желудь молитвенно сложил руки. – Да кто же вас просил дела-то заводить? Ну, отравились барышни, так и земля им пухом. Бумагам-то зачем ход давать?

– Но как же...

– Да вот так, голубчик. Я же просил вас: тише, без самовольства. А вы что наделали?

– Исполнял свой служебный долг.

Пристав даже плюнул в сердцах. Нет, с этим толку не будет, надо избавляться от мальчишки, пока дров не наломал. Честный и исполнительный – что может быть хуже для полицейской службы. Ни тонкости, ни дипломатии, ни понимания в нем нет. Идет, как таран. И откуда такие шустрые берутся?

Много разнообразно-горьких мыслей пронеслось в голове, но внезапно Желудь вспомнил, что несчастье это попало в его участок не просто так. Не зря ведь начальник сыска, господин Воцинин – человек мудрый и проницательный, не оставил у себя, а уговорил приютить. Возможно, за таким глупейшим поведением кроется хитрый расчет высокого начальства: проверить, насколько пристав блюдет закон, а затем сделать строгие выводы, чтобы другим неповадно было. А вдруг мальчишка не так глуп, как кажется? Вдруг это все тонкая игра, чтобы сделать из пристава козла отпущения и лишить заслуженной пенсии?

Прикинув вновь открывшиеся резоны, Савелий Игнатьевич счел нужным резко поменять тон, и выудить добрейшую улыбку:

– Молодец, Родион Георгиевич, не спасовали!

Ванзаров терпеливо ждал, что еще придумает пристав.

– Выдержал проверку, не испугался! Еще раз – молодец. Так и должен вести себя чиновник полиции: закон для нас – святое. Для того и поставлены. Так, что не обижайтесь на мое распекание, голубчик, это необходимая процедура.

Не поверив ни единому слову Желудя, Родион выказал полную покорность любому начальственному самодурству.

– Благодарю за службу, голубчик. Теперь у вас забот – невпроворот: три дела закрыть нужно. Справитесь? Ну, я в вас верю. Идите, голубчик, не задерживаю.

– Позвольте доложить...

– Что-то еще? – борясь с улыбкой, спросил пристав.

– Считаю, что убийства женщин и неизвестного господина имеют между собой связь, – сказал Ванзаров, примечая, какие чувства прорываются на лицо пристава. – Для этого есть веские основания. Они изложены мною в докладной записке, которую изволите видеть. Для того чтобы скорейшим образом завершить розыск по этим делам, прошу выделить филерское наблюдение...

Савелий Игнатьевич пришел к неоспоримому выводу: точно, юнец подослан. Виданное ли дело – просить филеров. Да это ведь какие траты по участку! Средства потребуется немалые. А откуда им взяться, когда супруга по весне дачку в Белоострове прикупила, что по ведомости провели, как «затраты на осведомителей». Весь участок потом месяц фальшивые донесения сочинял.

Изобразив напряженную работу мысли, Желудь, наконец, изрек:

– Сожалею, голубчик, но это невозможно.

– Почему? – нагло спросил Родион.

– Весной в участке были крупные затраты на агентурную работу, так что в этом году бюджет исчерпан. Мы же не жандармы, которые берут, что требуют. Уж извините, бессилён.

– Значит, филеров нельзя выделить?

– Никак не возможно... Ступайте, Родион Георгиевич, жду от вас скорейшего завершения дел, чиновнику для особых поручений в таком вопросе оплошать никак нельзя. Имейте это в виду, – сказал пристав, возвращая дела.

– Могу я целиком заниматься только этими делами?

– Все, что пожелаете, голубчик. Это – главное. А уж мелочь мы сами подчистим.

Родион отвесил сдержанный поклон и, разбрызгивая искры возмущения, отправился к своему рабочему столу, затиснутому в самый

угол, к окну. Юный чиновник не мог понять: как это в полиции нет средств на филеров. Как же тогда раскрывать преступления? Не самому же дежурить в засаде. Да и не обучен тонкому искусству следить в выслеживать. Но спорить с приставом бесполезно. Ванзаров прекрасно понял, что Желудь из вредности ничего не даст. Даже если мог бы.

А между тем, в приемном отделении чиновники Матько и Кручинский уже занимались важнейшим делом, а именно: составляли протокол на пойманного без паспорта чухонского крестьянина Салоннена. Мужик, приехавший в столицу на заработки, был задержан бдительным городовым за попытку здороваться с каждым встречным, и доставлен в участок.

Матько подмигнул коллежскому секретарю:

– Сколько у нас не закрыто?

– Две кражи и одни разбой, – ответил Кручинский.

– Порадуем господина пристава?

Чиновники принялись задавать вопросы мужику, ни слова не понимавшему по-русски, но ответы записывали утвердительные. Не прошло и пяти минут, как опасный злоумышленник Салоннен сознался во всем, что спрашивали. Чрезвычайно довольный таким скорым следствием Матько, закончил расписывать признание, повернул лист к мужику и сунул чернильную ручку:

– Подпиши! – как глухому крикнул он.

Добродушный Салоннен понял, что хорошие господа заботятся о нем, и вот уже написали прошение об устройстве его на работу. Надо их будет табаком угостить. Какие добрые люди живут в столице, зря односельчане пугали. Законопослушный крестьянин уже занес перо, чтобы подписать себе пять лет каторги, как вдруг его толкнули. Молодой человек прилично одетый, невежливо вырвал перо, разорвал прошение, да так, что клочки засыпали пол, подхватил за локоть и выволок крестьянина за порог. Салоннен очень расстроился: надо же, в солидном учреждении работают такие грубияны. Вздыхнув, он нацепил картуз и отправился к Сенному рынку, приветливо манившему подводами с товаром.

А грубый чиновник, вернувшись к добрым коллегам, саданул кулаком по загородке и злобно спросил:

– Как смеете?!

– Да что же? – изобразил невинность Матько. – Ему все равно, а с участка дела бы списали.

– Мы – полиция, а не палачи! – с жаром возразил Ванзаров. – Может, пытками да розгами не побрезгуете? Мы поставлены защищать слабых, а не губить их ни за что ни про что. Если невиновных обречь будете, как же

потом закон защищать? Стыдно, господа.

Проповедь пропала даром. Матько с Кречинским переглянулись, сошлись во мнении, что юнец совсем безнадежен, поставили на нем жирный крест и застрочили перьями в гущу бумаг.

Кипя ярым бешенством, Родион схватил циркуль, линейку, верстовую карту города и стал что-то вымерять и подсчитывать. Кропотливое занятие успокоило бурление крови, он совершенно пришел в себя. А два телефонирования придали уверенность, что на верном пути. Не говоря никому ни слова, Родион покинул участок.

Юноша Пырьев местом своим дорожил. Не каждому в восемнадцать лет посчастливиться трудиться личным секретарем в конторе знаменитого адвоката. А потому старался услужить, как мог. И с раннего утра уже восседал за конторкой. Господин Грановский хоть и прибыл в обычный час, но был мрачнее тучи, от чего на душе Пырьева заскреблись черные кошки с огромными черными когтями. Юноша трепетно спросил, не желает ли чего Антон Сергеевич, не нужно ли бумаги или справки какие подготовить, или просто чаек поставить, а может, и рюмочку. Но благодетель был явно не в духе, прикрикнул на секретаря, приказав его не беспокоить.

Пырьев намеревался строго выполнять указание, заворачивая всех посетителей. Но около половины десятого в приемную заявился молодой человек, который сразу не понравился Пырьеву. Во-первых, одет не по моде, даже бутоньерки в петлице нет, во-вторых... Далее верный секретарь не придумал, ну, не понравился визитер, и все тут.

Гость, нагло заложив руки за спину, потребовал, именно так, а не иначе, сообщить, что прибыл Ванзаров.

Сдержанным и благовоспитанным тоном секретарь только попытался объяснить, что господин адвокат не принимает, но тут ему предъявили аргумент, пред которым он был бессилён. Труся и переживая, Пырьев постучал в кабинет и доложил, что явилась сыскная полиция и... Распахнулась дверь, а затем плотно захлопнулась перед носом оторопевшего мальчишки.

– Плохо выглядите, не спали? – вместо приветствия, сказал Ванзаров, позволив себе сесть без приглашения. – Появились мысли, кто мог убить вашу жену и горничную?

Грановский усталым голосом напомнил, что допрос подозреваемого должен проводиться по форме, в присутствии адвоката и прочих формальностей. Так что следует оставить его в покое или вызвать, как полагается.

– У меня для вас хорошая новость, – пропустив мимо ушей законное требование, сообщил чиновник полиции. – Я готов снять с вас подозрение в убийстве, если честно ответите на один вопрос. Кстати, это не допрос, а выяснение вновь открывшихся обстоятельств со свидетелем. А свидетелю адвокат не нужен. Ведь так?

– Что вы хотите? – сдался Антон Сергеевич, вынул серебряную

коробочку с вензелем «А.Г.» и кинул в рот монпансье.

– Отвыкаете от курения? О, я тоже через это прошел, сосал всякую гадость...

– Умоляю, спрашивайте поскорее и закончим, мне еще надо к заседанию подготовиться.

– Не беспокойтесь, всего один вопрос: почему вы пришли на обед, который никто и не думал готовить?

Грановский покрутил языком конфетку, отчего под щеками пробежал мячик языка, и сказал:

– В последнее время наши отношения с Авророй стали несколько натянутыми. Откровенно говоря, мы почти не общались. У каждого была своя жизнь. Ломать что-то нельзя, у нас двое детей, и они не должны страдать из-за сложностей родителей. Да и моей карьере развод не на пользу. Мы условились сохранять внешние приличия, и вести себя дружески. Не мешая и не принуждая другого к чему-то большему. Но вчера около полудня мне доставили записку, в которой неизвестный доброжелатель сообщал, что Аврора с горничной пакует чемоданы, чтобы бежать за границу. Как вы понимаете, я не поверил в такую чушь: к счастью, у нас в империи жена своего паспорта не имеет и вписана в паспорт мужа. Но, на всякий случай, телефонировал домой. Никто не ответил. Мне стало любопытно, что происходит, и я приехал.

– Можно взглянуть на записку? – спросил Ванзаров.

Антон Сергеевич указал кучку пепла в хрустальной пепельнице:

– Я счел это глупым розыгрышем, возможно, сочиненным самой Авророй. Она любила такие невинные забавы.

– У вас поистине адвокатское спокойствие.

– Нет, просто почерк был женский. Я не криминалист, но отличить могу. Записку доставил посыльный, секретарь говорил про какого-то мальчишку, которого никогда не видел прежде. Можете у него уточнить. Теперь я чист перед законом?

Кто-то выманил Грановского домой, причем был уверен, что там он найдет труп или полицию. Для чего? Ванзаров выудил готовую версию, примерил к ней новое обстоятельство и ничего не понял. Если история не выдумана самим адвокатом, смысла в ней не было.

– Вас не мучает жажда мести убийцы или справедливости? – спросил Ванзаров.

Грановский даже бровью не повел:

– Станный вопрос адвокату.

– Я просто хочу понять: вам безразлично, кто убил вашу жену?

- Нет. Но теперь уже ничего не исправишь. Не смею вас задерживать...
- Вы не допускаете, что Аврора сама попала в ловушку?

Простая мысль, кажется, задела Грановского, он попросил объясниться.

– Дело в том, что отравленные конфеты вполне могли быть приготовлены именно вашей женой, – сказал Родион, наблюдая за собеседником. – Для кого-то из визитеров. Возможно, она хотела пошутить, подсыпав слабительный порошок, и наблюдать, как человек будет корчиться от боли, но перепутала с ядом. И самое главное, забывшись, съела сама. А уж горничная попала в эту сеть и вовсе случайно.

Грановский кинул в рот еще конфетку и спокойно заметил:

– Исключено. Вы не знаете характер Авроры. Если бы она задумала такую хитрость, уверяю вас, конфеты дошли бы по назначению.

– Значит, не исключаете, что ее мог убить любовник?

– Зачем?

– Вот это я и хочу узнать.

– В этом нет никакого смысла. Раз уж такое дело, признаюсь: да, я знаю, что у жены есть любовник. Это очевидно, но кто он – меня совершенно не интересовало. С моей стороны не было никаких действий, чтобы мешать им. Поэтому ваша теория «так не достанься же ты никому», – беспомощна.

– Именно так я и думаю, – сказа Родион.

– А зачем ахинею городить?

– Чтобы окончательно убедиться: любовник здесь ни при чем. Это была моя ошибочная теория. Здесь что-то другое. И я подозреваю, кто.

Антон Сергеевич клюнул и проявил интерес. Предложив конфетку чиновнику полиции, он спросил:

– Это не является информацией для разглашения в ходе следствия?

– Конечно, нет. Прямых фактов явно не достаточно, а логические заключения – шатки. Всего лишь версия.

– Буду крайне признателен...

– С удовольствием. Вот скажите: разрыв с супругой и все ее странности начались после визитов к доктору Карсавину?

– Ну, что вы! – Грановский ясно показал, что и мысли такой не допускает. – До этого Аврора пребывала в глухой апатии, могла целый день сидеть, уставившись в окно. Доктор сотворил чудо: она снова стала нормальным человеком. Теперь ваша очередь откровенности.

Ванзаров добродушно улыбнулся:

– Госпожу Грановскую могла убить женщина, которую не устраивал ее роман. Любовник вашей супруги, пардон, – или муж, или возлюбленный

убийцы. Тогда во всех событиях, включая вашу записку, поворачивается логика. Аврора прекрасно знала убийцу, если не была с ней дружна. Это ведь удобно: иметь в подругах жену своего любовника. Жаль, только карточки не оставила. Но я полагаю, знаете, о ком речь.

На какие-то мгновения адвокат потерял дар произносить зажигательные речи, конфетка застряла между зубов, но, придя в себя, он холодно сказал:

– Возмутительная чушь.

На нечто подобное Родион и рассчитывал.

– Тогда остается только оскорбленный муж вашей любовницы, – сказал он.

– Немыслимая глупость.

– И я так думаю.

Грановский уже собрался излить возмущенную тираду, но, придержав пыл, присмотрелся к полноватому юноше, сидевшему напротив него с изумительно безобидным выражением лица, и вдруг сказал:

– А вы не так просты, как кажется, Родион Георгиевич. Подкупаете наивностью молодости, а сами уже кандалы куετε... О, да вы опасный, нет – умный человек... Я как раз искал такого дельного специалиста. Не желаете оставить казенную службу с нищим заработком и поступить ко мне? Работа для вас знакомая, а жалованье – не сравнить. Подумайте, не тороплю.

Игра закончилась. Мышь, почуяв беду, нырнула в норку. Поблагодарив за столь лестное предложение, Ванзаров уже поднялся, как вдруг вынул снимки.

– Взгляните, может, видели?

Портрет в парике не вызвал никаких эмоций, Грановский равнодушно вернул картонку. Но появление трупа без парика было встречено напряженным разглядыванием.

– Да ведь это Паша Хомяков... – оторопело проговорил адвокат. – Позвольте, да ведь это криминалистический снимок... Боже мой! Какое несчастье! Когда? Бедный Паша...

О гибели приятеля Антон Сергеевич сокрушался куда больше, чем над кончиной жены. Вернувшись на место, Ванзаров сказал:

– Мне нужна вся информация о нем. Пожалуйста, не запирайтесь. Его смерть, возможно, связана с убийством вашей жены.

– Да, что тут скрывать. Паша – мой давний приятель, мы с ним в одном клубе «Велосипед», бывает у нас в доме, с детьми так мило играл, с Авророй шутил... Какая трагедия. Когда это случилось?

– Вчера около полудня.
– Попал под конку?
– В сердце воткнули острый предмет. Он куда-то шел со шляпной коробкой, в которой была крыса. Не знаете, что это могло значить?

Грановский сокрушенно покачал головой:

– Какая потеря для клуба, он был отличный гонщик... Но зачем его убили? Это был самый добрый, простодушный и доброжелательный человек, какого я встречал в жизни. У него просто не было и не могло быть врагов... Чудовищно... Позвольте, но почему мне ничего не сообщила Анечка?

Мысленно приложив инициалы на карточке, Ванзаров уверенно сказал:

– Она не знала. Тело доставили с Невского без документов. Где он служит?

– В городской Думе по дорожным подрядам... Прошу меня извинить, мне надо побыть одному, – сказал совсем подавленный Антон Сергеевич.

Чиновник полиции уже направился к выходу, как вдруг Грановский сказал:

– А ведь это все было предсказано... Не верь после этого...

– Кем? – быстро спросил Ванзаров.

– Госпожа Гильотон в трансе сказала, что у меня погибнут... Впрочем, это не важно...

– Она не сказала, кто еще и когда погибнет?

Но Грановский только отмахнулся.

– Через час, не более мы прибудем к госпоже Хомяковой, чтобы сообщить печальное известие, – официально сообщил чиновник полиции. – Но до этого, прошу вас, ее не беспокоить. И если она что-то узнает, я знаю, кого винить.

Ванзаров стремительно покинул адвокатскую контору. Его гнал охотничий азарт сыщика: дело, темное и запутанное, при помощи крохотной детали обрело ясные очертания. Логичные и доказуемые. Оставалось только прижать убийцу неопровержимыми доводами.

Мрачный вид старшего городского Семенова скрывал по-своему нежную душу. Щедро получив от природы великанский рост, он давно привык, что люди боятся одного его вида. И кто бы знал, что это неохватный детина застенчиво оробел перед хрупкой женщиной. Легкое поручение «доставить в участок для допроса» вызвало в городовой бурю эмоций. Никогда не выпадало ему счастье так близко соседствовать с такой красотой, все более с мерзкими рожами извозчиков да нищих. Барышня в светлом туалете с зелеными полосами, с бантиками там и сям, да еще и в соломенной шляпке, украшенной яркими цветочками, покорно сидела в дрожках, понурился головку, и только прикрывалась прозрачным зонтиком от палящего солнца. Семенов хоть и не был образован, но ощущал что-то вроде угрызений, что испытал шотландский лорд, который вел Марию Стюарт на плаху. Она не проронила ни слова, но случись ей попросить жалостливым голоском: «Отпусти меня с миром, старший городской», Семенов наплевал бы на долг. Вот какие чудеса творят модные наряды хорошеньких женщин.

Пролетка доковыляла до участка, старший городской протянул натруженную лапищу, чтобы помочь сойти, и ощутил нежнейшее прикосновение, от которого продрало морозом. В комнату для допросов он доплелся раскисшим и покорным рабом. Но более всего Семенова обозлило, что это невинное, сразу видно, создание смеет мучить расспросами даже не чиновник участка, а так – одно название, сопливый мальчишка, пришлый прыщ, которого и прибить-то одной левой. Старший городской наградил закрытую дверь допросной комнаты мрачным взглядом и поплелся в роту заливать грусть графином воды.

А юный прыщ, между тем, предложил даме стул, распахнул пошире окно, чтоб ветерок обдувал, и выразил искреннюю симпатию. Но дама ее не приняла, а неприязненным тоном спросила:

- Очень приятно позорить нас?
- Да о чем вы, Екатерина Павловна, – изобразил удивление сопливый мальчишка.
- Обязательно надо было посылать городского за женой дипломата?
- Ну, раз вы сами не явились, в условленный час...
- Прошу вас, Ванзаров, хватит иезуитских уловок, составьте протокол и закончим на этом, – госпожа Делье, наконец, соизволили закрыть зонтик,

прикрывавший ее, словно щит.

Не споря, Ванзаров развернул карту города и сказал:

– Вот какая странность обнаружилась. От дома Грановской до нашего участка даже медленным шагом – минут двадцать. А до вашего дома – не более десяти. Не кажется это странным?

Екатерина Павловна не удостоила ответом.

– И вот что непонятно, – продолжил Родион, словно не обратив внимания, – зачем это прекрасной даме, да еще по жаре, тащиться так далеко – в участок, чтобы телефонировать подруге, когда дома преспокойно имеет телефонный аппарат?

– Я же сказала: испугалась.

– Понимаю. Но что происходит дальше? – карта была аккуратно свернута в трубочку. – Госпожа Делье устраивает истерику, тащит за собой чиновника сысской полиции и городских на квартиру подруги. Где благополучно обнаруживается два трупа. Зачем такая забота, хочется спросить?

– О, господи! – печально выдохнула Делье. – Вам бы, юноша, опыта набраться, а потом уже в полиции служить. Хорош защитник закона, нечего сказать... Ну, ничего...

– Так позвольте мне, серому, у вас опыта набраться, – сказал Ванзаров без тени шутки. – Позвольте научиться, как создавать себе алиби.

– Что вы такое говорите?

– Все исключительно просто. Около полудня госпожа Делье приходит поздравить госпожу Грановскую с именинами и приносит в подарок коробку ее любимых конфет. Дамы мило беседуют, Аврора под разговор съедает конфетку-другую. Добрая госпожа Делье угощает и славную горничную. Грановской становится дурно. Делье быстро откланивается, чтобы дверь горничная успела запереть, и неторопливо идет в участок. Там она телефонирует и проверяет: все мертвы. Можно поднимать тревогу. Свидетелей нет, дворник дома сам поддыхает от жары, и ничего не помнит. А чтоб все выглядело натурально, заготовлен другой подарок – для отвода глаз: дневничок. Только вот не учли, что другой уже был подарен ранним визитером, точнее, мадам Хомяковой. Ни за что не поверю, чтобы дамы не условились, кто что дарит имениннице. Хотя это – логический вывод, а не улика. Ну, как?

Жена перспективного дипломата внимательно смотрела в лицо сыщику:

– Одного не пойму: для чего весь этот цирк? Что вы от меня хотите?

– Вы правы, – сказал Родион. – Прямых улик маловато. Присяжные

могут быть очарованы вашей красотой и не поверят логике. Но пока пойдет следствие, мы поищем. И чего-нибудь найдем. Я не рассчитываю на пузырек от синильной кислоты у вас в доме, наверняка, спит на дне Фонтанки. Будет трудно, но я обещаю справиться. Ну, а пока прокурор подпишет санкцию на арест и вас переведут в крепость, где пребывают убийцы, посидите за решеткой тут, в участке. Мужу будет удобно передачи носить.

Ванзаров был горд проведенной атакой. Но жертва, вернее – убийца, которая должна была гневно возмущаться и бунтовать, все более слабея, и клонясь к неизбежному раскаянию с чистосердечным признанием, повела себя странно. Екатерина мило улыбнулась, и спросила:

– Признайтесь, вы шутите?

– Подпишите протокол допроса? – держась за остатки уверенности, спросил Родион.

– Какого допроса? Вы нагородили всякой чуши, а я должна с этим согласиться? – хорошенькая женщина начала закипать. – Согласиться с тем, что я убила лучшую подругу отравленными конфетами? У вас буйная фантазия, господин Ванзаров.

– Не хотите по-хорошему? Можно и по-другому, – Родион с решительным видом поднял лист бумаги, исписанный мелкими закорючками. – Ваша девичья фамилия Бравинская? Не отпирайтесь.

– И не подумаю, – сказала Делье. – Все сведения о родственниках дипломатов собраны в МИДе, вот, еще тайна. Наверняка телефонировали брату?

Юный сыщик не готов был к отпору, но, вытолкав из души растерянность, продолжил:

– До замужества вы успели закончить Бестужевские курсы и получить аттестат медицинской сестры. Знаете анатомию и как обращаться с хирургическим инструментом. У вас сильная и меткая рука врача.

Родиона наградили обидным смешком. Кажется, подозреваемая совсем не робела. Он продолжил натиск:

– Вчера вы соврали мне, что не узнали на фото господина Хомякова.

– Да, соврала. По какой статье меня за это осудят?.. Вот и молчите, юноша... А соврала, чтобы вы не лезли с дурацкими расспросами, мне было не до них. Это все?

– Разумеется, нет. Вы пытались убедить меня, что вам угрожает опасность. И даже предъявили таинственное послание. Я считаю, это – ложь. Вы сами изготовили три подобных бумажки. Первую подсунули в коробку конфет Грановской. Третью показали мне, чтобы убедить в своей

невинности, а вторую – куда дели?

– Даже и не знаю, – со смехом ответила Делье.

– Вложили в нагрудный карман убитого вами Павла Хомякова!

Удар достиг цели. Екатерина Павловна часто заморгала и тихо спросила:

– Паша погиб?

– Дайте мне левую руку! – потребовал Ванзаров.

Дама протянула. На ощупь она была довольно слабой, но это не остановило сыщика:

– Вот этой самой рукой всадили шило в его сердце! О, это было хитро спланировано. Как сделать незаметной на улице красивую женщину? Ответ прост – переодеть мужчиной. Тогда и рукав нужный появится. Думаю, использовали платье мужа, вы и ростом с ним схожи. Конечно! Быстро переоделись, подкараулили Хомякова, спрятали шило в рукаве, подошли и ударили в самое сердце!

Произнеся вслух яростную тираду, Родион услышал сам себя и понял: совершена нелепая и глупейшая ошибка. Как же Делье смогла бы подкарауливать Павла на Невском проспекте? Для этого его пришлось бы выслеживать, филерить. При этом в жарком мужском костюме. Решительно невозможно.

– Если бы вы были чуть умнее, – тихо сказала жена дипломата, – то узнали, что после перелома у меня левая рука неправильно срослась, пальцы почти не двигаются. Это вам подтвердят доктора. Можете сами пощупать...

Родион не придумал ничего лучшего, как потрогать. Пальцы были тонки и холодны. Таким не то, что удар, цветок не удержать. Он мысленно обернулся на гору ерунды и глупости, которую нагородил, и на всю жизнь усвоил урок: поспешная логика – значительно хуже глупости. Она приводит к непоправимым ошибкам. Делье не могла убить Пашу физически. А раз так, то и записка в нагрудном кармане – не ее рук дело. И записка в коробке конфет – не она. Незыблемая конструкция версии рухнула карточным домиком. И погребла под развалинами Родиона. Он сам нанес себе оглушительное поражение. Все надо начинать сначала. Но перед этим как-то выкрутиться из нелепого положения.

– Что же касается дневника, то Аврора сама попросила такой подарок... И ни с кем я не стоваривалась...

Из сумочки появился фуляровый платочек, который утер набежавшие слезинки.

Ванзарову захотелось упасть на колени и просить прощения, но вместо

этого сурово насупился и спросил:

– Это вы отправили записку Грановскому?

– Какую... еще... записку... – сквозь всхлипы спросило очарование. – Мало вам фантазий? Все не хотите увидеть простую истину: мне угрожает нешуточная опасность... Вот и Пашеньку, славного, убили. Неужели вам мало?

– Хомяков нес куда-то крысу в шляпной коробке. Но почему она бросилась именно на вас? – в последней отчаянной попытке спастись, вознесся голос юного сыщика.

На него обратили заплаканные карие глаза:

– Господи! Да откуда я знаю... Какой вы жестокий...

– Что вы делали вчера утром?

– Я была с любовником! – крикнула Делье. – Он подвез меня около половины первого к дому Авроры. Довольны? Но имя его я вам не назову, он женатый человек и не переживет скандал. Пожалейте хотя бы его и моих детей, они ни в чем не виноваты.

По правде говоря, Родион держался из последних сил. Вид плачущей дамы, приятной во всех отношениях, был непосильным испытанием для стального сердца сыщика. И все же он спросил:

– Кто мог знать, что у вас заказана шляпка в «Смерть...», то есть, у Живанши?

– Наверное, весь салон... Отпустите меня домой. Мне дурно...

– Да, конечно, только подскажите, кому принадлежит эта... – пролепетал Ванзаров, лихорадочно обшаривая стол, в поисках карточек, которые не вовремя запропались. Все же удача смилостивилась. «Твоя М.Г.» нашлась.

Взглянув на нее, Делье ответила сразу:

– Мадам Гильотон...

– В таком случае могу отпустить вас, – весомо сообщил Родион, внутри сгорая от стыда. – Но имейте в виду, подозрения с вас не сняты, считайте, что находитесь под домашним арестом. За вами круглосуточно будут следить филеры... Так что не вздумайте...

Пошатнувшись, дама поднялась с неудобного полицейского стула.

– Благодарю вас, – сказала она слабым голосом.

Забыв про остатки важности, Ванзаров кинулся доставать полицейскую пролетку, принадлежащую участку. Даже все тяготы неудачного допроса не помешали ему заметить в сумке расстроенной дамы крохотное зеркальце в золотой оправе, с помощью которого можно взглянуть на себя.

Аполлон Григорьевич и сам не знал, почему ему вдруг захотелось бросить все и заняться делом, не совсем по чину великого криминалиста. Захватив фотографии трупа, он отправился по известным клубам велосипедистов, которых насчитывалось уже четыре. Самое крупное – «Общество любителей велосипедной езды» оказалось в такую жару пустынным. Один лишь разморенный швейцар. Страж врат взглянул на странный снимок, обмахнулся фуражкой и заявил, что такого господина не припомнит.

В спортивном клубе «Петербургский гонщик» картина печально напоминала предыдущую. Одинокий буфетчик умаянный жарой не смог узнать в трупе члена их клуба.

Велосипедное общество «Циклодром» встретило Лебедева амбарным замком. То ли все отправились в Стрельну, то ли разъехались по дачам.

Уже не надеясь, Аполлон Григорьевич заехал в клуб «Велосипед». К приятному удивлению два любителя езды на чистом воздухе занимались важным и полезным делом: пытались насадить цепь. В результате чего измазали белые сорочки до полного неприличия. Но, отерев носы и взглянув на снимок, бурно обрадовались портрету замечательного приятеля и отличного гонщика. И даже сказали, что найти его в этот час можно в велосипедной мастерской Михаила Нечайкина, что в Коломне за Никольским рынком.

Усадив госпожу Делье и на прощание помахав удалявшейся пролетке, Родион Ванзаров бежал от участка. Ему казалось, что каждый взгляд, каждая усмешка служит немым укором. Даже задержанные голодранцы, словно подсмеивались и хотели сказать: «Да ты, милоч, обмишурился!». Родин не мог прямо смотреть на братьев-чиновников, деловито шуршавших в своих делах, на городского Семенова, кинувшего в юношу взгляд, каким волк не награждал ягненка, да и на прочих обитателей полицейского дома. Душу его настигло страшное сомнение: а вдруг, на самом деле, он не великий сыщик, а самый заурядный чиновник, в меру умный, но не более? Как тогда жить? Быть серый служакой Родион ни за что бы не согласился. Лучше вернуться в университет, гнить за книгами, чем оказаться рядовой посредственностью.

Он бездумно брел по Садовой. А над улицей поднималось облако чернее ночи, и юному сыщику казалось, что с гарью развеялись его мечты.

Виновником столь мрачной картины в солнечный день было Министерство финансов, что располагалось поблизости. Его мудрые чиновники регулярно сжигали старые и ветхие купюры в печи прямо во дворе министерства. От рукотворных пожаров и черных облаков, прежде всего, страдали купцы Апраксина двора. Они жаловались в думу и даже градоначальнику, писали в газеты, но все было без толку: деньги жгли посреди бела дня, когда вздумается. Как раз на такое рядовое происшествие и попал удрученный Ванзаров. А много ли надо впечатлительному юноше, чтобы вообразить Бог весть что.

– Ага, попался! – раздался голос с небес.

Не надеясь на вмешательство провидения, Родион поднял глубоко опечаленное лицо.

– Да что с вами, Ванзаров! – закричал Лебедев, прыгая с пролетки. – То кипит весельем, то мрачнее тучи. Влюбился, что ли?

Надо заметить, что в этот час криминалист выглядел превосходно. Новая сорочка, отутюженные брюки и даже свежая бутоньерка, на этот раз – из васильков, как глаза той, что... Ну, об это сейчас не время.

– Все пропало, Аполлон Григорьевич, – павшим голосом сказал Родион.

– Прямо так и все? Не распускайте нюни, вы же чиновник сыскной полиции, а не беременная девица. Рассказывайте, что случилось.

– Моя версия лопнула...

– Ах, ты... – и тут криминалист ввернул такое крепкое словцо, что и извозчики бы смутились. – Да, мало ли всяких версий может лопнуть. Нашли, о чем переживать. Наплевать и забыть.

– Это не просто версия, логическая цепочка оказалась неверна...

– Вот как? Ну, что ж, тогда дело плохо. Советую застрелиться, револьвер вам пристав с удовольствием одолжит. А ежели лень, так идите и утопитесь, вон, Екатерининский канал недалече. Ну а передумаете – у меня для вас сюрприз. Я узнал, как зовут наш безвестный труп.

– Павел Николаевич Хомяков, чиновник городской Думы, член клуба «Велосипедист», – равнодушно сказал Ванзаров.

От удивления Лебедев даже присвистнул.

– И такой талант слезы распускает?

– Рассудите, где я ошибся, – сказал Родион, становясь в позу. – Известно, что Хомяков вчера был с визитом у Грановской. Затем он бежит куда-то, наверняка не домой, для чего-то устраивает маскарад, берет где-то коробку с крысой, идет куда-то, но получает шило в сердце. Снимок с его физиономией не узнает госпожа Делье, хотя знает его несколько лет. У него в пиджаке и в отравленных конфетах обнаружены одинаковые «метки». Этой же бумажкой Делье пытается убедить меня, что ей угрожают убийством. Какой можно сделать вывод?

– Не знаю, – честно признался криминалист.

– Она и есть убийца.

– Я бы так не рискнул, – сказал Лебедев, вынимая сигарку. Заметив это, стая пташек с диким карканьем перелетела от греха подальше.

– Почему? – спросил Ванзаров.

– Убить даже одного человека – далеко не просто психологически, нервишки будут пошаливать. Помните, как Раскольников трясло? Господин Достоевский, конечно, плохо сочинил, то есть ничего не придумал. Как бы мы ни смеялись над моралью, но ее цепи держат крепко. Для убийства надо готовиться душевно. Особенно первого. Недаром опытные душегубы предпочитают действовать однообразно. Поэтому два типа убийства в один день – что ни говорите, а это сверх возможностей. В моей практике такого героя не встречал. А теперь скажите: подходите госпожа Делье на тип лихого душегуба, что и шило воткнет, и конфеты отравит, да еще и в полиции спектакль невинности разыграет?

Солнце стояло высоко, но Родиона озарило, словно звезданули колотушкой по затылку, о чем он немедленно доложил вслух:

– У нее был сообщник!

– Это самый просто вывод, – подтвердил Аполлон Григорьевич. – Но доказать его будет куда труднее. И позвольте один совет: логика – вещь замечательная, но жизнь куда мудрее.

Кровь быстрее побежал по венам, взгляд стал осмысленный, а барометр настроения уверенно показал «ясно». Ванзаров ожил: логика была верна, просто ей не хватило важного звена. Никуда госпожа Делье не денется. В другой раз подготовится основательно.

– Может, заглянем к приятелю Хомякова? – скромно предложил Лебедев. Уж больно не хотелось ему, чтобы труды дня пропали напрасно.

Юный сыщик с благодарностью принял дар.

Над сараем, размером с ангар для скромного парохода, красовалась гордая вывеска «М. Нечайкин, велосипеды, запчасти, ремонт, чистка и смазка». Для особо неграмотных с обеих концов фанеры подрисовали сооружения на двух колесах, в которых богатая фантазия могла угадать велосипеды. Амбарную дверь гостеприимно распахнули настежь. Из недр мастерской пахло чем-то керосинным. Ноздри чиновника полиции невольно ожили.

– Учуяли что-то? – спросил Лебедев, подтвердив смутное подозрение, что лишен обоняния начисто.

– Машинным маслом, вроде, – сказал Родион.

– Олеонафт! – криминалист расплылся в улыбке так, словно его ожидал нетронутый гарем.

На пороге объявился человек в расстегнутой рубашке и штанах, настолько грязных и заляпанных, что не родилось еще прачки, которая бы решилась взяться их отстирать. Руки, не переставая, терли кусок ветоши, не более чистый, чем костюм. Мастер и повелитель велосипедов отличался располагающим лицом, удивительно чистой улыбкой и белобрысыми ресницами. Ванзаров уже собрался выяснить обстоятельства, но Лебедев незаметно одернул его, шепнув, что тут подход нужен особый. Шагнув вперед, он сказал:

– Мы тут с другом поспорили у кого калоша лучше: у «Вангварда» или «Элсвика»?

Отшвырнув несчастную ветошь, механик подступил и начал с жаром доказывать, что обе эти марки хороши, но вот «Рудж» или «Реллей» – это вещь.

Дальнейшая беседа прошла для Родиона, как в тумане. Двое взрослых мужчин принялись спорить о том, какая рама лучше – классическая Гумберта, иначе называемая «Даймонд», или «Квадрант», затем разгорячились о прочности труб, какие прочнее: тянутых холодным

способом или по немецкой системе Манесмана. Затем обсудили, какие велосипеды лучше для русских дорог. Американские были отвернуты сразу по причине непрочности их деревянных ободов, австрийские – обсмеяны, немецкие презрительно названы «рухлядью», отечественные – смешаны с грязью, а вот английские признаны безупречными. Далее спорщики сошлись, что лучше седла Брукса ничего не изобретено, а также, что захват для ботинка на педали лучше делать крючком. Но камнем преткновения стали шины, механик считал, что двухтрубные несскользящие «Денлоп-Велш» – предел совершенства, а криминалист бился за пневматические однотрубные. Что-то еще говорили про обод Виствуда, но Родион отключился, слова превратились в однообразный гул.

Он снова уловил смысл, когда беседа коснулась абстрактных тем. Лебедев восхищался сеансом кинематографа, проведенном в Париже в мае, уверяя, что синематограф Люмьеров убьет мютоскоп Германа Каслера и даже кинетограф самого Эдисона. В ответ механик стал восторгаться международной выставкой автомобилей, на которой было представлено уже девять производителей, только подумать! Затем вспомнили недавний полет шара «Самоед» команды воздухоплавательного парка под командой поручика Семковского от Павловска до Шлиссельбурга и решили, что за полетами – будущее. После чего пришла очередь обсудить испытание спасательного пояса Розенблана, и саму идею выделять химическим способом газ в резиновую емкость при кораблекрушении. И даже побеседовали про освещение электричеством общественных мест города, каких набралось уже без малого пять тысяч. А под конец, когда от скуки Ванзаров не знал куда деться, Лебедев решил продемонстрировать трость. Но, как назло, вышла осечка. Механизм щелкал, выплевывая дым, и только. Пламя появилось с третьего раза.

Механик отер грязную ладонь об очень грязную штанину, протянул, и с нескрываемой симпатией сказал:

– Михаил!

– Аполлон! – не побрезговал рукопожатием Лебедев. – Паша Хомяков давно не появлялся?

– Да, ну его, такой чудак, – усмехнулся Нечайкина. – То живет неделями, ему даже койку поставил, а то пропадает где-то. И о чем только думает? В воскресенье гонки на циклодроме в Стрельне, Паша участвует в заезде на три версты, а тренироваться ленится, думает талантом взять. Как победить без тренировок? Или вот, вздумал крыс всякими ядами травить. А потом принес одну и начал ее воспитывать.

– Неужели? – успел опередить Лебедева юного сыщика, так и

рвавшегося в бой. – Сам поймал?

– Говорит, купил у цыган. А цыганская крыса – это вещь! – сказал Нечайкин с таким уважением, будто речь шла об амурском тигре. – Ничего не боялся, мышьяк, как сало жрал. Паша кличку ей придумал забавную: Нос. И правда, похоже: Нос – как есть нос.

– Для чего купил?

– Дрессировать стал, представляете? Посадит в клетку, поит-кормит до отвала, а потом прицепит к прутьям электроды и ток дает. Но сначала какие-то духи подсунет.

– «Черная маска»? – встрял Ванзаров.

– Да кто их разберет, – удивился механик, – духи – не машинное масло, чтобы по запаху различать.

– Зачем же над животным измывался? – аккуратно спросил Лебедев.

– Это он розыгрыш готовил. Говорит, любовница хочет подшутить, вот и старался.

– Как зовут любовницу? – опять не удержался Родион.

– В такие дела, молодой человек, не влезаю. И вам не советую...

– А вчера что Паша делал? – спросил Лебедев.

– Такой чудной! – Нечайкин даже хлопнул себя по ляжке от избытка чувств. – Утром, как встали, оделся во фрак, сказал: «Еду с официальным поздравлением». А после одиннадцати вернулся, вбежал сломя голову, фрак стянул, колечко обручальное содрал, схватил узел, который давно припас, и давай переодеваться. Я во двор вышел, а как вернулся даже не узнал Пашку: парик нацепил рыжий дурацкий, да еще и бороду, и сюртук с рубахой, как у приказчика. Но мало того, вытаскивает коробку шляпную, сажает туда Носа, и говорит: «Ну, началось веселье, жди, к вечеру буду». Ускакал, как угорелый. До сих пор не появился... Аполлон, хотите, покажу подставку «Колумбия» для сбора и разбора колеса? Выменял недавно...

Сославшись, что в следующий раз обязательно изучит подставку и, просив кланяться Паше, если тот объявится, Лебедев стал прощаться. Механик горячо потряс его руку и холодно кивнул Ванзарову. Не понравился ему упитанный юноша: заносчив и в технике не понимает.

6

По раскаленному проспекту лошаденка плелась еле-еле. Пролетка непривычно мягко скользила по булыжной мостовой, так что никакого удовольствия от рытвин и ухабов пассажиры не испытывали. Лебедев заложил между зубов устрашающую сигарку, но пока еще проявлял милость и не прикуривал, а беззаботно насвистывал и поглядывал по сторонам, словно свежеприбывший турист, не забывая подмигивать хорошеньким барышням, прятавшим личики под кружевными зонтиками, что не мешало им стрелять в ответ глазками в роскошного господина. Ух, до чего длинно порою приходится выражать столь скучное дорожное обстоятельство.

– А что, Аполлон Григорьевич, давно увлекаетесь велосипедами? – с уважением к безграничию таланта спросил Родион.

– Вот еще, больно надо. Сидишь, как на кочерге, задницу всю отобьешь, ноги прыгают, а руками, словно за лося держишься. Развлечение – нечего сказать.

– Откуда же вангурардов с реллеями знаете?

– Надо идти в ногу с прогрессом, юноша, – важно ответил Лебедев и наградил чиновника полиции победным взглядом. Аполлон Григорьевич поскромничал: он выписывал все научные, технические и спортивные журналы, резонно полагая, что криминалист должен знать не только, как отличить свежую кровь от клюквенного сока. Зато нескромно потребовал в оплату за труды взять его на визит к госпоже Хомяковой. Потому что только он сможет утешить женщину в таком горе, наверняка хорошенькую.

Ванзаров не возражал. После сегодняшних происшествий поддержка ему был, ох, как нужна. Поспорив с самим собой, он вообразил тип дома, в котором могли бы жить супруги Хомяковы. В этот раз интуиция не подвела. Роскошное строение на Владимирском проспекте подчеркивало нерядовой статус жильцов. Нужная квартира делила третий этаж еще с двумя.

Дверь открыло худенькое, неказистое существо в идеально чистом переднике и накрахмаленной заколке. Таких горочных заводят предусмотрительные жены, мужья которых не могут устоять перед женским очарованием, и держат их в ежовых рукавицах. Девушка покорно поплелась узнать, принимает ли госпожа Хомякова, и вернулась с благосклонным разрешением.

Шагнув в гостиную, Родион сразу узнал ее. Это была та самая жгучая

брюнетка, что вчера обожгла неприязненным взглядом в салоне Живанши. Сегодня ее мнение относительно молодого человека, в плохо сидящем костюме, не изменилось. Даже появление у него за спиной статного красавца не помогло.

– Что вам угодно, господа? – спросила она вызывающим тоном на грани приличий.

Позволим на мгновение отвлечься, чтобы заглянуть в портрет, который успел составить для себя Родион. Анна Ивановна была женщиной маленького роста и больших возможностей. Принадлежала к редкому типу женщин, которые подчиняют себе любого не красотой, а природной волей. Решительность, умение командовать и требовать безмолвного подчинения прямо-таки горело в ней. Что же касается внешних данных, то даже вчерашний Ванзаров, не познавший васильковых глаз, не влюбился бы в маленькое личико, резко очерченный носик и вытянутые лезвием губки. При этом выбор ее туалета говорил о безукоризненном вкусе, покорности моде и больших средствах. В этот полдень на ней были костюм из голубого атласа: очень широкая юбка, ниспадающая большими расходящимися складками-стаканчиками, корсаж с маленькой волнистой баской из альпага, открытый спереди на рубашечку из плиссированного черного муслина, большой отложной воротничок, вроде пелеринки, из голубого же атласа, отделан по краям вышивкой. Ниже воротника у баски корсаж отделан старинными большими пуговицами по три с каждой стороны. Пышный рукав-ballon отделан бие из той же вышивки, вместо воротника – ожерелье из черного шелкового муслина. Просто очаровательно, не так ли?

Господа представились официально. Это не заставило хозяйку предложить гостям сесть. Сложив руки, она ждала, холодно и равнодушно, словно брезгуя незваными полицейскими. Отдуться пришлось Родиону.

– Прошу извинить, Анна Ивановна, но у нас дурные известия, – сказал он.

Дама продолжала быть немой статуэткой. Юный сыщик невольно прикинул, что не очень высокому Паше супруга доходила бы до подмышки.

– Ваш муж Павел Николаевич найден мертвым...

– Как? – резко спросила она.

Вопрос был несколько неожиданным. Обычно в таких случаях спрашивают «когда» или «где». Ванзаров помедлил и ответил:

– Он погиб.

– Где можно забрать тело?

– Оно находится в полицейском участке, но потребуется еще официальное опознание...

– Хорошо, я сегодня же... нет, уже завтра поеду в Нижний. Благодарю вас, господи...

– Зачем туда ехать? – откровенно удивился Родион.

– По служебной надобности Павел отбыл в Нижний дней семь назад. Полагаю, это там случилось?

Хомякова держалась отлично. Словно речь шла не о муже, а домашнем животном, вроде собаки. Такая женщина на многое способна.

Получив немую поддержку от Лебедева, юный сыщик попросил разрешения присесть, разговор будет непростым. Анна повела плечом, словно предоставляя право неприятным гостям вести себя как угодно.

– Павла Николаевича вчера убили на Невском проспекте.

На этот раз Хомякова еле справилась с порывом, и опять спросила:

– Как?

– Почему это вас так интересует? – с очаровательной улыбкой спросил Лебедев.

– Что я должна еще спросить, по-вашему? – ответила она и упрямо повторила: – Как это произошло?

– Его закололи острым предметом в сердце, – пояснил Ванзаров.

– Значит, его убили?

– А что вы предполагали?

– Да хоть попал в дорожное происшествие на своем проклятом велосипеде, – наконец, показала она раздражение. – Когда это случилось?

– Около полудня.

– Благодарю вас, господи, и не смею более задерживать... Я приеду на опознание, куда укажете.

– Мы не закончили, – твердо сказал Родион, показывая силу полиции. – Вам придется ответить на ряд вопросов в связи со смертью госпожи Грановской.

К такому повороту Анна была не готова. Стальная маска рассыпалась, обнаружив напуганную, растерянную женщину. Ей потребовалось присесть.

– Аврору тоже убили? – тихо спросила она.

– К несчастью. Вчера утром вы были у нее с визитом и потому числитесь на подозрении.

– Что за глупость?

– А уж это позвольте нам решать, – заявил сыщик, перехватывая инициативу. – Что вы подарили Грановской?

– Букет цветов и скромный сувенир, у нее все есть.

– Почему подарили книжку для записей?

– Аврора сама попросила.
– В котором часу были с визитом?
– Где-то около одиннадцати.
– На лестнице дома Грановской или поблизости не встречали вот этого человека? – был предъявлен портрет трупа в парике.

Анна присмотрелась, чуть сузив глаза, видимо, страдая близорукостью, но отказываясь от очков, и тихо охнула:

– Это же Павел...
– Именно так. В маскарадном убранстве. Так встречали? У вас память цепкая.

Вдова скорчила неприятную гримаску, что должно было значить: «Уж я бы ему не спустила и в парике».

– Сколько пробыли у Грановской? – продолжил Ванзаров.
– С четверть часа, визит вежливости, не более.
– На столе в гостиной была коробка конфет «Итальянская ночь»?
– Вот уж чего не помню, – удивилась Анна.
– Как провели вчерашнее утро?

Характер начал возвращать утраченные редуты. Анны нахмурилась и строго спросила:

– Какое ваше дело?
– Лучше бы сказали, что встречались с любовником, но так как он женатый человек, у него дети, то ни за что не назовете его имя...

Блеф удался как нельзя лучше. Лебедев, тихонько сопевший по соседству, бурно задышал, а Хомякова уперлась в чиновника полиции растерянным и злым взглядом:

– За мной следили? Как посмели! Какая гадость! Что вы себе позволяете?

– Хватит, Анна Ивановна, – вдруг резко оборвал Ванзаров. – Дела нет до вашей личной жизни. Ставьте рога мужу, сколько хотите. Нас интересует только убийство. Поэтому отвечайте как на духу: кого можете подозревать в смерти Грановской?

Что-то сломалось в негнибаемой барышне. Будто обмякнув, Хомякова опустила глаза и сказала:

– Мы не были с Авророй лучшими подругами. Хотя знаем друг друга давно, еще со Смольного института. Она была непростым человеком, могла обидеть или выкинуть злую шутку. Но со мной всегда вела себя корректно. Где-то недели две назад мы встретились в кафе, и она, посмеиваясь, сказал, что на нее, возможно, готовится покушение. Я предложила обратиться в полицию, но Аврора сказал, что ей нравится быть в напряжении, жизнь для

нее обрела новые краски. При этом намекнула, что в ответ готовит убийство и боится, что ее опередят.

– Вспомните подробно, – попросил Родион.

– Она сказала: «Смерть – это захватывающая игра, важно, кто успеет раньше».

– Вам не предложила принять участие?

– Аврора была далеко не глупой блондинкой.

– Неизбежный вопрос: кто же мог опередить Грановскую?

– Не имею ни малейшего представления, – ответила Анна, не пряча глаз. – Если Аврора стала играть в какую-то опасную игру – кто угодно.

– Например, ее любовник. Его-то вы знаете?

– Я знаю только, что Аврора могла позволить себе, все что хотела. Но имен она не называла, а вместе их не видели.

Аполлон Григорьевич, оставшись не у дел, уже давно осматривал интерьер гостиной. И было на что посмотреть. У мелкого чиновника с месячным жалованием рублей сто двадцать, стояла новенькая английская мебель, блестело серебро посуды и хрусталь люстры, а супруга могла одеваться в салоне Живанши. Откуда же такие средства? Ну, что тут скрывать, криминалисту все было ясно. Милейший человек и велосипедист Паша Хомяков имел теплое местечко, распределяя подряды городской Думы на дорожные работы. Кто-то назвал бы такие доходы «воровством», но воспитанные люди не будут столь категоричны. Они скажут – «умение жить и только». И, наверное, будут правы. Кормиться чиновнику за счет государства – не грех. А грех – забывать при этом начальство. Но уж в этом Паша был невиновен, судя по всему.

Заметив нездоровый интерес, Хомякова резко спросила:

– Вы что-то ищете?

Криминалист исторг улыбку очарования и спросил телефонный аппарат, но вот его в доме не оказалось. С невинной физиономией Лебедев развалился в кресле.

– Вернемся к вашему супругу... – только сказал Ванзаров, но ему не дали договорить.

– Наши отношения с мужем были прекрасными, что бы вам ни наговорили, – заявила Хомякова. – Может быть, в привычном смысле они выглядели странными, но нас устраивало. Паша не вмешивался в мою жизнь, а я – в его. Мы не мучили себя ревностью или подозрениями, но и не ранили самолюбие. Вы понимаете? И были счастливы. Его смерть – это чудовищное преступление. Убить такого добрейшего, отзывчивого человека, да еще и замечательного велогонщика – у кого только рука

поднялась!

– Вот именно: у кого? – уточнил Родион.

– Я бы ему горло перегрызла, – просто сказала Хомякова. Невольно захотелось поверить, что она и на такое способна.

– Павел Николаевич перед смертью нес куда-то дрессированную крысу в шляпной коробке. Проверьте, все на месте?

– И проверять не надо. Попросил месяц назад – я дала.

– Вас не удивляет, что он дрессировал крысу в велосипедной мастерской, а вам сказал, что уехал в Нижний?

– У Паши было много причуд.

– В таком случае вас не удивит, что дрессированная крыса вашего мужа накинулась на госпожу Делье.

Тиски характера держали чувства намертво, выдало лицо. В душе Хомяковой словно вспыхнул фонарь, разогнавший тьму незнания и сомнений. Новость явно попала в какой-то важный нерв, но вот какой именно? Локоть криминалиста чуть задел ребро, но Ванзаров и так все заметил.

Спохватившись, что молчание становится слишком многозначительным, Хомякова отделалась все той же отговоркой о странностях мужа.

– Давно знакомы с Екатериной Павловной? – спросил Родион.

– Училась в Смольном.

– Значит, один круг? Прелестно! – и чиновник полиции изобразил светскую улыбку. – Кстати, мы подозреваем ее в убийстве Грановской.

Анна Ивановна уже собралась спросить что-то крайне важное, но, к несчастью, удержалась, и только заметила:

– Катя не стала бы это делать.

– Духу не хватило?

– Нет, не стала бы делать сама, а задурила кому-нибудь голову.

– Если правильно понял, вы не исключаете, что она могла организовать убийство Авроры Евгеньевны? – спросил Ванзаров.

– Я этого не говорила, – дипломатично ответила Анна, не особо скрывая жирный намек.

– В таком случае, вынужден спросить ваше мнение: для чего понадобилось благополучной женщине, матери двоих детей, счастливой жене и любовнице, убивать не менее счастливую и благополучную женщину? Они что-то не поделили? Или кого-то?

– Ах, я не знаю... – Хомякова резко встала. – Господа, я скверно себя чувствую. Мне предстоят трудные дни... Прошу меня простить.

Господа послушно повскакивали с мест. Родион даже слегка поклонился и сказал:

– Последний, но неприятный вопрос: кто любовница вашего мужа?

– Мы не вмешивались в личную жизнь.

Уже в прихожей, пока худосочная горничная возилась с замком, Ванзаров обернулся и спросил:

– Анна Ивановна, надеюсь, не собираетесь мстить кому-нибудь в ближайшее время?

– Если соберетесь, сообщите заранее, – вставил Лебедев с милейшей улыбкой.

Но Хомякова уже превратилась в беззвучную статую.

Выйдя на шумный Владимирский проспект, Аполлон Григорьевич первым делом сунул в рот сигарку, чиркнул тростью и жадно затянулся:

– Ну, и штучка, – сказал он, выпуская струю дыма, от которой шарахнулась мирная лошадь. – Темнит вдова, голову морочит. И что-то замышляет.

– Обратили внимание, что# у нее аккуратно прикрыто салфеткой на дальнем столике? – сказал Ванзаров, стараясь отвернуться от ядовитого облака.

– Иглы для шприца отличу с закрытыми глазами. И, кажется, виднелся кончик скальпеля.

– Для чего светской даме подобные игрушки? Выглядит она самым цветущим образом... А синильную кислоту в конфету впрыснуть такой иглой возможно?

– Легким движением поршня, – с хищной интонацией сказал Лебедев и добавил: – Вы теперь куда?

Криминалисту страстно захотелось продолжить путешествие, так любопытно было наблюдать за крепнущим умением юным чиновником полиции добиваться своего, но более всего – улизнуть от скучных дел, скопившихся в кабинете.

В дальнейших планах Родиона числился визит к загадочной мадам Гильотон, а для такого дела мудрый спутник был бы обузой. К тому же, настоятельно требовалось несколько минут одиночества. Сославшись на срочное дело и поблагодарив за неоценимую помощь, чем жутко опечалил Аполлона Григорьевича, Ванзаров отправился наводить порядок в рое жужжавших мыслей.

Храм уединенных размышлений был выбран в людном кафе. Юный сыщик уселся за дальний столик, в самом темном углу, и заказал черный кофе. Дождавшись, когда барышня-официантка принесла дымящуюся чашечку дивного аромата, и, сделав первый, самый вкусный глоток, он достал из сахарницы кусочек колотого сахара и положил на пустующем пятнышке стола. Огрызок был назван «Грановская». Рядом с ним оказались сладкие «Делье» и «Хомякова». Подумав, Родион добавил чуть в стороне сахарных «Гильотон» и «Живанши». Из крошки печенья, поданного к кофе, получился «Паша». После некоторых сомнений, вторая крошка была названа в честь доктора Карсавина. Чтобы закончить мусорить, добавил крошку «Адвокат».

Что же получилось? Чистейший беспорядок. Родион смотрел на соринки, и в голову ничего не приходило. Озарение что-то не спешило. И тогда он мысленно спросил совета у старика Сократа. Бородатый насмешник сказал: «Эх, Родион, учил тебя, а ты ничего не понял. Рассуждай и задавай простые вопросы!». И совратитель афинских нравов показал жирный язык.

Родион так и поступил.

«Что мы знаем наверняка?» – спросил он себя, и ответил: три женщины принадлежат одному кругу, знакомы с юности и не имеют особых забот. Что им делить? На первый взгляд нечего: денег у каждой достаточно, они не сестры – завещание общего быть не может. Все удачно замужем. Ревность, что кто-то увел лучшего мужа – отпадает. Любовники? Столь разумные женщины могут увлечься, но до определенного предела. Что же стало причиной, что одна из них была убита, а две других как-то причастны? Да еще и Пашу зарезали.

Родион приказал себе не спешить и разбираться по очереди. Вот простой вопрос: почему Делье не сообщила Анне Хомяковой, что их общая знакомая мертва? Ведь это самое естественное желание – поделиться горем с подругой. Однако Анна ничего не знала. Какой здесь простой ответ? Его не было. Опять тупик. Пока не будет ясна причина смерти Авроры, логику построить невозможно.

Что остается? Предположить, что причина и истина находятся настолько на виду, что их не замечаешь. Что это может быть? Произнеся это волшебный вопрос, Родион ощутил отблески прояснения. Если

предположить, что причиной смерти Авроры стала сама ее благоустроенная, обеспеченная, безбедная жизнь, в которой развлечения приелись и желать нечего, потому, что все и так есть, остается только платья менять каждую неделю?

Родион быстро переставил сахарные объедки в треугольник.

Допустим, Аврора затеяла игру, которая пощекочет нервы, и предложила, чтобы кто-нибудь из подруг организовал ее убийство понарошку. Так сказать, нажал курок, но выстрел оказался холостым. А чтобы они согласились, пообещала со своей стороны сделать все, чтобы боялись умереть насильственной смертью. Тогда Хомякова и Грановская неизбежно в сговоре – они соучастницы преступления. Опасаясь за свою жизнь, не стали играть, а убили Аврору по-настоящему. Отравленную коробку, несмотря на всю логику любовника, могла принести как Екатерина, так и Анна. Это уже ясно.

Что делать с Пашей? Его могла убить только жена. Хоть и кажется невероятным, но духу хватило бы. Нет, не склеивается сахар. Екатерина не знала, что Паша убит, а Анна – еще и про смерть Грановской. Славный Нос сюда не лезет никаким боком, как ни старайся.

Крошки и кусочки были сметены в одну кучу. Но затем вперед был выдвинут «Аврора». Допустим, Грановская действительно планировала что-то вроде шуточного убийства. Насколько безопасного – знает только она, яды в коллекции были настоящие. Но для такого дела нужен помощник, он же сообщник. Кто лучше всего подходит на эту роль? Любовник. А кто у нас любовник?

И тут Родион подвинул песочную крошку по имени «Паша». Как безумно это выглядит, но единственный кандидат на эту роль – именно он. Не будет такая дама, как Грановская утруждаться поиском любовников где-то вдалеке. Она возьмет то, что рядом. А это – муж подруги. И удобно, и забавно. Но и Павел, судя по характеру, идеально подходит ей в «оруженосцы»: бесшабашный спортсмен, казнокрад и душевный человек. Что интересно: его стремительное возвращение и переодевание произошло после официального визита куда-то. Судя по визитной карточке – точно к Авроре Евгеньевне. И при этом она приказала Паше подготовить крысу и взять ее, когда пришло время. Время чего?

Родион приказал себе задать простой вопрос и ответил: Аврора готовила шуточное убийство... Делье. Добрейшего и умнейшего Носа специально заставили возненавидеть запах «Черной маски», которой пользовалась Екатерины Павловна. Значит, она не без оснований опасалась за свою жизнь? Это была не игра? Она ведь не случайно проговорилась:

«началось». Это могло означать только одно: игра Авроры началась. И сразу закончилась не в ее пользу? Что-то здесь не так. Нужно ответить на другой простой вопрос: что должно было произойти?

Переодетый Паша с Носом заявляются в квартиру Делье якобы для передачи заказа из «Смерти мужьям». Екатерина открывает коробку, Нос, потерявший голову от аромата «Черной маски», бросается на нее. Дальнейшее зависело бы от крепости нервов. Но сильное потрясение гарантировано. Однако Паша не дошел. Если так планировалось, то понятно, почему его внезапно убили на Невском проспекте. «Защитник» Делье постарался. Хотя понятно очень относительно: неужели за безумную, но все-таки шутку с крысой, надо отвечать смертью? Возникает и другая сложность: Паша шел к Екатерине, зная, что она будет дома. Следовательно, она уже побывала у Грановской и сказала свои планы на день! Выходит, что коробка «Итальянской ночи» – от нее. А все остальное – притворство, как и предполагал!

Чашечка кофе опустела наполовину решительным глотком, Родион в возбуждении потер руки. Нельзя делать поспешные выводы, уже обжегся. Проверить логику на прочность.

Кто помог Екатерине убрать Пашу с дороги? Ее любовник, кто же еще. Он так хорошо знает Хомякова, что не спутал даже в маскараде. То есть тоже из «их» круга? Как ни дико, но лучшей кандидатуры на эту роль, чем Антон Сергеевич Грановский – не придумать. В противном случае остается предположить, что перспективный дипломат Делье владеет шилом, как каторжник. Он, конечно, тот еще, граф Монте-Кристо.

Если Грановский – любовник Екатерины, то он соучастник убийства собственной жены. Ради чего? Неужели между холодным и расчетливым адвокатом и рассудительной женой дипломата вспыхнули испанские страсти, в жертву которым надо было принести Аврору? Психология не верит и топает в гнев ногами. Не может этого быть. А раз так – не мог Грановский убить своего друга, о котором вполне искренне лил слезы.

Есть и другое логическое противоречие. Если Делье на самом деле пришла слишком рано, до визита Паши, тот сильно рисковала, что конфетами с синильной кислотой Аврора угостит кого угодно, да хоть самого перспективного дипломата. Это огромный риск. А если позже него? Тогда Аврора не могла знать, что Екатерина Павловна будет дома. Как быть с этим?

Логика не выдержала и треснула. Сахарные фигурки поменялись местами: теперь получился ломаный квадрат.

Если любовник Екатерины – Паша? Тогда вся история с крысой не

клеится. Даже если Делье отравила Грановскую, зачем ей было приказывать срочно тащить куда-то Носа? И кто в таком случае убил самого Пашу? Не второй же любовник. Да и подстроить сцену в полицейском участке, чтобы Нос набросился на Делье «для отвода глаз», не смог бы и сам гений злодейства.

Может быть, в это замешан сам Карсавин? Помогает убивать своих же дойных коров, то есть пациенток, при этом остается в тени. Делье – наверняка его пациентка, зеркальце выдало, но способна ли она втравить своего же врача в такую заваруху? Только в одном случае: если доподлинно знала, что на нее готовит покушение Аврора. И потому попросила заколоть Пашу Хомякова на Невском. А сама занялась подругой. Однако заковырка в том, что доктор как раз в это время был сграбастан городовыми за езду на велосипеде.

Чтобы выйти из очередного тупика, надо было найти применение хотя бы сахарку «Хомякова», не говоря уже о «Гильотон» и «Живанши». Эти крошки были как-то замешаны в велосипедную кашу. Только как?

Внятных ответов не нашлось. Но юный сыщик ощутил особым органом, который вырастает с годами только у опытных сыщиков от долгой практики, что двигается в правильном направлении. Чтобы мозаика легла в четкий узор, не хватает нескольких песчинок.

Ванзаров допил кофе и безжалостно смахнул ладонью сладких помощников аналитического сыска.

Уж как понравился, так прямо бы и съела. Весь такой сдобный, аппетитный, сил нет, как хочется за щечку щипнуть или за какое иное привлекательное место. А глазки-то, какие хорошенькие, так и стреляет, шельмец, и весь словно свежеиспеченный калачик – упругий, крепенький да вкусный. Вот ведь, достанется кому-то такое счастье, будет им избалованная дура с приданным понукать, а он ведь ласковый – сразу видно, его же приручить ничего не стоит. Только теплом да добрым словом. А потом делай, что хочешь. Вот нарожать бы ему детишек, вышли бы славные: такие же пухленькие, симпатичные... А как бы с ним хорошо было выйти под ручку... Что за жизнь мерзкая...

Барышня Жгутова предалась горестным размышления, каких в женских головах встречается довольно много. Особенно, если родители не оставили никакого приданого, и жизнь заставила тянуть лямку *dame de compagnie*^[3]. Она ведь тоже женщина, а, значит, счастья хочется.

Ничего подобного, приятного для себя, Родион не заметил в мрачном взгляде сухопарой дамы, затянутой в такое серенькое платье, что и описать невозможно. И лицо такое же серенькое, цепляло лишь нижней челюстью, тяжело выступавшей вперед, отчего казалось, что барышня готова укусить. Руки у нее крепкие, почти мужские, а прочие формы гладко незаметны. Влюбиться в это такое нескладное создание с первого взгляда, даже вчерашний Ванзаров и не подумал.

Мрачная барышня пропустила в гостиную, спросив лишь незнакомого гостя, назначено ему или сам пришел. Чиновник полиции признал, что не зван, и быстро изучил обстановку. Приемная сомнамбулистки и пророчицы более напоминала квартиру удалого гусара. На коврах изобильными гроздьями повисли кинжалы, сабли, ножи, кортики и какие-то диковинные режущие орудия, названия которых Родион не знал. Причем мужским духом и не пахло. Оставалось предположить, что мадам Гильотон равнодушна к остренькому.

Серая барышня, к тому же хромоножка, заковыляла к диванчику, очевидно, для посетителей, подхватила куски кожи и сапожным шилом принялась прокалывать их для какой-то надобности левой рукой. Трудно было отвести взгляд от этого зрелища.

– Ванзаров пришел? – послышался приятный, грудной голос из-за занавески.

Как это понимать? Ждать его не могли, он наметил визит только час назад и даже Лебедеву не сказал. Неужто и впрямь провидица...

Кивком милой головки, все-таки речь о даме, будем снисходительны, гостю указали, куда следовать.

В комнате сомнамбулистки не было ничего, что подчеркивало бы ее особый статус среди смертных. По правде сказать, там вовсе ничего не было. Стены покрыты обоями в серый тон, окна завешаны грязноватым тюлем. Из мебели – софа для удобного лежания и массивное кресло. На полу – подсвечник с оплывшим огарком. И никаких предметов магии. Даже завалящего скелета или чучела летучей мыши не нашлось. Пахло самым обычным папиросным табаком, а вовсе не волшебными ароматами.

– Разочарованы?

Ослепила вздыбленная копна огненно-рыжих волос. Пришлось призвать на помощь васильковые глаза Софьи Петровны, чтобы побороть внезапно подступившую слабость. Так хороша была мадам Гильотон. Честно говоря, насколько хороша она была, Родион разобрать не смог, потому что ощутил от стройной женщины такой неудержимый порыв плотского желания, что... Трудно объяснить, как такое возможно. Женщина в глухом черном платье не делала никаких соблазнительных движений, не показывала ножку, не манила пальчиком, и тем не менее... Следовало иметь кованую выдержку, чтобы не думать только об одном. Ну, к счастью васильковые глазки были на страже.

Видимо, зная свою силу, мадам Гильотон бессовестно рассматривала гостя.

– Сколько мне дадите?

Голос ее проникал куда-то в солнечное сплетение и тянул за собой.

Родион заставил вспомнить холодное тело Авроры и стеклянную улыбку Паши. Наваждение пропало. Чиновник полиции был во всеоружии и смог даже составить мгновенный портрет.

– Около двадцати пяти, – невежливо ответил он женщине.

Мадам Гильотон печально улыбнулась:

– Спасибо за комплимент, мне девяносто пять.

Для такого дряхлого возраста барышня, на удивление, неплохо сохранилась, наверняка заметил бы Лебедев, и добавил бы еще кое-чего о применении таких исключительных форм. Но Ванзарова интересовало другое:

– Откуда знаете меня?

– Видела вас во сне...

– За что такая честь?

Рыжая мадам в черном легла на кушетку, приняв довольно соблазнительную позу, прикрыла глаза, и сказала:

– О! Вы еще не знаете своей силы... Я хочу узнать вас получше...

Появилась папироса в мундштуке. Не открывая глаз, она прикурила от подсвечника, затянулась и выпустила изящную струйку дыма.

– Я вижу, вы поступили в департамент полиции два года назад...

Родион бесцеремонно уселся в единственное кресло, и стал терпеливо выслушивать монотонный, тягучий голос. Как ни странно, но мадам знала о его биографии много, слишком много, но несколько однобоко, словно пролистала личное дело в канцелярии департамента.

– Вижу участок... – сказала она и резко открыла глаза. – Туман, дальше не могу пройти.

Осталось предположить, что и тут пристав постарался: напустил такого, что и бедной ясновидящей не пробраться.

– Если вы так хорошо обо мне осведомлены... – начал Ванзаров, но его одернули.

– Я вас не знаю, мне говорят высшие силы... Я лишь слепая, которую ведут куда-то... Когда-то давно, в детстве, в нормандской деревушке, где я родилась, я впала в летаргический сон. Никто не мог пробудить меня двое суток. Но когда очнулась, то стала видеть картины будущего и прошлого. Они приходят ко мне, стоит лишь закрыть глаза... – дама стряхнула пепел демократично на пол. – ... Никто не знает, что это такое. Мой феномен изучали выдающиеся доктора Шарко, Ришар, Дебе, даже сам профессор Эленбург пытался разгадать эту тайн. Но все напрасно. Возможно, потому, что я происхожу из рода Стюартов... Мой дар – это мое проклятие. С ним так тяжело. Когда я предсказала Наполеону III поражение при Седане, он высмеял меня, а потом просил прощения со слезами. И так было со многими. Турецкий паша обещал отрубить мне голову, если предсказание о Балканской войне не свершится. А потом осыпал золотом и наградил турецким подданством. И вы не верите в мой дар...

Рожденная во Франции турецкая подданная из рода шотландских королей на удивление чисто говорила по-русски. Вернее, говорила, на родном языке. Чиновнику полиции это сильно мешало быть доверчивым.

– Если так, то вы знаете, зачем я пришел, – сказал он.

– Как это примитивно. – Гильотон отшвырнула окурок в дальний угол. – Ванзаров, вам надо понять главное. Человек – это жалкий комочек, песчинка, которая носится в потоке всемирного хаоса. Вы обречены, если не примите условия сил, значительно превосходящих человека. Вы бессильны противостоять их зову. Но как только покоритесь им, ощутите,

какая мощь наполняет вас. Вы сможете не только раскрепостить свою сексуальную энергию, но и получать высшее удовольствие от своего человеческого естества. Хотите ли вы этого? Готовы вы ли пройти путь к своему сокровенному? Знаете ли вы, какие блага и наслаждения ожидают вас?

– Госпожа Гильотон, хоть вы и подданная Османской империи, но находитесь на территории Российской. А значит, должны исполнять ее законы...

– Как вы скучны, Ванзаров...

– В котором часу были с визитом у госпожи Грановской?

Гильотон оценила, что ее чары расходуются напрасно, юноша совершенно непробиваем, хоть и разгоряченный девственник, скинула ноги с кушетки и приняла строгую позу.

– В половине одиннадцатого, господин полицейский.

– Сколько пробыли?

– Недолго.

– Что подарили?

– Шар, через который можно найти путь к высшим...

– Видели на столе торт или коробку конфет?

– Я не замечаю мелочей жизни.

– А жаль. Но раз предугадываете будущее, видите прошлое и даете советы историческим личностям, не может ли сыскная полиция рассчитывать на вашу помощь?

– Если это будет угодно силам...

– Скажите, кто убил Аврору Грановскую?

Сомнамбулистка зарядила мундштук свежей гильзой, все-таки общение с высшими силами требует много табака и, дымя в лицо гостя из полиции, сказала:

– Я предупреждала Аврору об опасности.

– О какой именно?

– Мне приходили сны, в которых она падала в пропасть. Это дурной знак.

– Она была вашей подругой?

– Грановская пришла ко мне за помощью и спасением... Ее удушал страх.

– Боялась за свою жизнь?

– О нет! Она погрязла в вещах и удобствах, в развлечениях и наслаждениях, у нее был достаток и благополучие, милые дети и прекрасный муж. Это рождало страх и тоску. Ей казалось, что высшие силы

могут сдуть счастье, как песок сдувает ветер. Ей было страшно потерять все в одно мгновение. Она превратилась в рабу вещей, но ей хотелось освободиться от этого страха. Высшие силы смеялись над нею и отомстили за непокорность.

– Простите, я не понимаю, – беззастенчиво признался Родион.

– Она мучалась от ярма вещей и семьи, ища спасение в любви и смерти. Но высшие силы не приняли ее жертву. Она опоздала.

Мужественно вдыхая табак, от которого с таким трудом отвыкал, Родион прокашлялся и сказал:

– Высшие силы в кандалы не закуешь. Произошло убийство. И его совершил человек из плоти и крови. Кто мог это сделать?

– Я знаю, что будет, но мне не дано видеть детали, – уверила ясновидящая.

Какая досада, а ведь следствию как раз и важны мелкие детали вроде конфет. И куда смотрят высшие силы? Стараясь держаться серьезным, Ванзаров спросил:

– Как вы узнали, что Грановская мертва?

– Сегодня она пришла в мой сон и попрощалась... Утром я телефонировала ее мужу, он подтвердил, что мне было известно и так.

– Не могли бы спросить у нее: кто ее убил? Или хоть кто подарил отравленные конфеты?

Бесчувственного полицейского наградили струей дыма и фунтом презрения:

– Я не общаюсь с мертвыми. Вы не по адресу...

Сомнамбулистка потеряла к гостю всякий интерес. Родион уже собрался податься из волшебной комнаты на жару Литейного проспекта, как вдруг заметил на безымянном пальчике интересную змейку.

– Оберег, что ли, носите? – спросил он.

– Ах, юноша, как мало теперь уделяют внимание достойному образованию... Это не оберег, а уроборос, древнейший и самый мощный символ высших сил, которому подчиняюсь я. Символизирует вечный подъем и упадок сексуальной энергии, возгорание и гибель любви, огонь страсти и холод ненависти. Вам хоть ясно?

Такую лихую трактовку гностического знака Родион слышал впервые. Скорее всего – выдумка самой ясновидящей.

– Премилое колечко, я бы от такого не отказался. Не продадите?

Гильотон внимательно изучила простое и свежее лицо юноши, который пытается быть сильным мужчиной.

– Его надо заслужить... Это знак тех, кто вместе со мной принес клятву

верности высшим силам, дарующим нам радость... Впрочем, для вас дорога не закрыта.

– Я подумаю, – пообещал Ванзаров, извлекая известный снимок. – Павел Николаевич Хомяков тоже принес им клятву?

И хоть на снимке лицо трупа выглядело так, словно человек слегка навеселе, Гильотон встревожилась и спросила:

– С ним что-то случилось?

– Об этом я вас должен был спросить, вы же сны видите. Разве он к вам не являлся?

По напряженному молчанию было ясно, что этот вопрос высшие силы обошли непростительным молчанием.

– Хомякова убили вчера, примерно в одно и то же время, что и Грановскую, – сказал Родион. – Он был вашим адептом, наверное, часто бывал здесь, рассказывал что-то. Мне будет полезна любая мелочь. Кто мог его убить? Кому это было нужно?

– Чудовищно... – только смогла выговорить Гильотон. – Это какая-то дикая нелепость. Паша – добрейшее существо...

– Аврора Евгеньевна была его любовницей?

– Прошу вас, господин Ванзаров, мне надо побыть одной...

Мадам нервно снаряжала мундштук. Но необъяснимым, нелогичным образом Родион понял, что на этот раз угадал. Точнее – Гильотон это подтвердила особой игрой мимики.

– Если что-нибудь вспомните важное, сообщите мне в 4-й участок Казанской части, – сказал он, поклонился и вышел.

Мрачная компаньонка по-прежнему занималась шилом. Еще при входе Родиону показалось, что заметил кое-что любопытное. Тогда было некогда. Но и теперь разум не успевал за интуицией. Юный сыщик поторопил его, быстро, но внимательно осмотревшись. И пока не выпроводили вон, все-таки успел заметить за тахтой край шляпной коробки, отделанной атласом в белую и синюю полоску. Но что удивительнее всего – среди разного оружия скромно пряталось крохотное зеркальце. Если не знать, что это такое, ни за что не обратишь внимания.

Штора, отделявшая комнату сомнамбулистки, отскочила в сторону.

– Ванзаров... – позвала мадам, не вынимая мундштук. – Хотите знать свое будущее?

Чиновник полиции вежливо поклонился. Все-таки высшие силы, мало ли что.

– Я видела сон недобрый для вас... Опасайтесь за свою жизнь... Опасайтесь женщин со светлыми волосами... Вы можете не увидеть рассвет

третьего дня... Улыбайтесь, сколько хотите, но имейте это в виду, – сказала прорицательница и скрылась с глаз.

Занавески колыхнулись послушными привидениями.

Величественное здание Министерства иностранных дел занимало часть Дворцовой площади. Решать судьбы Европы и мира было удобно: перебежал площадь – и уже на приеме Его императорского величества. Правда, пока иностранные дела страны обходилась без венценосца, но и наследника престола было достаточно. Коронация была отнесена на май будущего года, пока не кончится траур по императору Александру III.

Состроив строжайшую личину, на какую был способен, Ванзаров потребовал от министерского швейцара немедленно вызвать титулярного советника Делье, для которого прибыла конфиденциальная депеша из французской миссии. Дедушка в золоченой ливрее и ухоженных бакенбардах отправился выполнять поручение с достоинством британского пэра. А вот надежда русской дипломатии слетела с мраморной лестницы сломя голову, так было любопытно, что за послание адресовано ему. Но, увидев чиновника полиции, Делье несколько оторопел.

– Родион Георгиевич?! Что вы здесь делаете? – брякнул он и тут же поправился: – Как я рад вас видеть... Простите, тут для меня депеша...

Пришлось развеять сладостные мечты. Ванзаров попросил уделить ему несколько минут, без дальнейших уговоров подхватил под локоток, облеченный идеальным сюртуком, и выволок на площадь.

– Этот разговор должен остаться между нами, – предупредил он.

– Что-то случилось? – встревожился Ипполит Сергеевич.

– И да, и нет. Моя единственная задача – спасти вашу карьеру. Понимаете?

Делье напрягся, как конь перед забором, и сдавленным голосом предложил располагать им, как будет угодно.

– Благодарю, я знал, что вы разумный человек, – обнадежил Родион и, не давая передышки, почти приказал: – У вашей жены есть любовник...

Ипполит Сергеевич только крякнул.

– Ваши ответы сугубо конфиденциальны. Помните, я сражаюсь за ваше будущее.

– Да, – только и вымолвил Делье.

– Кто он?

– Нашему браку уже четвертый год, у нас чудесный сын, и вскоре меня пошлют в одну из наших миссий в Европе. И в таких обстоятельствах... – Делье замялся.

– Я помогу: вы не мешаете друг другу. Вернее, смотрите на все сквозь пальцы. Вы – на ее любовника. Она – на вашу пассивность. Если все останется в тиши, никакого вреда карьере. Надо взять от жизни все, пока суровая лямка дипломата не скрутила по рукам и ногам.

По дипломатическому молчанию Родион понял, что попал в яблочко, в его самую гнилую сердцевину.

– Скажу больше, ее любовник и дама вашего сердца – из круга ваших друзей, так сказать, людей одного круга. Не будете же вы заводить содержанку из курсисток. Да и Екатерина Павловна побрезгует гусаром или купчиком.

Этот удар разнес яблочную сердцевину в труху. Делье молчал.

– Помогу еще: это Грановский или Хомяков? А может быть, кто-то третий? Поймите, ваше молчание грозит не только вам. Могут погибнуть невинные люди.

– Я не знаю, – буквально вытолкнул из себя признание Ипполит. – Это действительно так. Я не знаю, кто он. Поверьте, я не слепой. Впрочем, Екатерина, кажется, тоже знает обо мне. Но мы воспитанные люди, смогли найти форму общения... Возможно, я здороваюсь с любовником моей жены в нашем клубе велосипедистов, наверняка, он бывает у нас дома. Но я не делаю из этого проблему. Понимаете?

– Что думаете о страхах вашей жены? Вчера Екатерина Павловна убеждала, что ее хотят убить?

Ипполит Сергеевич расцвел обворожительной улыбкой:

– У женщин бывают такие дни, когда... Вот женитесь, узнаете... Позвольте, о гибели кого вы говорили?

Родион стремительно прикинул: Грановского вчера явно не было в клубе, ему не до того. Но почему промолчала сама Екатерина? Это не объяснимо доступной логикой.

– Вы ничего не знаете? – спросил Ванзаров и, не дожидаясь согласия, сказал: – Вчера была убита Аврора Грановская. Когда вы у нее были?

– Какой ужас! – воскликнул молодой дипломат. – Этого не может быть... Я же заезжал к ней в половине десятого... Как?

– На столе коробку конфет не замечали?

– Да какие конфеты! Поцеловал изменнице руку и отбыл на службу... Занудная церемония, не больше... Каждый год одно и то же... Но почему же...

– Почему Екатерина Павловна ничего вам не сказала?

– Это какая-то бессмыслица, – беспомощно заявил Ипполит. – Не могу в это поверить.

– Придется. Как и в смерть Павла Хомякова.

Делье остановился с некрасиво приоткрытым ртом:

– Это глупая шутка?

– К сожалению, нет. Его убили ударом в сердце на Невском проспекте.

К счастью, дипломатическая выучка еще не въелась глубоко, вся гамма чувств – от неверия, до признания, прокатилась по холеному личику. Ипполит Сергеевич считал и рассчитывал, как эти события мгу отразиться на карьере, прямой опасности не нашел, но счел нужным подстраховаться, а потому сжал локоть чиновника полиции и шепотом спросил:

– Что мне делать?

– Как следует поговорить с Екатериной Павловной, – посоветовал Родион. – Выяснить, кто именно ее любовник.

– Это так важно?

– Не представляю, как молодого дипломата пошлют в миссию, если его жена будет отбывать каторгу по обвинению в убийстве...

Родион готов был поклясться, что по телу дипломата пробежала нервная дрожь. А может, показалось.

– Вы полагаете, что Катя... Аврору... – запнулся Ипполит.

– Именно так. От вас зависит вырвать доказательства ее невиновности...

– Сделаю все, что смогу.

– Напомните, что подарили Авроре Евгеньевне?

– Великолепный подарок! Подробное рассмотрение Балканской политики России.

– Жду вас завтра в участке... Да, и вот еще что: Грановский левша?

– Он оберукий, – сказал Делье, так и не подобрав иного слова. – Показывал в клубе фокус: писал двумя руками одновременно. Забавно...

– Раз у нас вышла искренняя беседа... – Родион сделал паузу для понимания значительности момента. – ...Позвольте узнать, что за кольцо со змейкой носите? Масонский знак?

Ипполит замялся.

– А я надеялся, что мы откровенны... Жаль...

– Меня обучили нагнетать... сексуальный заряд, – совершенно серьезно сказал Делье. – Кольцо запечатывает его. Оно связывает высшие силы космоса с моим естеством в единый жгут, как змея, кусающая хвост. Мужская сила значительно укрепилась. Можете проверить...

Проверять Родиону вовсе не хотелось, но в силе мадам Гильотон убедился наглядно. Такая женщина добьется, чего угодно руками оболваненного мужчины. Не зря попала в сахарный пасьянс. Следовало бы

усомниться в светлом будущем русской дипломатии, но юному сыщику было не до этого. Закрутившись, он совсем забыл, что Софья Петровна могла телефонировать в участок. Быстро простившись с дипломатом, в котором была запечатана сексуальная энергия, Ванзаров кинулся за извозчиком.

Тот, кто хоть раз приглашал даму на свидание, знает: самое сложное придумать, чем ее развлечь. Родион столкнулся с двумя бедами сразу. Первое свидание может стать и последним, если Софье Петровне будет скучно. Угадать вкусы девушки, так мало зная ее, – задача похлеще обнаружения законов мироздания. Чиновник полиции с ужасом понял, что понятия не имеет, как доставить барышне удовольствие. Невинное, разумеется, и без всяких грязных смешочков, пожалуйста...

Нельзя же примитивно гулять по Невскому или в парке прохладиться, к тому же, барышня может не захотеть афишировать их знакомство. Оставалось выбрать развлечение из тех, что предоставляла столица. Выбор был велик, но сложен.

Например, открылся музей-паноптикум. Среди прочих тысячи забавных новостей в нем показывали мальчика-великана Карла Ульбрихта. Двенадцати лет отроду, он весил уже четыреста фунтов и достиг роста двух аршин четырнадцати вершков. Также там были представлены русские лилипуты, укротительница змей г-жа Башкирова и анатомическое отделение, в которое пускали только взрослых. Вход стоил тридцать копеек, а для дам – и вовсе гривенник. Прикинув, как небесная Софья Петровна будет пугаться всякой гадости, которую демонстрировали на потребу невзыскательной публики, от этой идеи Родион отказался. Лучше уж в кунсткамеру сводить.

Далее по списку следовал ресторан. Уж если приглашать барышню на первое свидание, то не в какой-нибудь трактир, где чего доброго случится безобразие, а к самому Палкину. В этом знаменитом заведении сегодня вечером обещали приличный обед. Предполагались: суп-крем «де воляй», «студень царская» из стерлядей, филе «Ришелье» под соусом перегию, жаркое из фазанов и мелкой дичи, а на сладкое – парфе б la Соловьев. Прием блюд услаждала игра струнного оркестра лейб-гвардии Преображенского полка под управление капельмейстера. Стоил такой обед на две персоны чрезвычайно дорого: пять рублей. Родион и от этого решил воздержаться потому, что к обеду полагалось неограниченное количество водки. Он хоть знал меру, но мало ли что, все же первое свидание, а тут – водка. Рюмка-другая пролетит, и не заметишь. А что подумает барышня? Подумает: пьет чиновник полиции, как лошадь, нечего с ним водиться.

Оставались развлечения духовного порядка, например концерты и

спектакли. Но в этом лесу Родион плутал, как беспомощный козленок. Не то, чтобы он совсем не отличал оперу от драматического театра, а их обоих от варьете, но проку в них не видел никакого, а потому не интересовался. Правда, слышал, что в столицу приехал с гастролью замечательный негр, имевший бешеный успех у публики. Соль номера была в том, что негр пел, под конец чихал, и из носа вылетали настоящие искры. Но зажгут ли эти искры нужный костер в сердце Софьи Петровны? Грызли сомнения.

И тут на глаза замученному юноше попался газетный заголовок: сегодня вечером знаменитому и непобедимому борцу Моору, которого величали не иначе, как «Еруслан Лазаревич XIX века», между прочим, бросал наглый вызов некий Робине. Вызов был составлен в грубой форме, на кону стояло пятьсот рублей, а потому зрелище обещало быть чрезвычайным. Судьба свидания была решена. И как раз вовремя.

Чиновник Матько, хитро смежив глазки, сообщил, что господина коллежского секретаря просят к телефону приятная дама. Ангельский голос, как показалось разгоряченному юноше, выяснил: нет ли у Родиона Георгиевича срочных дел или обязательств, и будет ли ему удобно... Родион чуть копытом не бил от нетерпения, хорошо, что копыт от природы не досталось, и сдержанным тоном сказал, что им можно распоряжаться, как будет угодно. А Софье Петровне было угодно, чтобы кавалер забрал ее от Соколова.

В панике Родион стал лихорадочно соображать: полагаются ли конфеты или цветы на первом свидании, потом плюнул, в спешке прошелся платяной щеткой по местам, которые достал, и кинулся за извозчиком.

Из парадного подъезда меблированных комнат выпорхнула на Невский такая красавица, что у Родиона дух перехватило. «Неужели эта роскошная дама будет со мной на свидании?» – остатками мозгов подумал он. И свихнулся окончательно. И было от чего.

Софья Петровна постаралась. Она предстала в костюме из плиссированного газа цвета «маис» на чехлах из тафты того же цвета, широкая юбка-клош без всякой отделки и корсаж, надеваемый вниз, перед его свободно задрапирован белым, широким кружевом, образующим на спине род берта, и ниспадающий на рукава в стиле «жокей». Пышные, короткие рукава-ballon были украшены изящными бантами из черного атласа на плечах и у локтя. Талию схватывал черный атласный кушак, воротник-рюш из черного газа, отделан вместо шу – пунцовым маком. Длинные белые перчатки и большая шляпа из соломы, отделанная плиссированным газом цвета «крем», с пунцовым маком и зеленью. Изящный зонтик из шелкового газа цвета «маис» завершал впечатление.

Есть от чего задохнуться, не правда ли...

Скатившись с пролетки, одион Родион припал к ручке и ощутил аромат каких-то новых и свежих духов, ему неизвестных.

– Что мы будем делать? – с милой улыбкой осведомилась Софья Петровна, радуясь произведенному эффекту и стараясь незаметно унять разгоряченное дыхание, словно от торопливых сборов.

Чиновника полиции охватила паника, ему показалась, что выбор неверен и вести даму на борьбу – верх безумия, надо что-то придумать. Родион краснел на глазах, рискуя обогнать цветом маки платья, но ничего не мог выдумать, кроме как предложить:

– Не изволите отужинать в «Палкине»?

Хорошенькие губки слегка надулись, васильковые глазки подернулись печалью, и Софья Петровна с мягкой нежностью намекнула, что вечер в ресторане – это не то, о чем может мечтать девушка.

– Ну, тогда поедемте в Измайловский сад, там сегодня французская борьба, замечательные атлеты, – в отчаянье проговорил кавалер, ожидая, что вот сейчас прогонят совсем.

Софья Петровна обрадовалась искренно. Войдя в пролетку, как принцесса на трон, потеснилась, чтобы и Ванзарову нашлось местечко. К ужасу и восхищению Родион ощутил, как теплая и мягкая часть женского тела доверчиво прижалась к его ляжке. Из-за тесноты, разумеется. Без пошлости, попрошу...

Ну, так вот... О чем мы? Ах, да... Софье Петровне мало показалось этакой пытки, и она устроила свою ручку под локтем чиновника полиции. Родиона кинуло в кипящий котел, из которого он вынырнул помолодевшим, хотя куда уж больше.

Пролетка тронулась. Хитро подмигнув, Софья Петровна сказала:

– Ну, кавалер, развлекайте меня...

Блея и заикаясь, Ванзаров начал плести околесицу о погоде и международной политике, Абиссинскому вопросу и Балканскому вопросу, но барышне стало скучно.

– Лучше расскажите, как ищете тех страшных преступников, что зарезали кого-то на Невском и бедную женщину отравили.

Чиновник полиции объяснил, что дело очень темное. Но скорее всего убийца – ближайшая подруга погибшей, хотя не все так просто, и за ней, возможно, кто-то стоит. Что же касается юноши, то здесь пока полный туман: известно, что он велосипедист, но и только.

С глазами, полными восторга, как показалось Родиону, кому же еще, Софья Петровна потребовала подробностей, до которых женщины большие

любительницы. Не называя имен, Ванзаров удовлетворил ее любопытство. После чего барышня стала щебетать не умолкая. О чем она говорили дальше, Родион не помнил. Как не помнил, что происходило на ринге, и кто выиграл. Несмолкаемый шум, публика, надрывающаяся от восторга, ароматы пота и опилок – все это осталось смутными мазками. Потому что главная картина была так хороша, что кроме нее ничего не хотелось знать: все те же васильковые глаза. А вы что подумали? Надо же войти в положение Родиона, в самом деле.

Вечер пролетел, как одно мгновение. Софья Петровна яростно болела, хлопала и даже свистнула в два пальца, чем умилила несказанно. Родион бегал за прохладительным лимонадом, за пирожным, еще за какой-то прихотью, но это было в удовольствие. Он готов был к разгулу до утра, с цыганами и медведями, или как там полагается, когда душа рвется наружу. Но Софья Петровна благоразумно попросила отвезти ее назад.

Ступив на тротуар Невского, она взяла его руку и сказала:

– Вам, Родион Георгиевич, очень бы пошли усы.

Ванзаров обещал завести их не откладывая, прямо с утра.

А дальше случилось невообразимое: барышня, чуть приподнявшись, чмокнула разгоряченную щеку.

– До завтра? – спросила она, улыбаясь. – На этом месте. Только теперь я вас повезу. Ну, прощайте... Спокойной ночи...

Родион пролепетал вежливую абракадабру, а потом еще с полчаса торчал, приходя в себя. Пока мутные фонари газового света перестали плясать перед глазами радостными солнышками. Опустошенный душевно и материально, так что даже не осталось полтинника на извозчика, юный сыщик побрел к себе домой на Садовую.

Так хорошо ему никогда не было. Он пообещал запомнить этот волшебный вечер до самой смерти.

Посредине всей Большой Конюшенной улицы стараниями городской Думы разбит узкий бульвар с хилыми деревцами. Для удобства публики кое-где расставлены деревянные скамейки. В этот час прохожих почти не осталось. Младший городской Ермилов, поставленный в ночной пост на угол Невского, заметил, что на одной из скамеек виднеется нечто белое. Но интересоваться не стал.

При очередном обходе через четверть часа, Ермилов разглядел, что пятно было светлым платьем. Барышня, прилично и даже богато разодетая, судя по всему, наслаждалась вечерней прохладой и белой ночью. Городской не стал ее беспокоить. Мало ли что: поссорилась с мужем, вот и гуляет. Ведет себя тихо, без безобразий, не пьяная. Порядок не нарушен – это главное.

До утра городской еще раз пять проходил мимо, посматривая и прислушиваясь. Ветерок играл цветочками на соломенной шляпе и оборкой платья, но барышня не шелохнулась, сидела так покойно и невозмутимо, что Ермилов не решился беспокоить. Рассвет она встретила на скамейке. Пока к городскому не пришла утренняя смена.

Ермилов доложил старшему городскому Семенову, что ночь прошла без происшествий, вот только дамочка странная на скамейке.

Семенов глянул, внутри у него что-то екнуло, и он торопливо зашагал к середине бульвара. Сменяемый поспешал следом.

Педалаж

«Для того, чтобы достичь действительно блестящих результатов в езде, невозможно обойтись без педалирования. И потому новичку необходимо, как только он научится ездить вперед, тщательно следить за стопой и по мере возможности развивать ее работу».

Там же.

Неженатые чиновники департаментов Министерства внутренних дел могли снимать на квартирные деньги, добавляемые сверх жалованья, скромное холостяцкое жилище. Какое и досталось Ванзарову. У него имелась маленькая гостиная, крохотная спальня и кабинет, такой тесный, что еле удалось впихнуть письменный стол. Про кухню и говорить нечего: половину занимала дровяная плита. И только зря переводила место. Готовить на ней все равно было некому. Кроме воскресений и праздников, когда его ждал несравненный обед в родительском доме, питался Родион в трактирах поблизости, или обеда, в час ужина, приносила жена отставного титулярного советника, жившего на последнем этаже. Плата за еду была скромной, а на вкус – домашняя. Чего еще желать! А как же прочие бытовые мелочи? Они решались, на удивление, просто. Обстирывали его прачки из соседней прачечной, костюмы и рубашки шил портной с первого этажа, ботинки чистил сапожник на Сенном рынке, так что Родион Георгиевич был вполне самостоятельным мужчиной в расцвете лет, который героически обходился без забот маменьки. И кто, скажите, от такого счастья захочет жениться? Так ведь нет...

Ночь Родион спал плохо. И не оттого, что боялся предсказаний мадам Гильотон. Страх чиновнику полиции не ведом, как известно. К тому же в мистику он верил куда меньше, чем в логику. Иное мешало закрыть глаза, рождая диковинные видения, и заставляло бегать с голыми ногами на кухню испить водицы. Родиона распирало незнакомое чувство, как забродившее вино – хлипкую бочку. Что это было, он и сам не мог объяснить. Но только казалось, что начнется такая счастливая, безмерно прекрасная жизнь, в которой будет только любовь, семья и прочие сладости. Ванзаров словно опять объелся вареньем, как однажды в имении бабушки. Только тогда живот выворачивало наизнанку, и язык прилип к небу, а тут сердце готово было плясать краковяк. И сил как будто прибавилось.

Вскочив с кровати, он обнаружил, что следа бессонницы нет и в помине, а тело кипит энергией и призывает к подвигам, какие запланированы на сегодняшний день. Родион скинул ночную рубаху и вылил на затылок ведро ледяной воды. Удовольствие оказалось менее ожидаемого, но чиновник полиции только заржал во все горло. Надев все чистое, словно на прием в министерстве, он собирался провести день в

участке, наводя справки и выясняя биографические подробности лиц, попавших в поле зрения следствия. Чтобы к вечеру быть свежим и полным сил. Так много ожидалось от сегодняшнего свидания. Вполне невинного – прошу заметить, ожидалось.

Насвистывая мотив неизвестного композитора, Ванзаров спускался по лестнице, приятно размышляя, какой трактир выбрать на завтрак, когда навстречу попался господин в потертом пиджачке и неприлично заношенных брюках. Домовладелец Крюкин перешагнул счастливую черту, за какой у мужчины не спрашивают возраст и позволяют не следить за собой. От чего на изъеденной оспой физиономии клочками торчала растительность. Крюкин поклонился, как барину, и, раззявив улыбкой беззубый рот, пожелал «чудесного утра и множества успехов». Родион кисло поблагодарил, хотел обойти, но дорогу вежливо преградили.

Надо сказать, что дом был доходным, то есть Крюкин сдавал квартиры за плату. Чем и бессовестно пользовался. На Родиона полился поток жалоб о том, что времена настали тяжелые, на рынке все дорожает, деток кормить практически нечем, а извозчики совсем обнаглели, так что бедному домовладельцу – хоть в петлю лезь. И спасти его может три рубля, которые бы надо бы, добавить бы, за каждый месяц бы сверху, вот бы хорошо, было бы...

Чтобы отделаться от липкого субъекта, который будет канючить, пока не добьется своего, Ванзаров сказал:

– Да-да, конечно, я не против... – и побежал поскорее.

Надо открыть печальную истину: обладая обширными познаниями и отлично разбираясь в логике, в практических вопросах быта Родион был беспомощен, как ребенок. Обмануть его ничего не стоило приказчику. А уж такой волк, как домовладелец, проглотил и не заметил. Ну, что тут поделывать... Только жениться.

Погода стояла изумительная. Жара отступила, было тепло и безветренно. Воздух услаждался ароматами Сенного рынка. Ванзаров вздохнул полной грудью и чуть не поперхнулся: напротив ворот возвышалась фигура господина Делье.

Ипполит Сергеевич выглядел с иголки, но вид имел мрачный, если не сказать взволнованный. Под дипломатической маской равнодушия, тревожно билось плохо скрываемое беспокойство. Однако весь церемониал светского приветствия был проделан без малейшей поблажки.

– Как вы меня нашли? – спросил Родион и тут же понял, как глупо прозвучал вопрос из уст великого, в ближайшем будущем, сыщика. Конечно, Борис Георгиевич адресок указал. Кто же еще на такое способен.

– Надеюсь, не сильно вас беспокоил? – не мог выбраться из реверансов Делье.

Следовало бы сказать, что дипломат беспокоил яичницу, которая уже шипела в трактире, но для этого Родион был слишком хорошо воспитан. И только спросил:

– Что-то случилось?

– Даже не знаю, как сказать... Понимаете... Возможно, и ничего...

Ох, уж эти дипломаты! Тянут и тянут резину. А потом публика удивляется: отчего это мирные переговоры длятся годами.

– Просто скажите, что произошло. Надеюсь, не стали бы утруждать себя, чтобы сообщить мне с утра радостную весть о подписании мирного договора между Японией и Китаем?

– Екатерина не ночевала дома, – выпалил Делье и уже не останавливался...

Вчера вечером, около восьми, когда вернулся со службы, нашел Екатерину Павловну в состоянии крайнего возбуждения. Он потребовал объясниться. Произошла бурная сцена. Муж хотел правды и ничего, кроме правды, но супруга на все вопросы отвечала крайне невнятно. На прямое обвинение в убийстве Авроры только рассмеялась и сказала, что юноша Ванзаров кому угодно задурит голову. Якобы она не имеет к этому никакого отношения. Делье стал требовать назвать имя любовника, но она резко оборвала. Случилась обычная семейная сцена, когда уже не понятно, кто прав, а кто виноват, обвинения сыплются градом, припоминаются забытые обиды и прочие радости. Скандал, что уж тут скрывать, длился не менее часа. После чего воюющие стороны пришли к относительно примирению. Екатерина принесла страшную клятву жизнью их сына, что в смерти Авроры не повинна, как и ее любовник, которого она не хочет называть, чтобы не ранить дружеские отношения Ипполита Сергеевича с ним. То есть скандал закончился на спокойной ноте. Екатерина не выбегала на улицу вся в слезах, схватив, что попало по руку, а тщательно оделась и вышла.

– Обещала вернуться не позже десяти, но ее нет до сих пор, – закончил Делье.

– Ничего не забыли?

– Ах, да. Она сказала, чтобы я напрасно не тревожился. «Все кончится, не пройдет и двух дней», – сказала она. И добавила, передать это вам.

Все-таки Екатерина Павловна очень умная женщина. Хотя стоило взглянуть на Ипполита, чтобы понять: за спортивного тюфяка с деньгами и хорошей карьерой выйдет только сообразительная барышня.

– Возможно, она скрыла обиду и решила не ночевать дома, чтобы отомстить вам, женщины это могут, – сказал Ванзаров. – Меблированных комнат и гостиниц достаточно.

– В таком случае, Катя так бы прямо и заявила.

– Она могла поехать к детям на дачу. У нее были с собой деньги?

– Первый поезд в десять утра.

– Переночевала в «меблирашках» и сейчас ждет на перроне.

– Без дорожного платья? В том же костюме для городских прогулок? – поразился Делье так, словно ему открыли государственную тайну. – Это решительно невозможно.

– Остается еще вариант... Самый простой... Она провела ночь у любовника, извините. Или у подруги.

– Но для чего ей, в таком случае, шляпная коробка? – спросил Делье. – Могла бы взять саквояж.

Случись такой разговор позавчера, чиновник полиции не обратил бы на эту деталь пристального внимания: мало ли, куда надо отнести женщине коробку. Но, зная, как стали опасны нынче шляпные коробки от мадам Живанши, Родион ощутил смутную тревогу. Что-то подсказывало, что спокойный день за бумагами отменяется.

Нахмурившись, как только мог, Ванзаров сказал, что это тревожный знак, говорит о многом. Делье, кажется, испугался до нужной кондиции. Такой, чтобы не возражал и не спорил, когда от него потребовали немедленно вернуться домой, и не покидать квартиру до тех пор, пока не появится Екатерина Павловна или сам Ванзаров. Сидеть, как под домашним арестом, на службу телефонировать, что приболел. Дверь никому не открывать, даже знакомому. Впустить только супругу, если вернется, и сразу дать знать в участок.

На всякий случай Родион лично подсадил Делье в пролетку и приказал извозчику гнать, что есть мочи.

Старший городской Семенов поднялся по служебной лестнице на верхнюю ступеньку. Дальше двигаться некуда, офицером ему не быть. По сравнению с младшими городскими и просто городскими, которые ютились по четыре-пять человек, или того хуже – в казармах полицейских рот, он жил роскошно, то есть снимал собственный угол у многодетной семьи на последнем этаже доходного дома. Это была единственная радость. В остальном – служба по десять часов, выходной раз в месяц, в мороз и жару – на улице, жалованья хватало только на еду, а еще обмундирование самому покупать. Ни будущего, ни света, ни радости, тяни ляжку, и головы не поднимай. Семенов не вспоминал, что призван защищать общество и закон. Просто жил, как мог. А потому брал там, где мог, и с кого только мог. По натуре Семенов не был вором или негодяем, но обстоятельства, в которые его загнали, вынуждали думать о собственной шкуре и прибавке к нищей пенсии. Старший городской потихоньку откладывал денежку, добытую по-всякому, и мечтал об одном: купить домик в деревне, жениться и просто пожить по-человечески.

Но сегодня утром случилось невозможное. Ему вырвали сердце. Как только Семенов подбежал к скамейке и рассмотрел личико, покрытое мраморной бледностью, старшего городского словно подменили. Еще вчера он дышать боялся вблизи этой красоты, куколки, а не женщины. Готов был псом лечь у ее ног, хоть и понимал, что на полотняный кафтан да околыш дама даже не взглянет. Все одно, ему было так хорошо, что живет такая красота, и он был рядом с ней. Но это было вчера. А сегодня она, бедная, сидит на лавке остывшая, и глазки остекленели.

Желание отомстить неизвестному извергу и душегубу заставили Семенова строго выполнять то, чему обучали в школе городских. По свистку общей тревоги он собрал всех постовых, чтобы были в округе, и приказал оцепить место в десяти шагах. И близко не приближаться никому. Ротозей и любопытные жестко гнались прочь. Семенов прикинул, что в участке есть чиновник, которого местные не любят и побаиваются. Но старший городской был уверен: юнец, который и ему-то был не по душе, сумеет отомстить за его куколку. Хотя, какая она «его», так, фантазии...

В участок Родион прибыл только для того, чтобы составить план действий. Предстояло решить: искать Екатерину или ее новую жертву. Вариантов было немного: навеститься к Хомяковой, в «Смерть мужьям» и,

на всякий случай, к сомнамбулистке. Вдруг опять что-то «видела». Очень хотелось навестить Карсавина, но пока было не с чем, а подсказок от доктора ждать не приходилось. А если все живы, и Екатерина нигде не появлялась, что делать? Поднять городскую полицию для розыска пропавшей – пристав не позволит. Да и рано еще, вдруг найдется. Придется рассчитывать только на свои силы.

Родион не дошел до стола, как услышал крики, долетавшие со второго этажа. Пристав был чем-то разгневан, всех слов было не разобрать, но краткое «труп», прозвучало отчетливо.

– Что-то случилось? – спросил он Кручинского, вальяжно развалившегося на стуле.

Чиновник подмигнул:

– Наш негодует... Ох, и достанется теперь Семенову.

– Это кто такой? – не понял Родион.

– Старший городской, громадный детина, ну, помните. Такую подлость «Желудю» подстроил. Представьте, сегодня утром на Большой Конюшенной нашли мертвую девицу. Так он, вместо того чтобы вызвать санитаров, и дело с концом, поставил оцепление, да еще требует, чтобы чиновники прибыли.

– Вас, Родион Георгиевич, непременно требует, – добавил Матько, сахарно улыбаясь. – По дружбе, не иначе. Водите знакомства с городовыми? Экий вы демократ. Популярны в народе.

Смутное чувство тревоги, зашевелившееся при словах «мертвая девица», разбушевалось вовсю. Логика постаралась.

– Почему меня? – спросил Родион, еще надеясь, что обойдется.

– Семенов передать «велел», представляете, какие у нас вольности теперь в участке, – Кручинский указал кого за это благодарить, – что померла барышня, которую привозил к вам на допрос.

– Господин подполковник в бешенстве, будет требовать вашего перевода, – сообщил с милейшей улыбкой Матько.

– А то с вами такой урожай трупов! Прямо не знаем, как разгрести, – добавил Кручинский.

Сорвав рожок телефонного аппарата и дождавшись, пока в Департаменте полиции подзвонят к телефону криминалиста, Ванзаров, не здороваясь, сказал:

– Аполлон Григорьевич, вы нужны немедленно на Большой Конюшенной... Беда...

Народ толпился в отдалении. Самые любопытные вытягивали шею, чтобы рассмотреть. Так ведь это интересно: труп на улице. Хорошо еще репортеры глаза не продрали, набежали бы с блокнотиками и вопросами, началась бы кутерьма.

Семенов выделялся над толпой ростом. Ванзаров отблагодарил за примерно выполненную службу. Обычно постовые не так расторопны. Старший городской хмуро пробурчал «рады стараться, ваше благородие», но Родион готов был поклясться, что в глазах мужика злобного вида стояли слезы. Кратко доложив, как обнаружил тело, Семенов подозвал младшего городского Ермилова, оставленного без отдыха. Паренька, осоловевшего от бессонной ночи и взбучки, мучить вопросами было бесполезно. Он пробормотал, что девицу заметил еще с вечера, но подходить не стал. Кто был с ней и когда оказалась на скамейке – не заметил. Да и что замечать? Ну, сидят себе мирные обыватели, порядок не нарушают.

– Что ж, ты, всю ночь мимо нее бродил? – прорычал Семенов. – Не подошел даже узнать: может, помощь какая нужна, растяпа. Может, она еще жива была.

Ермилов печально сопел и молчал. Что тут скажешь: ну, вышло так, все мы задним умом крепки. Глупость – не наказуема.

– Так ведь мимо нее никто не ходил, – стал он оправдываться. – Ну, я и вот... Разве можно... Ваше благородие... Ну, что ж...

Оставалась надежда, что в лавках и магазинах напротив что-то могли видеть. Надежда призрачная: в такой час они уже закрыты. А квартиры обходить – заранее бесполезно. Кто там что разглядит через окна. Ночь, хоть и белая, но фонари-то газовые.

Оставив паренька на растерзание старшего городского, Родион зашел за оцепление. Ступать следовало на краешках носков, как по шаткому болоту. Чиновник полиции честно пытался изобразить цаплю.

– Можете не стараться, земля на бульваре утрамбована в камень, дождя не было, все засохло до неприличия, – довольно громко сообщил Лебедев. – Следов не найдете. Почти... Взгляните?

В полушаге от ботиночек жертвы виднелась крохотная ямка, даже не след, а намек на женский каблучок. Вокруг него слабо читался контур мужской подошвы.

– Прогуливаясь вечером, дама присела на лавку, поздоровалась, но ей

не ответили. Она испугалась и быстро ушла. Ее след попал как раз по ноге убийцы.

– Похоже на то, – согласился криминалист. – Жаль, гипсовый слепочек выйдет плохим.... Скажите спасибо, что городской толковый попался, а то бы неделю искали пропавшую по моргам и больницам.

– Полицейская собака никуда не приведет?

– Приведет. К сапогам городского. А вы как думали?

Ванзаров не думал, а старался найти повод оттянуть неприятный осмотр. Екатерина была спокойна особой, умиротворенной красотой, словно отдыхала, и только приоткрытые глаза смотрели в никуда. На ней был модный костюм из блестящей шелковой материи белого цвета с тонкими зелеными полосами, образующие крупные клетки. Широкая юбка-клош совершенно гладка, корсаж короткий, одеваемый под юбку, перед немного свободный, отделан зелеными лентами, начинающимися по обе стороны воротника петлями и ниспадающими в виде довольно широких бретелей до кушака из зеленой же ленты. Перед корсажа между бретелями покрыт белым кружевом гипюр, которое доходит до середины груди и заканчивается мысом; полукороткие рукава-ballon пышные у локтя и стоячий воротничок. Светлые длинные шведские перчатки, большая из белого тюля шляпа, отделанная зелеными, блестящими лентами и цветами белой и розовой гвоздики. Городовому Семенову было от чего прийти в отчаяние. Не правда ли...

– Ее отравили?

Вместо ответа криминалист указал на лиф. Под левой грудью плотно уселся шарик бронзового отлива, на котором виднелись три черточки. И без экспертизы понятно: удар нанесен той же рукой, что срезала Пашу. На скамейке – куда проще и удобнее. Быстрое движение левой, и никто ничего не заметит. Даже если бы по бульвару гуляла толпа народа. А в поздний час и подавно. Убийца мог себе позволить поцеловать руку, изобразив прощание, и не спеша скрыться.

– Что думаете, Аполлон Григорьевич?

– То же, что и вы, коллега... Не стесняйтесь, мне приятно слушать, как вы рассуждаете...

– Убийца обладает не только сильной рукой, но и завидным хладнокровием. Выбирает публичные места. Действует быстро и надежно. Без всякого сомнения, хорошо знаком с жертвой.

– Одно не могу понять: зачем ему пользоваться таким странным оружием? – сказал Лебедев. – Это серьезная улика. Когда его поймают и доведут до суда, отказаться от нее будет невозможно. И адвокат не

поможет.

Ванзаров внимательно осмотрелся.

– Что-то потеряли, коллега? – спросил криминалист, вооружаясь сигаркой и поднося трость. Щелкнул кремень, потом еще и еще раз. Но вечная зажигалка служить отказывалась. Ее обозвали дурным словом и заменили спичками.

Потянуло никарагуанской вонью. Отечественная публика стала расходиться.

– У нее должна быть шляпная коробка, – сказал Родион.

– Посмотрите за скамейкой.

Но и там не было. Зато в траве что-то скромно блеснуло. Родион нагнулся и поднял серебряную коробочку для монпансье с вензелем «А.Г.».

– Изящная штучка, где такие берут? – заинтересовался Лебедев.

– Это мы спросим у того, с кем встречалась Делье. Строго спросим... Позвольте заглянуть в сумочку.

Атласный мешочек с волнистыми рюшами в цвет платья, был вытянут из затвердевшей руки и покорно сдался грубому мужскому вмешательству. Хранил он совсем немного тайн. Кружевной платочек, несколько купюр, помятую записку и счет из модного салона «Смерть мужьям». Устрашающей метки с розочкой и сцепленными стрелками не нашлось. Она и не требовалась. Тот самый черный цветок горел в голове скучного счета, выписанного за корсаж, юбку, шемизетку, кушак, фишу а-ля Мари Антуанетта, перчатки и шляпку, всего на 95 рублей. Стоило оторвать верх, да нарисовать стрелки, и, пожалуйста – страшная метка.

В записке не нашлось ничего таинственного: «Дорогая Белка! Мне надо видеть тебя по очень срочному делу, связанному с Куничкой. Не откладывай на потом! Удивишься, почему это так важно! Твоя Ночка».

– Что-нибудь любопытное? – спросил Лебедев, разглядывая пальцы Екатерины.

– Нет, – равнодушно ответил Родион. – Обычные улики, изобличающие убийц.

Аполлон Григорьевич одарил юношу строгим взглядом, чтобы не очень-то зарывался, но тот спросил:

– Вам в гимназии дали кличку?

– Таких смельчаков не нашлось... А вам?

– «Мишка», – печально вздохнув, признался Родион. – Дети замечают главное в характере или фигуре. Как клеймо – на всю жизнь. Надеюсь, барышни-смолянки не исключение... Скажите честно, разве похожа Грановская настолько на куницу, чтобы это стало ее кличкой?

– С точки зрения анатомии внутренних органов – ни капли! – криминалист приятно улыбнулся. – А живой не имел счастья с ней познакомиться... Да нет, скорее лиса, мордочка остренькая...

– Вот и я так подумал... Вы тут заканчивайте, а я поеду арестовать одного из убийц. Пока он не обнаружил ошибку и не скрылся.

– Уверены? – в голосе Лебедева не было дружеской поддержки.

– Вполне... В котором часу умерла Делье?

– Судя по температуре тела – около девяти вечера.

– Благодарю, этого достаточно...

Стало припекать. Над головкой, укрытой соломенной шляпкой с белыми и зелеными лентами, закружились ранние мухи.

Напоследок Ванзаров взглянул на умную и красивую женщину, в которую на мгновение влюбился, и пожалел, что ум ее оказался бессилем перед коварством. И ощутил что-то вроде смутных угрызений за то, что не верил ей и не защитил. Но распускать сопли чиновнику полиции неуместно.

Захватив городского Семенова, оказавшегося таким деятельным союзником, он взял пролетку и приказал на Литейный проспект.

Юный секретарь готовил срочные бумаги к дневному заседанию, когда дверь конторы сдалась под напором демонстративного удара, и на пороге показался тот самый неприятный господин. За ним маячил белый кафтан городского. Страж показался ростом с гору, видом с разбойника, да еще и злонамеренно держался за эфес шашки.

– Антон Сергеевич на месте и готовится, как всегда, защищать погранную справедливость? – развязно спросил незванный гость.

Пырьев хотел доложить, как положено, но ему не позволили. Заявив, что хочет сделать маленький сюрприз адвокату, господин без стука ворвался в кабинет.

Оторвавшись от бумаг, Грановский встретил визитеров без признаков робости и только спросил, чем обязан.

– Так ведь я с сюрпризом! – закричал Родион, откровенно фальшивя радость.

Адвокат остался спокоен.

– Господин Грановский, угостите конфеткой!

Механически потянувшись к карману пиджака, Антон Сергеевич отдернул руку:

– Прекратите паясничать. Иначе буду вынужден сообщить вашему начальству о вашем поведении.

– Угостите монпансье, – попросил Родион сухо и зло. – А то встретитесь с моим начальством быстрее, чем думаете.

Грановский стал шарить по карманам, выдвинул ящики стола и даже проверил за томами законов.

– Нет? Потеряли, наверно. Как обидно. Такая приметная вещь с вензелем. Хорошо, что смотрю под ноги, и вот подобрал на улице... – Родион показал серебряную коробочку. – Убедитесь, что ваша.

– Где вы ее нашли?

Старший городской тяжело задышал, там ему хотелось сломать шею этому франтику, но чиновник полиции предупредил: держать себя в руках до особого сигнала. Этот мальчишка все больше нравился Семенову: простой и дельный.

– Как думаете?

Адвокат отмолчался.

– В таком случае... – Родион мастерски сменил интонацию на

официальный тон. – Прежде чем оглашу вам, господин Грановский, обвинение, прошу ответить: что вы делали вчера между девятью и десятью часами вечера?

– У меня была деловая встреча.

– Назовите имя. Отговорки не принимаются. А если попробуете, все дальнейшее будет происходить в участке.

– Раз так настаиваете... – Грановский принял позу, олицетворявшую само спокойствие. – ... Я встречался с Екатериной Павловной Делье.

– Где именно?

– Недалеко от ее дома, на бульваре Большой Конюшенной улицы.

– Зачем?

– Вам это так важно?

– Нет, это вам так важно.

– Мне скрывать нечего. Около восьми, или что-то вроде того, госпожа Делье телефонировала мне и просила встретиться, чтобы передать шляпную коробку для одной нашей общей знакомой. В салоне что-то перепутали, и шляпку той дамы прислали Екатерине Павловне. И соответственно наоборот. Госпожа Делье состоит в сложных отношениях с этой дамой, мужа она не может посылать за таким делом, он дипломат, как известно, а горничная отправлена на дачу к детям. Я счел, что дружеская помощь не будет обузой в такое позднее время.

– Что было дальше?

Антон Сергеевич пожал плечами:

– Получил коробку, откланялся.

– Доставили ее по назначению?

– Собираюсь сегодня. Екатерина Павловна сказала, что это терпит до нынешнего дня.

– Где короб?

– У меня на квартире, где же еще.

– Почему не отвезли сразу?

– Как вы знаете, у меня не те обстоятельства, чтобы делать светские визиты.

– Заглядывали в коробку?

– Как выглядит дамская шляпка, я представлю и без этого. Не достаточно ли вопросов? Наконец, объясните, что происходит и где взяли мою конфетницу? Это подарок матери. Я весь дом обыскал, чуть с ума не сошел.

Ощувив неуверенность, идущую от юноши, Семенов размял кулаки. Что-то мальчишке не совладать, уменья пока маловато. Давно пора бы

скрутить наглаженного мерзавца и душу вытрясти.

Старший городской был немного прав. К другому разговору готовился Родион: к запираательствам, отговоркам и отказам. Адвокат перехитрил. На ходу надо перестроиться и найти иной прием. Оставался последний козырь сыщика.

– Попробую угадать, кому предназначалась шляпка, – сказал он. – Госпоже Хомяковой, не так ли?

– Поздравляю, – Грановский хлопнул в ладоши. – Гениально. А теперь извольте объяснить свою выходку. Будьте как дома, располагайтесь, да и вы, господин городской, передохните, никто вашу шашку не отберет...

Игнорируя приглашение, Родион приблизился к столу и, упершись об его край, сказал прокурорским тоном:

– Как помните, Антон Сергеевич, вы числились у меня главным подозреваемым в смерти вашей жены. Но теперь станете главным обвиняемым по двум убийствам: Павла Хомякова, что произошло позавчера. И Екатерины Делье, которую вы убили вчера вечером на бульваре...

– Что вы сказали?! – спросил адвокат, не теряя каменного лица.

– Отдаю вам должное: хорошо сыграли горе при известии о смерти приятеля. Я поверил. И ведь позабыл, что адвокаты куда хуже актеров, те хоть за искусство кривляются, а вы – только за деньги. Имейте в виду: второй раз меня не провести. Уверен, что такой опытный человек, как вы, будете запираяться до последнего. Но обещаю: носом землю рыть буду, город переверну, что угодно сделаю, но заработаю для вас пожизненную каторгу.

По нутру и сердцу стал Семенову это мальчишка, хоть горяч и молод, зато толковый. Старший городской одобрительно запыхтел. Но приказ не нарушил. Только шашку сжал крепче.

– Облегчить свою участь можете только одним, – не сбавляя оборотов, продолжил Ванзаров, – хочу услышать от вас чистосердечное признание: кто принес Авроре Евгеньевне отравленные конфеты.

Словно не слыша, Грановский погрузился в протрацию.

– Ели вам тяжело вот так сразу излить душу, готов помочь. Эти конфеты принесла ваша любовница и сообщница Екатерина Делье.

Грановский будто очнулся:

– С чего вы взяли, что это была Катя? – вдруг спросил он.

– Только логика, – сказал Родион. – Ваша жена готовила мерзкую шутку при помощи Павла Хомякова, ее любовника, как понимаю. Но своими разговорами о жизни под страхом убийства, сильно напугала

умную и решительную Катю. Та начала действовать всерьез. И нашла сообщника в вашем лице. Не знаю, для чего понадобилось избавиться от жены, в любовь к Делье поверить никак не могу. Это мелочи. Важно другое. Вы отравили любимые конфеты Авроры, быть может, ее же ядом, а Екатерина Павловна принесла их в качестве подарка от себя, и сказала, что весь день будет дома одна. Аврора вызывает Пашу, чтобы начать шутку. Но ей не суждено было сбыться. Госпожа Грановская соблазнилась сладким и почти мгновенно умерла, прихватив с собой горничную. А Паша был зарезан на Невском около полудня. Признайтесь: приятно убить любовника своей жены?.. Можете не отвечать... Теперь факты. Вы владеете левой рукой, как правой, крепкий и физически сильный человек. Нанести удар в сердце – ничего не стоит. Но в одном просчитались. Выбрав редчайшее орудие убийства, словно поставили подпись. Я найду, откуда оно появилось, уж поверьте, и тогда вы будет полностью изобличены. Что же касается смерти самой госпожи Делье, тут проще простого. Она стала шантажировать или требовать чего-то большего, и вы решили избавиться от ненужного свидетеля. Прием отработан. Выманиваете ее вечером из дома и наносите удар. Наверняка, шляпная коробка – ваша идея. Нужна же причины для поздней прогулки и отвода глаз мужу. Только любой убийца оставляет след. Иногда его можно залить гипсом. Останется сравнить с ботинком, чтобы и изобличить окончательно.

– Великолепно. С такой фантазией вам бы адвокатом работать. Позвольте рассказать, как было дело?

Родиону требовалась передышка, он уступил.

– В то утро я вышел из дома как обычно, около девяти, – сказал Грановский. – Мы встретились с Катей на Большой Конюшенной, и поехала на острова. Катались часов до одиннадцати. Катенька сильно тревожилась за свою жизнь, и все спрашивала, как человека могут внезапно лишиться жизни. Около половины двенадцатого подвез ее к своему дому, чтобы она вручила изменнице подарок – какую-то дамскую книжку. И сразу уехал. Так, что в городском суде был без четверти двенадцать, не позже. Меня видели десятки людей, да и заседание без адвоката не начали бы. Могу указать извозчика, который нас возил. Я его часто беру...

Юный сыщик ощутил, как неприятно и даже омерзительно выглядит незыблемое алиби убийцы, которого, казалось, уже припер к стене. Если Грановский не убивал Пашу, а он физически не мог быть в то время на проспекте, то все остальное рассыпается, как песочный домик. Не поможет гипсовый слепок, который наверняка подойдет к его ботинку. И найденная конфетница – бесполезна. Не доказать, что она выпала именно в тот час. Да

и делать это бесполезно. Без убийства Паши у госпожи Делье не было никаких рычагов управления Грановским. Все, пусто.

– Теперь о конфетнице... – продолжил ровным, монотонным голосом адвокат. – Мы сидели с Катей на лавке, она рассказала об ужасной сцене, которую устроил Ипполит, обвиняя в смерти Авроры и прочем. По привычке я взял леденец, и она попросила тоже. В темноте сунул мамин подарок мимо кармана. Взяв шляпный короб, я предложил проводить ее до дома, все-таки было темно. Но Катя сказала, что хочет подышать воздухом. Я понял, что у нее была назначена встреча с кем-то, и не стал настаивать. Она умная и смелая женщина, такая не боится сидеть одна ночью на бульваре... Как она умерла?

– Удар в сердце, – ответил Родион, лихорадочно соображая, что теперь делать. – Просидела всю ночь на скамейке. Утром нашли остывшей.

Антон Сергеевич выругался не по-адвокатски грубо, достал пачку папирос, предложил Ванзарову с городовым и затянулся, глубокий и жадно.

– Пропади пропадом все это здоровье со спортом вместе, – сказал он. – Лишать себя последней оставшейся радости из-за велосипеда...

Про себя Семенов подумал, что если у этого господина в роскошном костюме, папироска – последняя радость, так ему грех жаловаться. По службе даже рюмка водки в день полагается. Ну, а мыслишки Родиона мы оставим в покое, не до того ему сейчас...

– Почему соврали, что не узнали визитку мадам Гильотон? – как за спасительную соломинку ухватился Ванзаров. – Вы же ее адепт. Или как там называетесь...

– В тот момент мне как раз не хватало расспросов: что связывает мою жену и знаменитую гадалку. Я защищался от вашей въедливости. Извините за откровенность...

– А что...

– Могу теперь спросить я? – проговорил Грановский через затяжку. – Благодарю... Вы, Родион Георгиевич, без сомнения, умнейший и толковейший из всех полицейских, что я видел. Так вот скажите, какая может быть у меня причина убивать свою жену, а затем и любовницу? Ну, допустим, Катя стала шантажировать меня нашей связью. И что с того? По российским законам, как вам известно, мужчина может делать на стороне все, что захочет. Но Аврора была далеко не святой. Я всегда мог устроить двух свидетелей супружеской измены, потребуйся мне свобода и развод. Так в чем же мой мотив?

– «Куничка» – смольнинская кличка вашей жены? – вдруг спросил Ванзаров.

Адвокат промычал что-то неопределенное и принялся за вторую папироску. В кабинете стало не продохнуть.

– Собирайтесь, поедem сейчас же, – приказал чиновник полиции, очнувшись от размышлений.

Старший городской понял по-своему: накинулся и закрутил руку Грановскому. В лапах Семенова крепкий и не мелкий мужчина смялся, как пластилин, притом больно приложившись щекой об стол. Когда к большому разочарованию старшего городского неурочный арест был отменен, адвокат еще долго охал и тер вывихнутое плечо.

Хлипкий замок, испытавший стамеску столяра, поддался с хрустом. Ванзаров был спокоен. И не потому, что за спиной возвышался старший городской и недовольный Лебедев, вырванный из участкового морга от свежего трупа Делье. Родион, наконец, понял, почему логика опять завела не туда. Логика была не виновата. Она покорно изгибалась туда, куда нагнут. Нагибать вот только оказалось не полезно.

В квартире мало что изменилось. Даже букеты сохли на том же месте. Но возникло неуловимое ощущение запустения, словно Грановскому стало безразлично наступление беспорядка. Он вынес коробку в гостиную, спросив куда ставить, Родион указал на обеденный стол.

Старший городской редко имел дело с красивыми вещами. Все больше с пьяными рожами, беспаспортными бродягами, да осоловевшими извозчиками. Шляпная коробка поразила его не меньше брильянтового яйца Фаберже: этакое блестящее диво в синюю и белую полоску, да еще с бантом наверху. Денег наверно, стоит уйму. Вот бы поставить такую фантазию в его углу, смотрел бы и радовался. Несколько привыкнув к переливам атласа, Семенов заметил, что господа полицейские не испытывают к драгоценной вещи никакого почтения. Напротив, смотрят подозрительно и даже опасливо. А дальше начались и вовсе фокусы. Мальчишка-чиновник вместо того чтобы открыть, приложил ухо, хмыкнул, затем пригляделся к крышке, чего-то там нашел и подозвал верзилу расфуфыренного, которого сам Семенов остерегался, уж больно начальственный вид. Так господин Лебедев, хоть и важная птица, повел себя глупо: осмотрел крышку, затем ухо к ней приложил и стал подбородок тереть, будто в сомнении.

Для поддержания порядка городской оглянулся на адвоката, но тот не подавал признаков интереса, привалился к спинке стула в сторонке и голову подпер горестно. Видать, переживает человек, хоть и убивец.

Над коробкой стали совещаться.

– Какой-то шум заметен, – сказал господин Лебедев.

– Опять крыса? – спросил юнец.

– Не похоже, уж больно легкая, – опять сказал господин Лебедев.

Семенов решительно не понимал, что тут колдовать. Если сами боятся – дали бы приказ, он бы не оплошал. Зря, что ли, револьвер с шашкой таскает. Но старшего городского никто не спросил. Мальчишка вроде

потянул руки, чтобы бант развязать, но старший ему не позволил. И стал основательно готовиться. Снял пиджак, раскрыл чемодан здоровенный, что с собой притащил, вынул фартук из грубой кожи, перчатки с крагами и даже очки с завязками, что слесари надевают. Облачился, будто чучело, приказал Родиону, значит, отойти, дернул за бант и осторожно приподнял крышку.

Тут Семенову стало жутко любопытно, ради чего господин криминалист такое представление устроил, и он слегка пригнулся, как рыболов, следящий за поплавком.

Показался ворох мятой бумаги. Старший городской уже хотел раздосадоваться. Но из кучи вылетела черная молния, какую глаз не заметит, ударила в перчатку, отскочила и нанесла второй удар. Семенов так и замер на полусогнутых.

Быстрее всех среагировал Лебедев. Сжав кулак, с такой силой саданул по столу, что вазы с букетами подпрыгнули, и повалились кеглями. Черная лента, удиравшая стремительными зигзагами, дернулась, завилились упругим клубком, опала и затихла.

Подняв за хвостик упитанный жгутик, головка которого сплющилась в блин, Аполлон Григорьевич с живейшим интересом осмотрел побежденного врага:

– Если бы не буйволиная кожа, бился бы в конвульсиях, – сказал он весело. – Уж простите, Родион Георгиевич, уничтожил важную улику. Стыдно, но выбора не было. Пришлось идти по стопам пристава.

– Змея ядовитая? – спросил Родион так важно, будто привык иметь дело с питонами и анакондами, а не со всякой мелюзгой. – Очень опасно?

– Если только для человека некрупного телосложения. Такая вот гадюка. То есть, хочу сказать, царица наших полей – обыкновенная гадюка или *Vipera berus*.

– Сильно не ладила госпожа Делье с Анной Ивановной? – спросил Ванзаров адвоката, молча взиравшего на тело змеи. – Представляете, что ожидало госпожу Хомякову?

Не надо иметь богатое воображение, ну, как у нас с вами, чтобы представить чудесную картину... Получив посылку, женщина открывает, ничего не подозревая. А там – озлобленная духотой, жаждой и заточением змея. Стоило сунуть руку в ворох бумаг в поисках шляпки, как месть измученного гада (прошу не путать – всего лишь имя земноводных) была бы ужасна. Пара укусов – и Анна умирает мучительной смертью. Нет шансов, что в условиях города кто-то быстро и правильно спасет от змеиного яда. Расчет не просто точен, он – остроумен.

Потряся дохлой змеей как колокольчиком, Лебедев вдруг тихо сказал, себе под нос:

– Странно или глупо.

– Что именно? – встрял Родион.

– Госпожа Делье не знала, что яд гадюки вообще не представляет смертельной опасности, а летом так и вообще значительно слабеет. Укус доставил бы неприятность, боль или опухание, но ничего смертельного. Дурацкая шутка. Или очень неумелая попытка покушения. Делитантщина.

Принципиально эта новость ничего не меняла. Налицо – покушение. Родион знаками показал сохранить подробности в тайне и подошел к адвокату:

– А ведь Екатерина Павловна выставила вас прямым убийцей, Антон Сергеевич... Разве нет? Коробку принесли вы, доказать, что она принадлежит Делье – невозможно, все одинаковые. Тут и мягкосердечные присяжные не поверят... Использовала вас госпожа Делье, как ей было угодно. Вот и вся любовь. Защищать ее пытались... Может, расскажите про «Итальянскую ночь»?

– Катя не приносила конфет, слово адвоката, хоть вы ему не верите, – сказал Грановский внешне совершенно спокойный. – Мне надо кое над чем поразмыслить... Это столкновение на улице вчера вечером...

– Что за столкновение?

– Да, так, ерунда, случайность... Надо вспомнить, кто же... Простите...

Хозяин квартиры отошел к окну, словно не хотел, чтобы посторонние заметили, что творится у него на душе. Странное дело: Родиону стало необъяснимо жалко этого уверенного в себе мужчину, способного убедить двенадцать присяжных в невиновности отъявленного вора, но проигравшего хрупкой женщине, которая ловко и расчетливо использовала его. Быть может, таково наказание: не женись на институтке. А раз женился, не бери в любовницы жену приятеля, тоже институтку. Впрочем, кроме философских размышлений, на которые мы все мастера, в голове Родиона забрезжила пара идей, которыми срочно требовалось поделиться. Отозвав Лебедева, он сообщил:

– Знаете, почему Екатерина не сообщила Анне Хомяковой о смерти Авроры? Я думал – это осторожность убийцы, чтобы случайно не выдать себя ненужному свидетелю. Они же знают друг друга, как облупленные. Но причина другая.

Криминалист покорно ждал продолжения. И оно последовало незамедлительно.

– Делье собиралась убить вовсе не Аврору, а Хомякову и не хотела,

чтобы та стала осторожной! Жертва не должна быть настороже, жертва должна быть беззаботно спокойна.

– Странно и сложно, – тихо сказал Лебедев. – Выходит, Екатерина знала, что ее готовится убить именно Анна, и опередила. Но, как я понимаю, Аврора должна была убить барышню Делье, бедного Гоголя для нее же готовили. Значит, и Екатерина готовилась защищаться... Не клеится ваша версия.

– Наоборот! – горячо зашептал Родион. – Все очень логично. Просто пока не могу разложить... Но вам понятно, почему Паша прибежал в ангар за Гоголем, то есть Носом?

– Нет, – честно признался Лебедев.

– Хомяков вернулся к Авроре, чтобы натереть Гоголю зубы мышьяком, к которому животное было нечувствительно! Крыса – живая бомба для Делье. И вот что важно. Мы думали, что Паша шел куда-то, а он шел откуда-то, то есть от Грановской. Потому что ему не открыли! Аврора и горничная были уже мертвы. Что ему делать в маскарade и с коробкой? Велосипедист-гонщик не отличался быстрым умом, решил, что Аврора вышла на прогулку, ее следует поискать на Невском. И пошел.

– За что же его убили?

– Вот! Это самое интересное. Кажется, я знаю ответ. Но в этот раз не хочу спешить. Вы же сами советовали.

– А Катю Грановскую кто порешил?

– Какой вы хитрый. Нет уж, ничего от меня не добьетесь... Скажу лишь, что моя версия про посыльного с отравленными конфетами – не выдержала и лопнула. Но зато есть другая. Но вам не скажу...

Неприятно, когда из-под носа уводят самое вкусное. Лебедев сморщился и выразился в том духе, что не всем его советам надо следовать слепо. И вообще...

– Говорите, что хотите, но крыса, наевшаяся мышьяка, глупейший способ убийства, – добавил он. – Дилетантский, да. Гоголь мог мешками жрать мышьяк и только жиреть. Даже если на его клыках и осталась капля отравы, вреда от этого Грановской мало. Скорее нервное потрясение. И только.

– Хотите пари? – вдруг спросил Ванзаров. – Готов выкурить вашу сигарку, если в коробке нет «черной метки». А если есть – вы два дня не курите.

Это был вызов. Не снимая перчаток, криминалист кинулся ворошить бумажный ком. Как только шуршащий ворох пал на ковер, на днище коробке открылась прямоугольный клочок с черной розочкой и двумя

стрелками. Аполлон Григорьевич нахмурился и презрительно отбросил на стол.

– Шулер и вымогатель, – сказал он. – И еще колдун.

Победа над старшим товарищем принесла небольшое облегчение. Родион рискнул и поставил на логику и, на самом деле, играл с собой. Если бы «метки» не оказалось, это было бы куда хуже, чем отравиться никарагуанским дымом. Здание логики, только прораставшее на новом фундаменте, было бы сметено до основания. Что равносильно беспросветному тупику. Ванзаров сыграл в «пан или пропал». И вышел паном. Теперь была ниточка, хоть тончайшая, за которую можно тянуть. Только бережно и незаметно.

Настроение чиновника полиции поднялось. Подойдя к Грановскому, он сказал:

– Будьте осторожны...

– Что еще такое? – встревожился адвокат.

– Насколько мне известно, колечко со змейкой, что на вашем безымянном, возбуждает и запечатывает сексуальную энергию. Смотрите не взорвитесь теперь.

Антон Сергеевич не был готов к веселью, в глазах его мутно серела тоска.

– Это жестоко... – сказал он.

Родион и сам пожалел, что язык еще не обрел должной для чиновника полиции сдержанности. Извинившись, попросил адвоката остаться сегодня и завтра дома. Так будет спокойнее.

– Не могу, у меня процесс, заседание...

– Ничего страшного. Без адвоката – отменят... А если надумаете что-нибудь о нашем деле, дайте знать.

– Да, обязательно... Только мне надо самому кое-что понять.

Упаковав тело змейки в ту же коробку, где ей пришлось пережить мучительные часы, Родион узнал у старшего городского: может ли тот отправиться еще по одному адресу. Все, на что Семенов насмотрелся, было настолько интереснее торчания на улице и походило на настоящую полицейскую работу, что богатырь с удовольствием вытянулся перед мальчишкой-чиновником и доложил, что рад ему стараться.

Многие научные наблюдатели приходят к неизбежному выводу: нет более похожих и притом необъяснимых предметов, чем погода и женская натура. Сколько бы их ни предсказывали, результат всегда один: полная неожиданность. Ученые мужи бьются над разгадкой этого проклятия, но добились пока не более пшика. Погода и женщины остаются непредсказуемы. Пора бы и Ванзарову испить горькую настойку истины.

К этому мигу чиновник полиции собрал в один кулак все, что имел, а именно: факты, логику, волю и неоспоримые улики. Оставалось обрушить удар дубинки на хрупкую головку. Дверь распахнулась, и Родион маленько остолбенел. А старший городской удержался на ногах только силой воли. Было от чего мужчинам прийти в недоумение: в проеме вызывающе гордо стояла барышня в пеньюаре, который слишком прозрачно намекал на формы и выпуклости. Даже не намекал, а нагло демонстрировал. Легкая дымка материи манила сорвать покровы, накинуться и предаться фантазиям. Только древняя логика выручила юного сыщика. Трудно было предположить, что дама ждала Родиона, вернее – она ждала, но только не его. И уж тем более не верзилу в белом кафтане, который неумело прятал что-то за спиной.

Женщина и не думала смутиться. Не завизжала, не бросилась прикрывать трепетные места, и вообще не явила волнения, словно в этом доме встречать гостей голяком – добрая традиция. Она терпеливо ждала, пока мальчишка сообразит, что пляться на обнаженную даму на пороге ее дома – не совсем прилично, и спрячет глаза. А также запыхтит и залется румянцем. Все это Родион торопливо проделал, убедив, что управлять мужчиной, а особенно девственником – легче велосипеда.

– Что вам угодно? – спросила она таким тоном, будто Ванзаров с городовым заявили к ней, в чем мать родила.

Маленькая вдовушка не собиралась мучить себя трауром, а неплохо проводила время. Волевая женщина, освободившая себя от принципов и условностей – что может быть более опасным? Неплохо бы выяснить.

– На опоздание заеду завтра, после благотворительного бала, – сказала она. – Павла не вернешь, а я не хочу расстраивать нервы напрасно. Прощу простить...

Хорошенькая ручка попыталась захлопнуть дверь, но ботинок чиновника полиции притормозил.

– Требуется немедленно задать вам несколько вопросов, – сказал Ванзаров, неопределенно разглядывая пол. – Мы подождем в прихожей, пока вы оденетесь.

Госпожа Хомякова смерила зардевшего юношу взглядом, окончательно хоронившим зачатки его мужских достоинств, но остереглась угрожающе сомкнутых бровей Семенова и посторонилась. Обогнав незваных гостей, хозяйка впорхнула, словно царица фей, за которой развивался шлейф газа. Трудно сказать, обладают феи настолько упругой линией спины и округлостями, на которых она возвышалась. Мужчины подробно задумались над этим вопросом. Так, что Родиону пришлось звать на помощь васильковые глаза, а как справился Семенов, лучше и не знать. Русский мужик в некоторых вопросах опаснее быка перед красной тряпкой.

Анна Ивановна устроилась в подушках дивана соблазнительной наядой, но к облегчению юноши закинула ногу на ногу. Кончик гладкой ножки нацелился острием пальчиков. Или чувство стыда ей не знакомо, или точно рассчитанный ход.

– Должен официально предупредить, – сказал чиновник полиции, борясь с косоглазием, – все ваши ответы будут занесены в протокол. Господин Семенов может выступить в суде в качестве свидетеля, в случае отказа от данных показаний.

Угроза не отразилась на лице дамы и ветерком неуверенности.

– Смотрите, господин полицейский, не лопните от усердия. Или чего другого.

Это было целительное лекарство. Соблазнительная нагота как-то вдруг померкла, а перед ним оказался противник – без пола, возраста и прочих мелких различий. Противник уверен в своей силе и безнаказанности. Считает себя умнее и хитрее. Тем хуже для него. Родион перестал заставлять себя не смотреть, куда не надо. Атмосфера в гостиной резко посвежела. Анна это ощутила, съежилась и запахнулась плотнее в контур одежды.

– Что вы делали вчера вечером? – спросил Ванзаров так, словно сидел в комнате допросов на втором этаже участка.

Вдовушка позволила подумать.

– Ничего особенного, – наконец, ответила она.

– Извольте отвечать.

– Кажется, прогуливалась.

– В котором часу?

– Около восьми.

– До которого часа?

– Я не смотрю на часы. Наверно до десяти, или чуть позже. Потом легла спать.

– Где изволили гулять?

– Без всякой цели, по Дворцовой набережной. Вечер был чудный, у воды так хорошо.

– Кто это может подтвердить?

– Зачем такие сложности? Вам недостаточно моего слова?

– Вы были с любовником?

– Если угодно.

– Как добрались до дома?

– Он меня подвез. Мы простились у парадной.

– Больше ничего не желаете сообщить?

Анна насторожилась, чутко уловив подвох, но придумать выход не успела.

– Итак, позвольте подытожить, – сказал Ванзаров, усаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу, словно теперь он стал хозяином положения. – Ваш любовник Ипполит Делье в это время находился со своей женой и имел неприятную сцену, после которой Екатерина Павловна ушла из дома. Вы дали ложные показания, запомните это, господин старший городской.

Семенов наполнился важностью момента. Пообвыкнув к полуголой девке, ему захотелось крепко насолить за пережитое унижение.

– Совсем забыла, – быстро сказала Анна. – Я гуляла, но была одна.

– Значит, на этот час у вас нет независимых свидетелей? – уточнил Ванзаров.

Подушка легла защитным бастионом между нею и юным сыщиком, но Хомякова отмолчалась.

– В таком случае, придется доказать, что вас не было на бульваре Большой Конюшенной улице в указанное время.

– Зачем? – удивленно спросила Анна.

Вместо ответа Родион внезапно бросил в нее платок, скомканный в плотный шарик. Дама поймала его ловким хватом.

– Играете в лаун-теннис левой рукой? Отменная реакция. Быстрая и точная.

Платок бессильно пал на густой ковер. Анна сжалась, словно загнанная в угол тигрица.

– Вы очень умно все придумали, госпожа Хомякова. Пожертвовать подругой и мужем ради того, чтобы главная цель вернула вам свое доверие – для этого надо иметь крепкую волю. Вы спасли Екатерину Делье от крысы, которую нес Павел Николаевич, и завоевали ее симпатию. При этом

обыграли Аврору Грановскую, предложив ей устроить шутивное покушение на Екатерину, и отравили, а заодно – несчастную горничную. Ну, дальше было все просто. Назначаете Делье свидание поздно вечером, садитесь на лавку рядышком и наносите удар левой рукой, которая у вас прекрасно развита...

– Это чистый бред, – сказала Анна.

– Не учли мелочей, – продолжил Родион, словно оглох. – Екатерина перед встречей с вами назначила свидание своему любовнику Антону Грановскому, чтобы передать кое-какую посылку. Далее. Вы оставили крохотный, но отчетливый след каблучка под лавкой, по которому уже изготовлен гипсовый слепок. Осталось сравнить его с вашей обувью. Ну, и главная улика... Не догадываетесь?

Чиновника полиции не удостоили ответом.

– Вот она... Записка, заманившая Екатерину в ловушку. Все так, госпожа «Ночка»?

– Покажите письмо, – тихо попросила Анна.

Листок был предъявлен, но из надежных рук не выпущен.

– Где вы его нашли?

– В сумочке госпожи Делье. В спешке забыли проверить. Не так ли?

– А я думала, где его потеряла...

– Глупая отговорка. Всего этого хватит, чтобы отправить вас на виселицу.

Внезапно Анна попыталась встать, но Семенов ринулся с такой решимостью, что женщина забилась в диван.

– Это письмо я хотела отправить неделю дня назад! – закричала она жалобно и беспомощно. – Но оно пропало из моей сумочки... Я думала, что обронила на улице или в салоне, когда расплачивалась.

– И чудесным образом обнаружилось в сумочке убитой. Вы избличены, госпожа Хомякова. Одевайтесь, вы арестованы.

– Ванзаров, это безумие! Чудовищная ошибка. Я не собиралась убивать Катю!

– Значит, ее не собирались, – подхватил Родион. – А кого собирались?

Глазки маленькой вдовушки испуганно забегали.

– Я не то имела в виду, – сказала она. – Вовсе никого не убивала и не собираюсь. Что за безумие?

– У вас есть отличный повод: Ипполит Делье. Лучше быть женой дипломата, чем мелкого чиновника Думы, который крадет потихоньку, а чуть что – все богатство пойдет прахом.

– Вы плохо осведомлены, Ванзаров. Катя – моя лучшая подруга. А эту

тварь Грановскую, которая соблазнила моего мужа... – кулачки сжались: – ...Мне совсем не жалко! Так ей и надо.

– Что ж вы закрутили роман с мужем лучшей подруги?

– Меня попросила сама Катя! Да знаете ли вы, что они не спали в одной постели с рождения их сына? Она надеялась, что это пробудит интерес Ипполита к ней, как женщине. Катенька не могла терпеть и завела себе любовника. Разве я виновата, что со мной Ипполит стал счастлива, как мужчина, а Катя – с Грановским? Поверьте, все это зашло слишком далеко. Ипполит Сергеевич привязался ко мне, но у меня и в мыслях не было разбивать их семью. Зачем? Паша должен был вскоре получить состояние, которого бы хватило и нашим внукам. Он собирался подать в отставку... А теперь Катеньку убили... Какой ужас...

И сильная женщина, закрывшись, как и всякая женщина от своего горя ладошкой, разрыдалась. Слезы были натуральными. Но Ванзаров ждал безучастно. Наконец, поток схлынул, Анна всхлипнула и высморкалась в рукав пеньюара. Неужели этому учили в Институте благородных девиц?

– Кто такая «Куничка»? – спросил бесчувственный Родион.

– Наша институтская подруга... Случайно встретила с ней в салоне... Хотела рассказать Кате... Это все не имеет ни малейшего отношения к ее смерти... Это такая потеря...

– Лучшая подруга, говорите? – он дал знак Семенову предъявить шляпную коробку. – Взгляните, что она вам хотела послать.

Хомякова уставилась на коробку от Живанши, словно в комнату въехал призрак Паши на велосипеде.

– Откройте, не стесняйтесь...

Цилиндр крышки поднялся. Когда из-под вороха бумаг показался черный жгутик, Анна взвизгнула и стремительно оказалась на другом конце дивана, поджав ноги. Ее женский страх – скользкий, чешуйчатый, извивающийся покоился недвижим.

– Значит, это была Катя... – проговорила она, словно разгадав сложную загадку.

– Что Катя? – закричал Ванзаров. – Вы знали, что на вас кто-то покушается, но не думали, что это лучшая подруга? Ведь так?

Воля и характер были главными достоинствами маленькой брюнетки. Она вполне овладела собой и сказала:

– Это дело касается только меня и ее. И никого больше.

– Екатерина Павловна рассказывала вам, что скучную жизнь можно разнообразить легким развлечением, игрой в убийство? Она предлагала вам участвовать? Или это надоумил доктор Карсавин? Часто смотрите в его

зеркальце в поисках настоящей себя?

– Господин Ванзаров, вы знаете слишком много и не знаете ничего... – Анна Ивановна снова стала сильной и уверенной. – Вы не поверите, что я не убивала Катю потому, что слишком любила ее. Но, к счастью, ваши улики не стоят ломаного гроша. Я проводила вечер с князем Лагиным в ресторане «Палкин», моим новым любовником, как вы обязательно спросите. Приехали около восьми, вышли глубоко за полночь, было весело, играл оркестр лейб-гвардии, филе «Ришелье» особо удалось. Меня видели официанты и метрдотель. Я не хотела говорить, чтобы вы не спросили Ипполита. С ним и так предстоят долгие стоны... Если не затруднит, спросите князя в последнюю очередь. Он счастливо женат. Не осуждайте меня слишком строго. Нам, вдовам, требуются положительные эмоции.

Какие, однако, забавные коллизии случаются с сыщиками. Вот, пожалуйста: чиновника полиции, а мог бы вчера стать надежным свидетелем для вдовушки. Одно утешало: в этот раз вкус алиби был совсем иным. Не было в нем горечи поражения. Вот ни капельки...

Удовлетворенно хлопнув по колену, Родион встал и очаровательно улыбнулся:

– Жаль, что не успели стать откровенной... Даже если вам очень захочется, постарайтесь никого не убивать в ближайшие дни. Пристав расстроится, да и придется посадить вас за решетку, – он поклонился и направился к выходу.

– Не станете меня арестовывать? – удивилась Анна куда больше старшего городского.

– И не думал. Разве можно подвергать невинную, пока еще, вдову таким пыткам. Мы не звери, а сыскная полиция. Но в качестве любезности, позвольте осмотреть вон ту милую вещицу...

На маленьком столике у окна возвышалась шляпная коробка в белоголубую полоску, давно манившая внимательный взгляд. Когда крышка была поднята бесстрашной рукой Ванзарова, там не нашлось ни крысы, ни ядовитой кобры, ни летучей мыши, ни самого заваливающего скорпиона. Изящная шляпка из золотистой соломы с эгреткой из цветов и шу из зеленого атласа мирно покоилась на днище. На всякий случай Родион заглянул внутрь. Кроме торчащих соломинок, преступного умысла не нашлось.

Пожелав даме приятного развлечения на балу, полиция оставила гостеприимный дом, сжимая под мышкой близняшку только что вскрытой коробки.

– Ловко вы ее... – смутившись такой вольности, сказал Семенов.

Ванзаров протянул руку:

– Вы очень помогли делу. Без вас я бы не справился. Спасибо, Михаил... как по батюшке?

– Самсоныч... – зардевшись девицей, пробурчал гигант и тиснул ладонь так, что коллежский секретарь заулыбался во весь рот, чтобы не взвыть.

– Насчет отлучки не беспокойтесь, приставу в обиду вас не дам.

– Благодарю, ваше благородие...

– Да бросьте вы. Просто Родион... – сказал юный чиновник, и все же добавил: – ... Георгиевич. Мне тут еще надо кой-кому нервы попортить. Могу на вас рассчитывать?

Теперь старший городовый готов был выйти один на полчище дам в пеньюарах. А все почему? А все потому, что впервые начальство отнеслось к нему не только, как к равному, но как к человеку. Это дорогого стоит.

Салон Матильды Живанши жужжал дамскими сплетнями, шуршал материями и журналами парижских мод. Но идиллии женского мирка не суждено было наслаждаться тихим счастьем. Беда возникла внезапно, заслонив свет кафтаном небеленого сукна под грохот грязных сапогов и бряцание ножен шашки. Чудовище в облике старшего городского жестоко тискало лапой хрупкую и нежную шляпную коробочку.

– Кто тут Живанши будет? – от души рявкнул Семенов.

Воцарилась покорная тишина. Мадам хоть и сидела, но с удовольствием села бы еще раз. Так напугал ее грубый мужик, каких в Париже только на выставках показывают. Кое-как овладев голосом и переставляя слегка непослушные стопы, она шагнула навстречу, не столько желая быть героиней, сколько защищая своих клиенток от жуткого происшествия.

– Что вам угодно, офицер? – спросила она, подрагивая рюшками лифа.

– Посторонним очистить помещение! Сыскная полиция!

Не так быстро утки взлетают из камышей в пору охоты, как покинула салон стайка барышень. Живанши еле успевала улыбаться на прощание. Когда Матильда осталась одна, а ее модистки трусливо попрятались за дальние портьеры, в салон зашел важный молодой человек, наградивший хозяйку взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Ах, господин Ванзаров! Разве так можно. Я же слабая женщина. А вы такой славный юноша... Ну, зачем так пугать.

– Мы еще и не начинали... – обрадовал славный юноша. – Будут проводиться следственные действия. Предупреждаю: каждое ваше слово может быть использовано против вас.

Матильда схватилась за сердце, как порою делают нежные барышни, которых она навидалась досыта:

– Ах, господин сыщик! Если для нахождения моих наград требуется сносить такие испытания, то, прошу вас, забудем. Пропали – и ладно... Не хотите чаю?

– Каких наград? – сбился Родион. – При чем тут ваши призы? Дело идет о злонамеренных убийствах.

Матильда опять вспомнила правильное расположение сердца.

– Убийства? Нет, это немыслимо... – ей вдруг захотелось упасть в обморок, но она испугалась помять укладку или платье.

Между тем молодой человек, опять в немодном наряде, стал наводить свои порядки. Белошвейки и портнихи были отправлены в рабочую комнату, где и оставлены под замком. Входная дверь украсилась табличкой «Закррито», а тюлевую штору, драпировавшая витрину изящной волной, грубо задернула мужицкая рука. Оставшись в тюремном одиночестве, Матильда приняла столь горделивую осанку, что хоть господину Репину картину писать, а лицо ее обрело присущее самоуверенным женщинам выражение брезгливой покорности: дескать, покуражьтесь пока, но я-то знаю, чем все закончится, еще будете еще прощения на коленях просить.

Со страшным скрежетом подтянув изящный столик и рядом водрузив стул, Родион соорудил импровизацию на тему допроса и следователя. Не хватало мрачных тюремных стен с сыростью и подозрительными потеками, но этот маленький недостаток с лихвой компенсировал злобный взгляд Семенова и его многозначительное кряхтение под одергивание портупей.

Расположившийся, как подобает официальному лицу, чиновник полиции направил долгий и молчаливый взгляд, который, вероятно, должен был перетряхнуть все внутренности слабой женщины. Терпение было вознаграждено. Матильда проявила нервозность и сказала:

– В конце концов, это неприлично, юноша, так вести себя с дамой, которая старш... имеет положение в обществе.

– Для вас я коллежский советник. Или чиновник для особых поручений Департамента полиции. Извольте соблюдать...

– Ах, ну, конечно, я слушаюсь... Так, что же от меня хотите, господин полицейский?

– Жду признания, – мрачно сообщил Ванзаров.

– Какого же рода, хотите от меня признание?

– В убийствах, госпожа Живанши. Или как вас там по паспорту?

– Марья Ивановна Толкалина... – от неожиданности проговорилась мадам. – Да что такое говорите?

– То, что прекрасно знаете. Но тщательно скрываете: убийства Авроры Грановской и Екатерины Делье, которые вы совершили с отменным коварством.

Как ни крепилась дама, но и ей потребовался стул. Тяжело задышав, она схватилась за щеки, покрывшиеся пунцовыми пятнами, и вдруг крикнула:

– Как смеете так со мной разговаривать! Да у меня весь город бывает! У меня такие связи, что в порошок сотру. Ишь, выискал! Мальчишка! Да самой жене губернатора шляпки шью! Меня знают при дворе! А он дерзит! Извольте выйти вон!

Вся эта тирада не произвела на Ванзарова ровно никакого впечатления. К огромной радости Семенова, навидавшегося подобных крикунов. Отметил он, что Георгич держится молодцом и сейчас выплет курице по самые перья.

– Закончили, госпожа Толкалина? – спросил Родион. – Ну, теперь мой черед. Так вот, хочу разочаровать: у вас связи, а у меня – улики, изобличающие вас. И никакие связи не помешают присяжным отправить вас на виселицу.

Матильда уже собралась вылить на щенка ушат отборных ругательств, что впитала с купеческим детством в Нижнем, но запал пыхнул и иссяк. Ей стало страшно, на самом деле страшно. Вдруг показалось, что юнец уже накинул на ее шею, на которой еще не заметны морщины (она же следит за собой), тугую веревку. И осталось ему только чуток дернуть... Парижский лоск опал шелухой. Живанши обернулась тем, кем и была – хитрой лавочной бабой.

– Да, что ж это, господин хороший? Да за что так? Ну, уж простите дуру старую.... Да разве чем обидела вас? Вы же мне как сыночек, только добра желаю...

– Хватит, Марья, дурочку валять, отвечай, пока спрашиваю добром...

Впервые на допросе Родион решился хлестнуть «ты». Прием оказался сильным. Матильда сникла.

– Будешь отвечать?

– Конечно-конечно, как же можно...

– Госпожа Толкалина, вы признаетесь в убийствах ваших клиенток Грановской и Делье?

– Пощадите, господин полицейский, как же такое возможно! Я же модистка, а не убийца. Только от вас об этом узнала... Они же мои лучшие клиентки... Так старалась им угодить... Капризные они больно... Разве за всем уследишь. Ну, пусть покричат, им же легче, а мне убытку никакого. Девочек к ним лучших посылала... Ну, какие тут убийства, честное слово... И подумать страшно.

– Где вы были вчера вечером от восьмого до десятого часа?

– Ах, боже мой, да где же я была?... Позвольте... Здесь у себя наверху и была, в квартире...

– Кто вас видел?

– Горничная моя... Кухарка... Ах, да... Я же их отпустила... Вспомнила! Около восьми заехала поздняя клиентка, госпожа Вышеславцева, захотела примерить шляпку. Я открыла салон.

– Сколько она пробыла?

Глаза модистки заметались в тревожном поиске.

– Кажется, около получаса, – наконец, сказала она.

– Что делали потом? – наступал сыщик.

– Ничего особенного...

– Запираться нельзя, госпожа Толкалина...

– Я скажу... – Матильда от бессилия уронила руку. – Я была у мадам Гильотон.

– Зачем?

– Получала комиссионные за май – июнь.

Трудно было ослышаться. Странная чушь никак не хотела удобно сложиться в мозгах Родиона. Но как только нашла гнездышко, стало ясно, как в погожий денек, что за окном.

– Знаменитая модистка поставляет не менее знаменитой прорицательнице клиентов, за что и получает процент! – провозгласил Ванзаров. – Аккуратно выведывает сведения и подносит на блюдечке. Сомнамбулистке остается закурить папироску и прорицать. А клиент, пораженный всевидением, платит не раздумывая. Почему берете за вести из мира высших сил?

– Двадцать процентов... То есть рубль с пятерки за ее сеанс... Я приехала к ней раньше девяти, это точно, а уехала после одиннадцати. Арина... Ой, не выдайте... Мадам Гильотон жадновата, и мы долго не могли сойтись... То есть, торговались...

Предприятие по оболваниванию доверчивых обывателей, видимо, было поставлено на широкую ногу. Вот только подробностей о жизни самого Ванзарова даже Матильда узнать бы не смогла. Просто не успела бы. Там было что-то другое.

– Мило, но мы отвлеклись, – напомнил Родион, подмигнув заскучавшему Семенову. – Даже если у вас алиби на вчерашний вечер, а наутро именин Авроры – тем более найдете, как вы объясните вот это...

На столик легли три одинаковых розочки с хороводом чернильных стрелок.

– Но позвольте... – начала Матильда и испуганно замолчала.

– Именно ваши, – словно стал ясновидящем, подхватил Родион. – Первая найдена на отравленных конфетах Грановской, другая – на теле Делье. А третья, чуть было не легла на тело очередной жертвы. Но мы опередили.

– Счета печатаются большими пачками, их никто не прячет, может взять кто угодно... И это вы хотели предъявить мне?

Магия психологической атаки стремительно таяла. Надо было

спешить.

– Допустим, поверю. Но теперь, прежде чем ответить, подумайте очень хорошо: у кого заказаны шляпки на ближайший день-два?

– О, мой Бог! – Матильда уже театрально всплеснула крыльями, пардон – ручками. – Да ведь сейчас сезон! Мы шьем и отправляем по двадцать-тридцать за день! Извольте всех проверять?

– А как же. Извольте списочек самый подробный...

Трудно ожидать от женщины тонких правил – солдатского рыка. Но Матильда показала, на что способна девочка с берегов Волги. Выскочившей из заточения барышне было приказано составить для господ полицейских подробный перечень всех заказов на три дня вперед.

Вполне удовлетворенный внезапной покладистостью, Родион спросил:

– Екатерина Делье должна была получать шляпку?

– Да, только вчера утром отвезли, мы не успеваем.

– Анна Хомякова?

– Разумеется, сегодня к вечеру...

– Грановская?

– Нет... Она отшилась в начале июня.

Так хотелось бы назвать еще ту или другую фамилию, которая привела к разгадке, но ее не оказалось на языке Родиона. Обойти сорок клиенток? Половина живет в таких домах, что чиновника особых поручений на порог не пустят. Нужно искать другой способ.

– Значит, не знаете, откуда на жертвах – обрывки ваших чеков, – задумчиво проговорил Ванзаров. – А что означают стрелки?

– Откуда мне знать.

– Странно-странно... Ну, ладно... Берегите клиенток. Того глядишь, «Смерть мужьям» поменяют на «Смерть жен»...

– Фу, какая гадость! – поморщилась Живанши, на сцене вновь была она – парижская штучка сверхбальзаковского возраста и отменных манер. – Это выдумал мерзкий репортеришка, а вы, молодой человек, повторяете. Я презираю это клеймо!

Родион понял, что пора побыстрее уносить ноги, пока мадам не перешла в наступление, сообразив, что ее попросту обыграли. Напомнив, что подозрения в отношении нее вовсе не сняты, и следует быть крайне осмотрительной, а при первом же сомнении дать знать в участок, чиновник полиции забрал подготовленный список и направился к выходу.

– Вот еще что, – обернулся он. – У Грановской, Делье и Хомяковой есть общая подруга с институтским прозвищем «Куничка». Она бывала в вашем салоне. Кто такая? Есть в списке ближайших шляпок?

Мадам вполне естественно погрузилась в краткие размышления, после чего заверила, что никогда не слышала этого имени.

– Господин Ванзаров! – тревожно вскрикнула она, заметив, что строгий юноша взялся за дверную ручку.

– Что такое?

– Так вы найдете мои призы? Они дороги мне как память.

– Обязательно... Непременно... Уже ищем, – пробормотал Родион и стремительно покинул поле битвы.

Семенов не отказал себе в удовольствии погрозить вздорной бабенке пальцем в добрую сосиску, а на прощание хлопнул дверью так, что колокольчик разразился плачем.

Кофе дымилось. Изъяв у сахарницы горсть колотых кусочков, Ванзаров не стал торопиться. К раскладке следовало подойти вдумчиво и осторожно. Путаница, что закрутилась под первую чашку, теперь недопустима. Он находится в шаге от разгадки, буквально протяни руку, но сознание упорно не хотело видеть истину. Придется заставить его. Слегка подтолкнув логикой.

В списке Живанши оказалось более сорока фамилий. Из известных – только мадам сомнамбулистка. Шляпка должна попасть к ней завтра. В остальном – набор фамилий пока бесполезных. Пора спускаться с поводка верных помощников.

Первым на царапанную столешницу кофейни лег сахарок «Грановская». Рядом поместилась «Делье». Капелька легла между ними, а чайная ложечка соединила черной стрелкой Аврору с Еленой. Несомненно, жена адвоката спланировала и почти осуществила изобретательное покушение на институтскую подругу. А что же Катя? Она не стала защищаться, хотя наверняка подозревала, откуда грозит опасность. Что сделала? Это простой вопрос. И ответ – прост.

Вторая капелька кофе, превратившись в узкую полоску, соединив сахарок «Делье» с новым кусочком по имени «Хомякова». Вот именно. Катя сделала то, что такая умная женщина, как она, не должна была натворить: приготовила убийство старой подруги. Но другой. И опять сорвалось. Причем покушение нелепое и глупое. Что же дальше?

Три белых кусочка манили продлить кофейные линии. Хомякова собирается убить кого-то еще? Логика говорит, что это неизбежно. Жертва из ее «круга», это, несомненно. Наверняка заказывает шляпки в «Смерти мужьям», и не знает, что ее подкарауливает опасность. Быть может, потому, что, в свой черед, и она планирует смерть другой подруги. А та, дальняя и неизвестная, – своей. И все они не выходят из сахарного круга. Кто они? Сколько их?

Ответ простой до умиления был в сахарных кусочках: они же одинаковые, все из одной сахарницы, то есть из Смольного института благородных девиц. Стоит сравнить список выпуска Грановской, Делье и Хомяковой с заказчицами шляпок, как круг резко сократится! Иначе и быть не может. И тогда найдется загадочная «Куничка», которая, должна пасть жертвой Хомяковой! Как же это просто!

Резким движением Родион добавил крошки сахара после «Хомяковой», и соединил всех кофейными линиями. Круг замкнулся. Чернильные стрелочки обрели смысл. Убийца Авроры запустил велосипедное колесо. Но двигается оно как-то криво, как у неумелого водителя: Аврора погибла, но убить Екатерину не смогла. Екатерина погибла, но отправить гадюку Анне – не сумела. Да и сама Хомякова, кажется, не очень преуспела в злодеянии. Может, выращивает под кроватью ядовитых пауков. Значит, есть еще кто-то, кто всякий раз восстанавливает ход колеса. И под его рукой пал Паша, дрессировщик Гоголя.

Объяснив это сахарным персонажам, Родион сразу нашел ответ, почему чиновник-велосипедист был обречен. Логика настолько проста, что не заметить ее мог только будущий великий сыщик. Один ответ родил множество тревог. Несомненно, что Хомякова постарается кого-то убить. Скорее всего, у нее ничего не выйдет. Но невидимый дирижер опять подправит новичка: Анна и все, кто стоят в очереди за ней, подвергаются нешуточной опасности. Спасти их можно, узнав только, кто они. Хомякова и под пыткой не признается в подготовке злодеяния. Филеров, чтобы за ней следить – нет. Но как же...

Родион даже запнулся, чуть не упустив самый важный и простой вопрос: как крутильщик колеса так близко подходит к жертвам, а его никто не видит? В чем тут хитрость?

Остаток стылого кофе сиротливо плескался на дне. Но Ванзарову было не до него. Бросив щедрый полтинник на чай, он выскочил на Невский проспект. Сахарные крошки, так много послужившие сыску, безжалостно смела тряпка холеного официанта.

Строгий секретарь нынче был почти шелковым, а покладистым – наверняка. Не задавая вопросов, впустил в приемную, поздоровался гостеприимно, извинился, что требуется мгновение, пока доложит, вернулся и пригласил гостя в кабинет. Словно Ванзарова уже давно и терпеливо ждали. А он все не шел и не шел.

На фоне окна, вдали которого неспешно парилась Фонтанка, возвышалась скульптура доктора в полный рост. Спокойствие, статность, и сила не свойственные многим знатокам нервных расстройств, порою нездоровым куда глубже своих пациентов, изливались магнетическими волнами, которым хотелось покориться и отдаться в рабство. На впечатлительные характеры женщины такой тип, должно быть, оказывает неодолимое впечатление. Чиновнику полиции стоило усилий, чтобы не растаять патокой. Тем более что Красавин одарил милой и печальной улыбкой под блеск пенсне, за которым можно было нафантазировать что угодно: от милосердного всепрощения до циничного интереса к очередному вывиху психики.

– Как славно, что не обманули моих ожиданий, – сказал он, жестом предлагая расположиться в упругом кожаном кресле, сам же сел напротив.

– К вам я решил заглянуть не более часа назад, – ответил Ванзаров, стараясь настроить душевный камертон на сложный разговор: не то, что лишнего слова не сказать – лишнего движение бровью не позволить. Но не упустил свежую коробку «Итальянской ночи» на столе. Все же много сладкого есть, доктор...

– О, вы ошибаетесь, Родион Георгиевич. Вы решили вернуться, как только покинули мой кабинет. Даже если не догадывались об этом.

– С чего взяли?

– Я умею различать своих пациентов, – Карсавин одарил невинной улыбкой. – Не принимайте это на свой счет. Видеть, что люди хотят на самом деле – моя профессия.

– И научили этому мадам Гильотон, которую при мне нещадно костерили?

– Она так запуталась в собственных страхах, что моя помощь была необходима... Зеркальце ей помогло. Кстати... Хочу сделать маленький подарок, очень искренно... Прошу не отказать, скромный сувенир на память.

Словно рояль из кустов, на холеной ладошке доктора блеснуло крохотное зеркальце в золоченой оправе с удобной цепочкой, чтобы носить в жилетном кармашке. Вещь – недешевая. Отказаться неловко, а пригодиться может. Молча приняв дар, Родион расположился вольнее, чтобы магическим лучам психиатрии ничто не мешало.

– Что же видите во мне?

Карсавину не потребовались размышления, словно вывод сделал давно:

– Вы редкий во все времена тип дельного человека, что страдает от невозможности достичь наполеоновских высот. Вы видите кругом глупость и лень, которых органически не выносите. Вам тесно на своем шестке, но прыгнуть выше не сможете, потому что все ваши лучшие качества там будут без надобности. Свое дело любите больше бумаг, и спину гнуть не научились. Для чиновника гибкость спины – залог карьеры. Сначала на нем ездят, потом он. В нашем обществе без этого нельзя. Вы же будете разрываться между жаждой таланта и мелочным приложением его. Уже намаялись в полицейском участке и готовы бегать за любой ерундой, чтобы увидеть в ней великие тайны, которые способен раскусить только ваш мозг. Но беда в том, что тайн нет. А есть серость, скука, обыденность и рутина. Вы уже беспокойны. Что же будет дальше?

– У меня есть хорошее лекарство, – уверенно сказал Родион.

Пенсне нацелилось прямой наводкой в юного чиновника полиции:

– Позвольте не поверить. Вы не курите, явно не злоупотребляете спиртным, платонически относитесь к женщинам, спортом перестали заниматься со студенческой скамьи, разве любите бывать на французской борьбе. Чем же пар выпускать?

– Вот исполню жгучее желание и выпущу.

– Позвольте узнать какое? Мне любопытно с научной точки зрения...

– Да вас посадить.

Хрустальные стеклышки не дрогнули и не запотели, как это хотелось бы какому-нибудь нетерпеливому читателю. Нет, брат, шалишь! Нет у нас ярких красок иного фантазера, что распишет рыцаря без страха и упрека, под взглядом которого преют преступники, а он и не заикнется. Где же взять таких лаковых героев в нашей скучной провинции. Наш герой, скажем прямо, если и берет чем, то, как любой человек, да вот как мы с вами, где ошибется, где споткнется, на упрямстве и Сократе только и держится. Да и мало еще умеет, не вырос пока. Вот погодите... Да, что-то занесло в степь глухую, все жара замучила. Ну, так вот...

Хозяин кабинета выразил глубокий интерес, за что ему такая честь.

– Благодарю, что раздели. Теперь мой черед, – сказал Родион, меняя затекшую ногу и нагло нацелив носок ботинка, не вполне блестящего, а наоборот, подзапыленного. – Вы редкий тип во все времена чрезвычайно умного и даже обаятельного негодяя, что развлекается, проверяя человеческую природу на прочность. Владея несомненными способностями убеждать, вы развлекаетесь чужими жизнями, принимая на себе роль бога, который разрешает, и снимает запреты. С научным интересом наблюдаете, как ваши барышни начали грызть друг другу горло, и при этом не забываете брать с них немалые деньги. Вам страшно стать настоящим пророком и вождем, который позовет идти за ним в бездну, где и сам погибнет. Вам хочется жить в комфорте и спокойствии, но при этом созерцать первобытное бурление страстей. Исккупаться в крови, и рук не замарав.

В течение этой длинной речи, от которой мы, признаться, утомились, Карсавин не шелохнулся, являя отменное владение собой. Давненько никто не позволял с ним разговаривать в подобном тоне. Доктор пытался понять: не ошибся ли в этом юнце, не оказался ли он, куда, как не прост. И не находил верного ответа.

– С чем пришли, господин Ванзаров? – наконец спросил он холодно.

– Только с логикой, – признался Родион. – К делу не пришьешь, суду не докажешь.

– Очень любопытно.

– Вы виновны в смерти не только Авроры Грановской, но и Екатерины Делье.

– Госпожа Делье убита?

– Зарезали на бульваре вчера вечером. Как видите, даже не спрашиваю ваше алиби на этот час. Не верю, чтобы сами ручки запачкали.

– Тогда что же?

– Только вы можете остановить то, что затеяли. Пощадите женщин, которых обрекли стать убийцами. Остановите вращение стрелочек.

Как странно... Карсавин явно не понял, про какие стрелки идет речь, Ванзаров готов был сам себе в этом поклясться. Только вот переспрашивать доктору никак было нельзя. И он смолчал. Зато снял пенсне, долго смотрел в окно и, наконец, сказал:

– Я тут ни при чем.

– Неужели барышни после вашего исцеления превратились в кровожадных фурий по доброй воле?

– Тут другое... Постарайтесь понять... Зверь человек, зверь. Зверем был рожден, зверем и остался. Мораль его держит в узде, религия,

общество, нравственность, вроде стреножен и спеленат так, что и дыхнуть невозможно. А стоит дать слабинку, чуть ослабить вожжи, как вырывается диким конем. Так что пена летит. И открывается, каким есть. Стоит страх преступить, страх закона и наказания, как тут же является неприкрытая личина человека. Как только чует свободу – падают вожжи, нет тормозов. Только и остается, что восходить к вершинам зла, узнавая с любопытством: что там, в вышине?

– Эти восхождения я намерен остановить, – сообщил Родион.

Карсавин печально усмехнулся:

– Полиция тут бессильна. Только он сам. И личный выбор. Иного не дано.

Не может быть. Вот так просто. Доктор выложил все карты, только Родион не в состоянии разглядеть, что ему показали. Не понимает, и все тут. Что будешь делать, когда тебе чуть не в ухо кричат, а ты на это ухо оглох, как назло. Доносятся смутные шорохи, а слов не понять.

Было слышно, как по мосту прогрохотала конка, как сварливая баба требует у приказчика «доложить фунту, как положено», как лениво смешивались разнообразные звуки проспекта и, приглушенные стеклом, долетали невнятной мешаниной.

– Эх, гуляй! – закричал кто-то отчаянный и сгинул.

Они молчали. Ванзаров не пытался буравить доктора взглядом, да и тот не выказывал напора.

– Вас не смущает смерть вашей пациентки? – прервал паузу Родион.

– Порой лучше легкая смерть, чем долгая пытка серой жизни.

– У нее остался сын и муж сиротами...

– Поверьте, мне очень жаль. Но я тут ни при чем... А для детей, быть может, не так уж и плохо. Человек должен пройти закалку трудностями жизни, чем больше выпадет, тем крепче станет. Под нежной заботой маменьки вырастешь тюфяком...

Непробиваемая, неодолимая стена соткалась в воздухе. Родион почти физически ощутил, что наседать на доктора дальше – решительно бесполезно. Проще вызвать городского Семенова да приказать разрубить его на куски.

Ванзаров встал:

– Посчитайте, какой убыток будет вашему делу. Одна погибла, вторая, там, глядишь, и четвертая. По город поползут слухи, практика резко сократится. Неужели вам это надо?

– Вы просите о невозможном, – уверенно сказал Карсавин.

– Кабинет придется закрыть, мебель продать, а чего доброго

безутешные мужья начнут мстить, поймают в темном переулке – и нет доктора. Все прахом пойдет.

– Поверьте, я тут ни при чем.

– Могу договориться, чтобы вернули велосипед...

Бесполезно. Как ни жаль, но уходить придется с тем, что и ожидал. А именно: с логическими предположениями. И более ни с чем. Родион утешился, что стрелка массивных часов неумолимо приближала счастливый час дня. Надо привести себя в порядок да успеть кое-что в участке.

Ванзаров принужденно поклонился и отправился вон.

– Родион Георгиевич, – окликнули его.

Чиновник полиции готов был к любому признанию.

Карсавин печально вздохнул и сказал:

– А нервишки, все же, следовало подлечить. Всегда милости просим.

Обеденный час приближался к закату. Редкие столики заняты. Официантам в эту пору – раздолье. Не надо носиться сломя голову, следя за каждой мелочью, чтобы соблюсти этикет. А уж марку в «Дононе» держать строго. Как-никак – самый дорогой и знаменитый ресторан столицы. Есть и большие залы, и отдельные номера. Но обслуживание везде – выше всяких похвал. Ну, и цены соответствующие.

Юношу, прошедшего беспощадный молох местных порядков, с распростертыми объятиями брали куда угодно. Только никто не шел: заведение держала татарская артель официантов, в которой – только свои. Служить здесь было не просто почетно. Каждый, кто носил заветный вензель на лацкане фрака, в глазах ресторанной братии поднимался до небесных высот. Престижно быть официантом «Донона», не то, что ярославским половым.

Марат Тагиев нежно тронул идеальный зализ прически, нерушимо храня полотенце на изгибе левой руки, и в сомнении покосился на колокольчик. Заседавший в третьем кабинете что-то затих. Беспокоить постоянного гостя, привычки которого Марат выучил накрепко, за что и получал щедрые чаевые, было нежелательно. Может, хочет человек посидеть со своими мыслями, чтобы никто не донимал. Столько за день, видать, переделал, вот и отдыхает душой.

Время шло. Марат сбегал раза два по мелким заказам, но третий номер так и не вызвался. Найдя верный аргумент непрошеному вторжению, официант поправил височки, деликатно постучал и засунул голову внутрь.

Немало есть людей, которых можно назвать швейцарцами до глубины души. Ходят они в шортах с ремнями, едят сыр с шоколадом, да распевают тирольские йодли. А вот Игнат Тимофеевич был до глубины швейцаром. Родился он таким. И вся его жизни до того момента, как на плечи легла шинель с ползументом, была одним мучением. Но как встал Игнат Тимофеевич на ворота, да стал кланяться и получать на чай, сохраняя достоинство, швейцар расцвел в нем пышным сорняком. Игнат Тимофеевич искренно призывал всех, кому открывал дверь, за то, что они посмели отрывать его от степенного неделания, те же, кто проходил мимо, получали свой фунт призрения, что не имеют счастья проживать в «их» (как он говаривал) мебелированных комнатах. Все человечество прямо и четко делилось для Игната Тимофеевича на две неравные части: негодяи, поселившиеся у них, и негодяи, никогда не живавшие «у Соколова». Под гребенку демократично попадали все: без различия пола, рас, верований и состояния.

Дамочка, что минут пять как высматривала кого-то вдоль Невского проспекта, была отнесена Игнатом Тимофеевичем к редчайшей третьей категории, что нравилась лично ему. Хорошенькая бабенка, в самом соку, платишко такое затейливое, так бы и закатился с ней к цыганам. И ведь не иначе как развратница, только дорогая штучка, рубчиков двадцать за ночь берет. Ждет, видать, своего кавалера, отменного негодяя, поест за его счет, отдастся без души, да денежку приберет. Эх, как бы к ней подкатить. И живет вроде одна, и деньжата у нее водятся, а все равно хочет богатенького общипать.

Однако мнение Игната Тимофеевича резко пошло на убыль, когда к барышне, дерзко развернувшись посредине проспекта, подъехала самая обычная пролетка, из которой выкатился полноватый юнец с огромным букетом. Уж такой щенок, что и говорить противно. Сразу видно – не богач. Да и эта, наверное, дешевка. Не чета Игнату Тимофеевичу. Водрузив на лицо презрительную гримасу, швейцар отвернулся, не пожелав узнать, что будет дальше.

А дальше началось самое интересное. Запутавшись в руках и ногах, желая одновременно поцеловать ручку, сказать что-то приятное и подарить букет, Родион так перестарался, что опрокинул цветник на Софью Петровну. Другая бы на ее месте гневно потребовала юношу пойти вон, а

она рассмеялась так мило и необидно, что Родион сразу оттаял.

– Простите, опоздал, – покаялся он, все же отдавая букет. – Пролетку никак не мог поймать.

Было в этом только часть правды. Ванзаров успел заскочить в участок, чтобы отправить срочный запрос в адресный стол и Смольный институт, доложил приставу, что следствие значительно продвинулось, и побежал домой. Там носился ураганом по квартире, расшвыривая рубашки и брюки, пока не влез в лучший костюм, который позволялось надевать только на прием в департаменте. Нынешний случай был поважнее, чем выслушивать доклады о положении в империи. Ощувив непреодолимое желание прожигать жизнь, Родион вскрыл заветную шкатулку, которая хранила на черный день кое-какие банкноты, но раз настал светлый день – то пора делиться. Ванзаров запасся невероятной суммой в двести рублей, которую готов был спустить за вечер, если придется. Да, к счастью, на Сенном рынке еще торговали розами. Разбогатевший коллежский советник отвалил за букет двойную цену, не торгуясь. Разве найдется кто-то, кто будет осуждать его за такие взбалмошные поступки? Вот именно, и не такое вытворяли. Ладно, не о том сейчас...

Софья Петровна спрятала лицо в розах, вдохнула аромат, пышно раскрывшийся в конце жаркого и сухого дня, и счастливо улыбнулась.

– Какая прелесть, спасибо. Обожаю розы, – сказала она так, что Родиону захотелось дарить по целому венуку каждый день и до скончания дней. Но пока предложил начать вечер не где-нибудь, а в самом «Дононе». Он искренно надеялся, что слава лучшего ресторана столицы покорит женское сердце. Однако Софья Петровна погрозила пальчиком (ах, что за пальчик, не пальчик – конфетка!) и напомнила, что сегодня ее черед развлекать. И никаких возражений не потерпит. В Европе дамы уже давно на равных с мужчинами во всех смыслах. И она не желает отставать. Так что, погрузившись в пролетку, приказала ехать в театр «Аквариум».

– Как приятно, когда мужчина, вырываясь со службы, серьезно готовится к встрече с дамой, – сказала она.

– И вовсе я не готовился, – смутился Родион.

– У вас галстук криво повязан – значит, в спешке надевали. А раз в спешке, значит, поменяли утренний. Затем, костюм у вас новенький, а вот на ботинках – пыль. Некогда было почисть. Почему? Задержались на службе. Но все равно успели забежать домой и переодеться. Я уже не говорю про цветы. Какой вы молодец.

Родиону захотелось провалиться от стыда за грязную обувь, про которую начисто забыл. Но кожаный диванчик пролетки и не думал

разверзнуться.

– Расскажите что-нибудь интересное, мне так нравится вас слушать, – мягко приказала Софья Петровна.

– Появилось много технических новинок, – сообщил пылкий юноша. – Взять, к примеру, велосипед. Признано, что лучшая рама для него – от Гумберта, иначе называемая «Даймонд»...

Далее было заявлено, что трубы лучше тянуть по системе Манескама, что лучшее седло от Брукса, что двухтрубные нескользкие шины – верх совершенства, ну, и прочие сведения, которые, если не лень, перечтите где-то позади. Лекция, честно усвоенная от механика и Лебедева, завершилась на победной ноте:

– ...и вообще я слежу за техническим прогрессом. Без этого в полиции нельзя. Надо быть на острие, так сказать...

На каком острие собирался побывать Родион, осталось неизвестно, потому что Софья Петровна наградила его короткой, но овацией.

– Какой вы разносторонний человек. Никогда бы не подумала, что увлекаетесь велосипедами.

Чиновник полиции состроил гримасу, которая означала только одно: «Да мы не только велосипедами увлекаемся, мы и на воздушных шарах слетаем, в случае чего, нам только дай волю, так мы – ух!».

– Вы уже раскрыли те ужасные преступления? – спросила Софья Петровна.

С трудом возвратясь из звездных высей к каким-то преступлениям, Родион недопонял, что от него хотят, но ему напомнили про отравленные конфеты и шило в сердце.

– Дело движется, скоро поймем убийцу, – сказал он.

– Да что вы? А кто же оказался злоумышленником?

– Не могу называть имен, это тайна следствия...

– Ну, пожалуйста, ну, только мне, я никому не скажу...

– Хорошо, так и быть. Но помните, это тайна, – Родион даже голос понизил, хотя за стуком колес извозчик ничего не слушал. – Тут замешан некий доктор Карсавин. Знаете его? Вам повезло. Подозрительная и опасная личность. И еще одна барышня, воспитанница Смольного института. И не одна, их много. Ну, а виной всему – салон Матильды Живанши, недаром его прозвали «Смерть мужьям».

– Неужели доктор Карсавин сам убил двоих? – поразились барышня.

– Уже троих... Нет, тут кое-что хитрее. Я уже расставил ловушки, скоро убийца попадетсЯ. И тогда Карсавину будет несдобровать. Уж поверьте.

– И все же, кто убийца, как вы предполагаете? Вы говорили, что

барышню убил любовник.

– Не совсем так. Я подозреваю одного человека, но, простите, об этом говорить нельзя.

– Ой, как интересно! – Софья Петровна светилась возбуждением. – Как интересно иметь дело с настоящим сыщиком. Словно читаешь криминальный роман! Они ужасно популярны в Париже. Сыщик Лекок и все такое. Держите меня в курсе...

Родион пообещал, но тут ему в голову совсем не вовремя заглянула мысль:

– А вы посещали салон Живанши?

Вместо ответа Софья Петровна оправила волан на лифе нового платья:

– Как можно жить в Петербурге и не одеваться у Матильды!

Действительно, какой глупый мужской вопрос.

– Многих знаете, кто там бывает?

– О, нет. Это лишь светские улыбки, и ничего больше. Поймите, женщине неприятно, чтобы другая знала, какое платье она делает.

– Может быть, слышали фамилии Грановская, Делье или Хомякова?

– Да что вы! Зачем в салоне спрашивать фамилии. Я имен-то не знаю. Матильда так цепко всех держит, что общаться позволено только с ней...

– Позвольте нескромный вопрос?

– И вы решитесь?... Шучу, шучу... Даже любопытно...

– Учились в Петербурге?

– Нет, в Сорбонне. Это нескромный вопрос?

– Нет, не он... Позвольте угадать вашу институтскую кличку.

– Я и сама подзабыла... Для чего вам?

– В качестве проверки себя. И важно для следствия...

– Ой, как интересно! Ну, начинайте...

– Я бы решил, что вас называли «Снежок» или «Снежинка».

– Да вы просто волшебник! – Софья Петровна изумительно расширила изумительные глаза (да, вот именно так: два раза подряд «изумительно», иначе нельзя). – Надо же, почти угадали... Меня звали «Белоснежка»... Чудесно!.. Ну, вот и приехала.

Театр «Аквариум» был далек от императорских Мариинского или Александринского театров не только по расстоянию. От надменных столпов высокого искусства театрик на Петроградской стороне отличался тем, что честно развлекал публику, не желая поучать или просвещать. Публика платила взаимностью, то есть деньгами, попасть на представление было трудно. Видимо, Софья Петровна озаботилась заранее с билетами.

Сегодня вечером давали прощальный бенефис трио «Флери»,

предполагался дебют геркулес-девицы m-lle Кнаак и еще... Тут в глазах Родиона потемнело, потому что афиша преподносила гвоздь вечера: сцены из знаменитого фарса Мясницкого «Сыщик».

«Ну, и что такого?» – скажет какая-нибудь легкомысленная особа. А то, ответим мы ей, беря под крыло несчастного Родиона, что это не лучшая пьеска для будущих великих сыщиков. И очень даже обидная. Вот именно! Только подумайте: пошлый водевильчик про отставного капитана, который начитался романчиков, и вообразил себя великим сыщиком Лекоком. В доме богатой сестры, где он живет, пропадает старинное кольцо. Капитан принимается разыскивать без помощи полиции, пытаясь по лицу узнать вора. Прислуга и родственники потешаются над ним и оставляют в дураках, потому что кольцо вовсе не крали. В финале безутешный капитан Долговязов под общий смех говорит: «Лекок все-таки прав: в каждом преступлении нужно искать женщину, одну только женщину». Фарс имел большой успех у публики, матушка с братцем сходили, потому Родиону содержание было известно в деталях. И не один раз.

Софья Петровна чутко уловила перемену настроения, заглянула на афишу, поняла, в чем дело, и рассмеялась так искренно, что любое ледяное сердце оттаяло бы.

– Умоляю, простите! – сказала она, молитвенно сложив ладони. – Купила билеты, не глядя. Дурацкое недоразумение... Уже не дуетесь? Вот и славно... И усы вам очень пойдут. Чудесно, что занялись ими. Ну, мир?

Эти васильковые глазки он простил бы и за большее преступление. Даже за то, что легкую небритость под носом назвали «усами». Натужно выжав улыбку и смешок, Родион готов был следовать верным оруженосцем, куда прикажет его госпожа. Даже в театр «Аквариум». Но с этого мига волшебное слово, обещавшее так много, и так сладко согревавшее мечты, было вычеркнуто из употребления чиновника полиции. Навсегда. Вот так: «сыщик». Попрощайтесь, больше его не увидите...

В остальном вечер был настолько чудесным, насколько это бывает на втором свидании первой любви. Или вроде этого. Родион улыбался на плоские шутки актеров, пил вино, закусывал пирожными и чудесно проводил время за уютным столиком театра в одном из лучших мест партера. И только внутри у него родилось странное чувство: будто без этих васильковых глаз больше не сможет жить. Если ни минуты, то, во всяком случае, ни дня. И Софья Петровна, кажется, пребывала в подобных размышлениях. Когда веселье кипело на всех оборотах, она вдруг спросила, который час.

Родион полез в карман, по ошибке вынул зеркальце, быстро спрятал

золоченую игрушку и нашел истинное время. Было около девяти. Софья Петровна, став вдруг печальной, попросила отвезти ее домой.

По дороге они молчали, словно боялись сказать друг другу что-то очень важное.

Швейцар покинул свой пост ради спокойного сна. Оперевшись о крепкую ладонь чиновника полиции, Софья Петровна сошла, но руку не отняла. А затем тихонько коснулась губками его щеки. Совсем иной поцелуй, не такой как вчера. Было в нем что-то особенное, новое, что и понять нельзя, а только уловить кончиками нервов.

– Спасибо, за чудесный вечер, – сказала она, словно прощаясь.

– Завтра могу надеяться... – спросил Родион.

– Я вам телефонирую...

И васильковые глазки исчезли за массивными дверями меблированных комнат.

Потратив сущие пустяки от того, что хотел широко швырнуть, Ванзаров смело поймал извозчика и приказал везти домой. В голове и душе у него было так пусто, что не хотелось тревожить себя ничем. Ожидание самой важной перемены в его жизни поглотило все эмоции. Он и не заметил, как подъехали. Расплатившись щедро, Родион спрыгнул молодцом и отпрянул. Перед ним во весь гигантский рост, еще более ужасный в мареве белой ночи, торчал Семенов.

Старший городской козырнул, и сказал:

– Только вас и жду, Родион Георгиевич...

Извозчику привалило счастье. Пассажир только слез – и с того же места опять нанял. А если бы городской еще и расплатиться ему позволил, когда приехали, совсем – праздник. Но не в этот раз.

Заведение несло убытки. Сначала публика явила бурный интерес, но, выяснив, что случилось за дверью отдельного номера, в ужасе покинула ресторан. Многие так испугались, что забыли оплатить ужин. Если бы не старания Лебедева, который приговорил уже третью порцию коньяку под легкую закуску из устриц, креветок, солений, пирожков, супчика, и холодной говядины, кассе «Донона» грозило разорение. А так – хоть копейка. Появлению Ванзарова салютовал бокалом, в котором осталось на глоток.

– Где вы пропадаете? – закричал во весь голос криминалист. – Мы тут совсем без вас измаялись. Просто места себе не находим.

Судя по кислым физиономиям сотрудников 3-го Казанского участка, персоне чиновника для особых поручений были совсем не рады. «Донон» помещался на территории их участка, так что делать чужакам из 4-го тут нечего. Если бы не жесткий приказ самого Лебедева – ни к чему не прикасаться без Ванзарова, уже бы давно оформили бумаги и гоняли чай по домам.

Как мог вежливо, раскланявшись с хмурыми коллегами, Родион тихонько спросил:

– Это же чужой участок, не имею права...

– Уже имеете! Я убедил этих лентяев, что возьметесь вы. Потому что раскрыть эту загадку для вас – пара пустяков. Они только и ждут, чтобы формально передать дело вашему участку. Поздравьте пристава с очередным трупом, – обрадовал Аполлон Григорьевич, от которого действительно пахло. И хитро подмигнув, добавил:

– Весь при параде, и усы завел! Прямо настоящий сыщик...

– Я не сыщик, а чиновник полиции, – раздраженно ответил Ванзаров. – Очень прошу запомнить.

Игривая веселость увяла, Лебедев отставил недопитый бокал:

– Одобряю. Матереее прямо на глазах. Тогда прошу к нашему гостинчику...

– Кто?

– Попробуйте угадать.

– Хомякова?

Криминалист не ответил и гостеприимно распахнул дверь отдельного номера.

Стол накрыли на двоих. К закускам лишь прикоснулись, бокал с вином остался нетронутым. Рядом с тарелкой для чего-то оказалась хрустальная чернильница с пером. В неподвижной позе мужчины, восседавшего в одиночестве, не было ничего подозрительного. Только голова, неестественно откинута назад, словно собрался прополоскать горло. Но стоило подступить к телу, как с левой стороны пиджака, прямым у сердца, обнаруживался бронзовый шарик с тремя насечками, плотно вжатый в материю.

– Сколько мертв? – спросил Родион.

– Примерно часа четыре, если не больше. Не ошибусь, если пять. Официант долго не хотел беспокоить, потом эти прибыли, потом меня вызвали, потом вас ждали. Так и набежало.

– Спасибо, Аполлон Григорьевич, что позвали.

– Я тут ни при чем, – сказал Лебедев без тени шутки, и указал на тело. – Его благодарите.

Для прояснения странного обстоятельства был вызван официант. Тагиеву страсть, как не хотелось смотреть на покойников, боялся он их, а потому парнишка выворачивал шею, чтобы ненароком не зацепить мертвого. Чтобы поскорее отделаться, выложил все, что знал: господин – постоянный гость, ему всегда место найдется. Пришел около пяти, попросил отдельный кабинет для встречи. Заказ оставил на усмотрение официанта. Чаевые платит хорошие, так что Марат постарался от души, помня вкусы дорогого барина. Вскоре попросил чернила, ручку и бумагу. А потом затих. В кабинет никто не заходил. Поначалу Марат отлучался, но потом стоял под дверью и ждал. Терпел-терпел, а потом заглянул. Господин сидел тихо. Официант его окликнул, подошел ближе и увидел мертвые глаза. Без дыхания.

– А теперь самое интересное, – уверил Лебедев. – Что тебя просил господин?

– «Если со мной что случится, передай полиции, чтоб вызвали господина Ванзарова из 4-го участка Казанской части», – четко, как выученное, доложил Тагиев.

– Это все? – спросил тот самый господин Ванзаров. – Фамилии? Имена? Какие-нибудь слова?

Но Марат исчерпался.

Отпустив официанта, Родион скроил задумчивое выражение. Чтобы случайно не выдать, в какую лужу растерянности шлепнулся. Логически построенная смеха допускала смерть Паши Хомякова, но никак не адвоката Грановского. Этого не могло быть. Никакого отношения ни к Смольному

институту, ни к ателье Живанши он не имел. Оставалось только простое объяснение.

– Он понял, кто убил Аврору с Екатериной Делье, и, чтобы убедиться, назначил убийце встречу, – печально сказал Ванзаров. – Хотел помочь нам. Помочь мне.

Опять злой рок или воля случая, не позволили оказаться поблизости. А ведь мог бы... Хотя с другой стороны: разве узнаешь, что творится за закрытой дверью номера. И про васильковые глазки нельзя забывать: окажись он тут – обо всем забыл бы рядом с Софьей Петровной. Странная случайность. Во всем мраке происшествия виднелось крохотное пятнышко света: логика сработала безотказно.

– Теперь ясно, почему Пашу убили так странно, – сказал Родион. – Понимаете?

– Это Хомякова, что ли, воспитателя славного Гоголя? Нет...

– Поздравление с именинами – церемониал, отработанный годами. Каждый гость приходит в свое время, чтобы не мешать и не смущать хозяйку. Убийца это знал и пришел последним с утренним визитом. Только не учел одного: Паша вернулся с крысой в маскарade. И увидел убийцу. Скорее всего – выходящим из квартиры. Он позвонил, но ему никто не открыл. Тогда, почуяв неладное, Аврора наверняка говорила, что ее могут убить, бросился на поиски гостя. Чем и подписал себе смертный приговор. Паша не был так глуп как, мы предполагали. Наоборот: ожидал, что с Авророй может случиться несчастье, быстро сообразил, и побежал выслеживать. И еще: не было никакого мальчишки-курьера. Это моя глупая выдумка. Убийца пришел сам. Именно – сам. Зачем? Не могу понять. Но сам – не сомневаюсь. Так что и ваша теория о невозможности отравить и заколоть зашаталась. А если предположить, что Паша раньше знал, или хотя бы встречал убийцу...

– То его следовало немедленно «сложить» на Невском, – закончил Лебедев. – Очень похоже на правду. Хоть и невероятно. Бедный Грановский, напоролся на то же шило... Только как злодея не увидел?

– Так ведь тот же прием: в кабинет заходит знакомое лицо. Грановский готов к долгому и кропотливому разговору. А с ним никто и не собирается: войти, удар, выйти. Стремительное нападение в публичном месте, где никто не ожидает подвоха. Антон Сергеевич не случайно выбрал ресторан. Он был уверен, что в таком людном заведении будет в безопасности. И все же подстраховался – попросил официанта меня вызвать.

– Все-таки странно, как удалось так лихо...

– Убийца прибыл раньше Грановского. Взял столик, чтобы видеть

двери кабинетов. Дождался, когда пришел адвокат. Заметил, что принесли чернильницу и бумагу. Потом дождался, чтобы официант побежал выполнять другой заказ. А дальше – быстрота и хладнокровие. Вернулся за столик, допил-доел, чтобы не привлекать внимания поспешным уходом, и был таков.

– И прихватил письмо? – добавил Аполлон Григорьевич, устраивая во рту безжалостную сигарку.

Это действительно – вопрос. Родион попросил проверить карманы. Стоило лишь отодвинуть борт пиджака, как изнутри показался бумажный хвостик. Лист явно складывали в спешке, сильно помяв, свежие чернильные буквы расплылись, но смысл не утратили.

Адвокат успел написать:

«Дорогой Родион Георгиевич! Виноват перед вами, что не смог помочь. Однако теперь исправлюсь. Начну с того, что забыл: институтским прозвищем жены было «Лисичка». Но это не столь важно. Главное, что я нашел ее дневник. Аврора записывала дела на будущий день, скучное перечисление без имен и мест. Как будто черновик. И каждое утро отправляло кому-то письмо. Простите, но показать такую интимную вещь не считаю возможным. Я сжег его. Однако могу с большой уверенностью сказать, что в смерти Авроры».

Точку адвокат поставить не успел.

– У нее дневник закончился, – будто сам себе сказал Ванзаров, пытаюсь между тем найти другой, куда более горячий ответ: почему письмо не было изъято. Времени не хватило? Или убийца настолько уверен в своей неприкасаемости? Логика соглашалась на оба варианта.

– Вы о чем это? – насторожился Лебедев, снова оказавшись в роли несмышленища.

– Екатерина Павловна собиралась дарить Авроре на именины дневник. И Анна Хомякова тоже. Я все понять не мог: зачем такой детский подарок? Все просто: у Грановской закончился старый. Из этого следует: дамы знали, что такой подарок будет нужен и приятен. В двойном размере. Почему?

– Это уж вам виднее, – подтянув рукава, криминалист принялся за осмотр тела и добавил: – Ставьте, что найду розочку со стрелками?

– Ставлю, что их нет, – сказал Родион. – Да уж курите, не мучите себя, пожалуйста.

– И не подумаю, спор есть спор... Сейчас отыграюсь...

Лебедев быстро и ловко вывернул карманы, обшарил в брюках, расстегнул рубашку, сколько позволял воткнутый предмет, но все было без толку. Страшной «метки» не оказалось. Что крайне раздосадовало

криминалиста.

– С вами спорить – что у цыганского барышника лошадь торговать: бесполезно, – сказал он, осматривая уже палец, в который вросло колечко с кусающейся змейкой. Как вдруг что-то привлекло его внимание. Отпустив мертвую руку, криминалист изогнулся к ножке стола и поднял плоскую коробочку, отливавшую благородным серебром. Визитница казалось новенькой и дорогой.

Честь открыть была предоставлена чиновнику полиции.

Родион щелкнул ювелирным замочком. Свежие визитки на матовой, дорогой бумаге плотно теснились. Аполлон Григорьевич заглянул и присвистнул:

– Ну, это уж слишком...

– Выронить из кармана? Ничего проще. Другое странно... – сказал Родион.

– Убить так ловко и оставить глупую улику?

– И это тоже... Зачем в ресторан приглашать. Есть место куда надежнее. И подозрений бы не вызвало. Вы же знаете.

Попросив драгоценную улику и прошмыгнув мимо постных лиц чиновников 3-го участка, которым так и не удалось спихнуть дело, Родион прихватил Семенова, прохлаждавшегося в гардеробе, и припустил по Невскому проспекту.

На поздних гостей обрушился град упреков.

– Господа! Ну, разве так можно! Посмотрите который час! Я же совсем извелся!

Несмотря на жалобы, надежда русской дипломатии выглядел подтянутым, лицо имел свежее, без явных признаков страданий: покрасневших белков глаз или синяков под ними.

– Добрый вечер, Ипполит Сергеевич, – торжественно сказал Родион, протягивая левую руку.

– Да-да, проходите уже, – сказал Делье и зашепшил особой походкой в гостиную.

Вихляющий зад дипломата произвел на грубую душу Семенова неизгладимое впечатление, но, избегая недоразумений, оставим этот темный вопрос пылиться нетронутым.

Кто бы знал, что Ипполит очень хотел казаться радушным хозяином, но в отсутствие кухарки, гувернантки и жены, обнаружил, что сделать это затруднительно. Бокалы, напитки и закуски упрямо не желали появиться на столе сами, а где они водятся в доме, он не знал. Ипполит нервничал от неловкости положения, сел, встал, опять сел, сунул ладонь за вырез сюртука, убрал за спину, положил на колени, но покоя не обрел.

Неторопливо разместившись в кресле, обивка которого каждым цветочком кричала о модности и дороговизне, Родион настроил сумрачное выражение и спросил, не было ли за день вестей от Екатерины Павловны. Затем узнал, не покидал ли квартиру Ипполит Сергеевич, как уговаривались, а напоследок спросил, не приходил ли кто.

– Ах, нет! Весь день как в заточении! – пожаловался Делье. – Какие сведения о Кате?

– Думал, вы мне что-нибудь расскажете.

– Да что же я могу еще?

– Например, что делали, когда ваша супруга ушла.

Глаза Ипполита сами собой похлопали, словно отгоняя туман:

– Что делал? – не понимая, переспросил он. – Что я мог делать в собственном доме! Читал, отдыхал. Ждал Катю...

– Есть кто-нибудь, кто может это подтвердить?

Делье хотел было немедленно ответить, но язык не послушался.

– Выходит, нет, – подвел неутешительный итог чиновник полиции. – И

сегодня весь день никто вас не видел?

– Что с Катей? – вдруг вскрикнул на истерической нотке Ипполит. – Что вы темните? Это жестоко! Отвечайте прямо!

– Ваша жена найдена сегодня утром мертвой на бульваре Большой Конюшенной улицы. Разве не знаете?

Выучка дипломата пригодилась. Другой бы слабохарактерный персонаж уже зарыдал, стал рвать на себе волосы, биться в истерике и выделывать прочие нервные фокусы. Но Ипполит был не таким. Новость он принял так, что ни один мускул на лице не дрогнул, просто не человек – мраморное изваяние. Родион ждал, что будет дальше.

Издав тихий звук, словно из бутылки выпустили газ, Делье моргнул и сказал:

– Я так и знал... Я чувствовал, что это произойдет... Боже мой, какое чудовищное событие... Наш бедный сын... Что же мне делать...

– Откуда узнали о смерти жены?

– Было видение... Не у меня, конечно... Мадам Гильотон предупреждала, но я не поверил... Как это жестоко...

– У меня есть все основания не верить, – сказал Родион.

– Что это значит?

– Спросим логику, – сказал Ванзаров, обращившись к старшему городскому, словно источнику классических знаний. – Кому выгодна смерть госпожи Грановской? Только вам. Почему? При таком исходе карьера ваша не страдает, наоборот – все шансы на подъем. Связи, порочащие вас, обрублены раз и навсегда. Но это не все. Женщина, которую вы любите по-настоящему, теперь тоже свободна. И по странному сходству ее муж погиб точно так же, как и Екатерина Павловна. Что говорит логика дальше? Она говорит, что остается единственный человек, который может помешать соединению любящих сердец, и обвинить вас в смерти жены. Это – ее любовник, ваш приятель по велосипедному клубу адвокат Грановский. Что же происходит с ним? Часов пять назад его находят мертвым в ресторане «Донон». Убит точно так же: ударом в сердце. Все было сделано мастерски. Только в этот раз убийца поспешил и обронил вот это...

Серебряная визитница заставила челюсть дипломата бессильно повиснуть.

– Это невозможно, – проговорил он.

– Самоуверенность часто губит самых умных и осторожных преступников, Ипполит Сергеевич.

– Да как же...

– Очень просто. Грановский стал о чем-то догадываться, подозревать вас, а потому предложил встретиться в велосипедном клубе. Но там невозможно сохранить инкогнито. Вы настояли на «Дононе». До ресторана быстрым шагом – минут десять. Так, что успели раньше него. Заметили, в какой кабинет зашел, выждали удобный момент, вошли, без разговоров нанесли удар, ознакомились с посланием, что он не дописал, засунули в его пиджак, и вышли вон. Только не заметили, как из кармана выскользнула улика.

– Это невозможно, – без эмоций сказал Делье.

– Трудно поверить, что такой грандиозный план погубила маленькая визитница? Придется смириться.

– Но я не выходил из дома! И Грановский не присылал телеграммы и не телефонировал.

– Кто это может подтвердить?

– Даю вам свое честное и благородное слово.

Старший городской недисциплинированно хмыкнул. Родион не осудил мелкий проступок. Более того: схожего мнения сам придерживался. Если бы «честное и благородное слово» способно было поражать молнией всякого лгуна, по улицам трудно было бы пройти от догорающих тел.

– Ипполит Сергеевич, есть единственный шанс вернуться в европейскую политику и этим избежать виселицы, – сказал Родион. – В противном случае, арестуем вас немедленно. Подумайте, что скажут об этом в министерстве.

Уверенный, лощеный, успешный во всех смыслах мужчина, поплыл, как варенье по банке. В опыте чиновника полиции еще не было такой стремительной капитуляции. Просто удача, что Делье пока еще не подпускают к переговорам. Но, что будет, когда этот герой дорвется до руля? Страшно подумать, судьба Европы – буквально на волоске.

– Что вы хотите? – чуть слышно спросил он.

– Правды и только правды, – заявил Родион, чем сорвал немые аплодисменты в глазах старшего городского. – С этой секунды вы отвечаете самую чистую, кристальную и непорочную правду. Иначе...

– Я согласен... – перебил Делье. Нет, все-таки слепотой руководства МИДа стоит восхищаться.

– Что вы делали позавчера утром?

– Где-то около половины десятого я привез букет Авроре, – заторопился Ипполит. – Вышел и стал ждать в коляске Анну, как договорились, на углу Большой Конюшенной. Она появилась чуть позже десяти. Мы поехали... Поехали... Там, где нам никто не мешал. На службе я

сказал, что хочу поработать в библиотеке с документами по Балканскому вопросу... Мы расстались с Анечкой, кажется, после трех, и я поехал на Дворцовую. Вот и все...

– Госпожа Хомякова спрашивала о способах убийства?

– Не совсем... Анечка хотела узнать, какие яды хорошо держатся на иглах...

– И вас это не удивило?

– Немного... Однако мало ли что придет в голову женщине?

– А теперь... – Ванзаров сделал такую значительную паузу, чтоб до печенок пробрала. – Подумайте: кого собиралась убить Хомякова?

– Я понятия не имею! – в ужасе прошептал Делье, словно опасался немедленного возмездия.

– Может быть, Анна намекала, что Елена Павловна готовится ее убить?

– Простите, Родион Георгиевич, но это чистый абсурд.

– Вы так думаете? Боюсь разочаровать вас... – и Родион вкратце рассказал, какой подарок готовился в шляпной коробке.

Последний бастион пал без боя. Делье был настолько раздавлен открывшимися подробностями, что расстегнул сюртук и ослабил галстук. Это было выше его сил. Вся налаженная и настроенная жизнь, в которой каждый играл свою роль, не мешая другому, в один миг обернулась липким кошмаром. Такого страха Ипполит не испытывал даже на экзамене по греческому языку. А по латыни – и подавно. Но чиновник для особых поручений забыл, что такое жалость, а потому упрямо спросил:

– Телефонировал сегодня доктор Карсавин?

– Карсавин? Не слышал о таком...

– Так кто приходил в дом?

– Да, никто же... – чуть не в слезах ответил Делье.

– Совсем никто?

– Ну, прибежала какая-то посыльная с очередной Катиной шляпкой.

– Она оставалась в прихожей одна?

– Нет... Ну, то есть, у меня в кармане не нашлось мелочи, знаете, на чай дать, я и пошел в кабинет...

– Готовы отправиться в салон мадам Живанши и опознать работницу, что приходила к вам?

– Конечно-конечно...

– Где эта коробка?

Под надзором Семенова Делье приволок из прихожей цилиндр, сверкающий бело-голубыми полосками атласа. Для осторожности и

рассудительности времени не осталось. Задержав дыхание, Родион рванул крышку. Она скрывала мирную соломенную шляпку в бантах и цветочках и счет на двадцать рублей за всю эту красоту. Динамита или выскакивающих ножей, к счастью, не оказалось.

От всех событий, нахлынувших разом, Делье погрузился в состояние легкой протрации. Чем не преминула воспользоваться сыскная полиция. Родион попросил разрешения осмотреть квартиру, туманно намекнув, что господин Делье может и не разрешить, если захочет. На юридические тонкости хозяин махнул и погрузился в горестное отупение. Что и было нужно.

Ванзаров занялся спальней Екатерины. Перерыл письменный столик, трюмо, бессовестно заглянул во все женские ящички, куда мужчине не позволительно приближаться, перерыл платяные и даже книжные шкафы, заглянул под ковры, проверил комод и посудный сервант. Все места, где барышня может соорудить свой маленький тайничок, были обшарены снизу доверху. Очень большой запас конвертов без марок и четвертушек писчей бумаги нашелся сразу. Но дневника, на который так рассчитывал Родион, не было. Зато в детской нашлось нечто любопытное. За пологом детской кровати скрывался аквариум, превращенный в самый настоящий террариум – с песком, камнями и корягой, под которой уютно отдыхать гадюке. Все-таки очень умная и расчетливая женщина Екатерина Павловна: сын – на даче, а муж вряд ли помнит, где в доме находится детская. Никто не заметит, что в квартире поселился ядовитый гад.

Как и следовало ожидать, открытие террариума стало для Делье очередным последним чудовищным открытием. Нервы дипломата лопнули, он застонал и разрыдался, по-бабьи размазывая слезы. Пришлось Семенову бежать на кухню за водой. Нет уж, куда такому тюфяку шилом бить без промаха. А еще велосипедист, можно сказать – «спорт-мен».

Взяв с зареванного дипломата страшную клятву оставаться завтра под домашним арестом весь день и ждать его прихода, Ванзаров отправился в прихожую.

– Как увидите, непременно передайте от меня привет Борису Георгиевичу, – сквозь всхлипы попросил титулярный советник. Что тут сказать? Горе горем, а почтение к начальству забывать нельзя. Российского чиновника не переделать.

Выдержав рукопожатие старшего городского, Родион отправился домой. Было уже полночь, когда он ступил на лестницу. Вежливый кашель заставил обернуться. Домовладелец нижайше поклонился, и стал молить о помощи.

– Что еще? – устало спросил Ванзаров. – Я же согласился с оплатой...

Оказалось, дело совсем иного рода: обожаемый и единственный сынок, он же наследник недвижимости, который виднелся за отцовской спиной недозрелой дубинушкой, заявил, что отправляется добровольцем в поход, назначенный от Гроба Господня, через Памир и Пенджаб на Мадагаскар для помощи братьям-французам.

– Сколько просит дитя для помощи братьям-французам? – спросил Родион, предвидя ответ.

– Сто рублей! Помогите, Родион Георгиевич, вы же полиция! Вразумите! Спасите! Что мне делать? – завел волынку несчастный отец.

– Вам сына жалко в подход отпускать или сто рублей?

– Уедет, а кто отцу по дому помогать останется? И денег столько!

Как честный человек, Ванзаров должен был посоветовать домовладельцу взглянуть на глобус: добровольческий поход неминуемо оказался посреди Тихого океана. Но объяснять мелкому жулику, что его драгоценного сынка обманули куда большие жулики, которые в этом году стали активно открывать благотворительные общества, собирать пожертвования и бесследно исчезать, было чрезвычайно противно. Глянув на верзилевого шалопаю, проводившего раскопки в ноздре, Родион дал бессмертный, а потому верный во всех отношениях совет:

– Не жалейте ремня. А не поможет – купите велосипед, пусть увлекается. Говорят, полезно для здоровья. Особенно – для полового развития. Вашему сыну это не повредит.

Амбалаж

«Приемы обучения езде дам разнятся только в отношении влезания и схода с велосипеда, в остальном же остаются те же. Дамы, конечно, могут учиться ездить и без посторонней помощи, но советовать это я не рискую. Если нет опытного учителя, то лучше взять хоть кого-нибудь, кто бы мог поддержать ученицу во время падения».

Там же.

Белая ночь плыла взбитой периной. Редкий стук запоздавшей пролетки или неясные окрики загулявших нарушали недвижность теплого воздуха, вобравшего за день жар домов, тротуаров и необъяснимых запахов города, и теперь степенно выпускавших их на волю. Луна светила ярко, небо очистилось звездами.

Родион полуночищал перед открытым окном, не зажигая света. Стыдливо оставим во мраке детали его одежды, которых, можно сказать, и не было вовсе. Пора, наконец, пожалеть героя, носится целый день по жарнице в костюме-тройке и ботинках. В конце концов, имеет право молодой мужчина подставить освежающему дыханию ветерка утомленное тело. Да, и кого стесняться: домашних – нет, прислуги – нет. Сиди наслаждайся.

Тело Ванзарова остывало. Но если бы заглянуть в его мозги, хотя, что нам там делать, то пришлось бы поразиться: какой котел бурлил. В раскаленную топку была посажена красивая логическая конструкция, и теперь ей приходилось несладко. Родион пробовал на прочность со всех сторон, сомневаясь и не веря, опять в который раз возвращаясь и пытаясь найти ошибку.

Хуже всего, что логически раскрыть преступление для чиновника полиции – непозволительная роскошь. Логику в суд не потащишь, адвокаты засмеют, а присяжные не поверят. Да и господин пристав не станет об нее рук марать. Вывернет так, что коллежский секретарь взвалил на себя пуд дел, и ни с одним не справился. Известный прием: дать твоему врагу заниматься делом, которое заранее обречено. Оно же его и ухлопает. Требуются не просто выводы, а исчерпывающие улики. Как их добыть, Родион плохо представлял. Обещание раскрыть три убийства, а теперь уже и четвертое, выглядело в эту минуту слишком смелым. Не то, чтоб он боялся ответственности или сомневался в своих силах. Но привычка отчитаться перед начальством, даже в таком свободном и чистом характера, была впитана на уровне рефлексов. Как ни странно, Родион боялся, что не оправдает доверия, как чиновник полиции. Ему хотелось не только блестяще раскрыть дело, но и получить заслуженные награды и поощрения. Что поделать: чиновничество – как зараза. Стоит впустить – отравишь кровь, и потом долго будешь исцеляться. Родион не знал, что в этих мучениях рождается главное качество его характера: стойкость перед

правилами системы, которые уродуют и калечат, заставляя подстраиваться под их жернова. Предстояло решить что важнее: найти истину или завершить дело. Как оказалось – эти материи далеко не всегда совпадают.

Получив преступление, о котором мечтал, – таинственное и запутанное, Родион с удивлением осознал, что как раз такие – есть главная неприятность для чиновника полиции. Доставляя радость интеллекту, проклятое дело, оброставшее трупами, грозило похоронить карьерные планы. В конце концов, что подумают в департаменте: мальчишке навесили «чиновника особых поручений», дали как раз особое и серьезное, а он провалился. И правильно, что от него открестился начальник сыскной полиции Воцинин. Такому недотепе только и сидеть в глухом участке. Короче говоря, Родион с некоторым ужасом понял, что если не найдет загадочного убийцу, да так, чтобы приволочь в суд, ему несдобровать. Уж пристав позаботится.

Следовало не просто понять, кто убийца, но изблечить его. С этим возникли серьезные осложнения. Родион видел, что все вертится вокруг персоны Карсавина, но как его прищучить? И кто наносил удары шилом? У него в руках оставалось две тончайших ниточки: схватить за руку Хомякову и опознать девушку, что выкрала визитницу Делье. Барышня может показать на убийцу. Если она еще жива.

Только нащупав эту мысль, Родион подскочил, как ужаленный и бросился на кухню, где припал к водопроводному крану, жадно глотая воду. Главное логическое звено было найдено. Все несуразности, даже черная розочка со стрелками, сразу встали на нужные места. Теперь надо действовать быстро, но тихо, чтобы не спугнуть. Господин пристав будет крайне разочарован.

Перекипев радостью, Родион обнаружил, что все равно не может заснуть. Теперь во всей красе предстали васильковые глазки. Волшебные зрачки ничего не просили, не требовали, а только вынимали душу. Возникли настолько необыкновенные и несуразные мысли, что и непонятно: откуда такие берутся. Родиону потребовалось в другой раз припасть к источнику водопроводной жидкости.

Пока он пьет, позволим разъяснить один вопрос. Быть может, кто-то считает, что юный Ванзаров не там искал для себя взбодрение, а следовало ему затянуться папироской или уж трубкой. Приоткроем тайную причину. Как-то раз, только поступив в Департамент полиции, Родион решил, что пора обзавестись привычкой курить. Если студенческие годы пропали зря. Забег между папиросами, сигарами и трубкой, выиграл номер «третий». Родион отправился в табачную лавку, выбрал вишневую, изогнутую

куриным бедрышком, и, прокашляв, да отплевавшись свое, начал курить. Сначала дома, затем на службе, а после и в общественных местах. Он честно не замечал, с каким удивлением рассматривали его прохожие. Действительно, не каждый день увидишь юнца, у которого изо рта дымит охотничий рожок. Счастье продлилось неделю. Заглянув к матушке на воскресный обед и, раскурив трубку, Родион был оглушен ржанием в стиле гусарской лошади, которое издал благороднейший Борис Георгиевич с другого конца стола. Давясь от смеха, старший братец заявил, что теперь население столицы может спать спокойно, благо появился наш местный Шерлок Холмс. Не имея возможности заглянуть во все сложности отношений Родиона с братом, остается признать: это было жестоким ударом. Ввернувшись в свою квартирку, Родион Георгиевич засунул трубку под гору старого хлама в кладовку и поклялся страшной клятвой, что отныне «никогда».

Вот, кстати, и он. Как жаль, что история трубки помешала заметить, когда Родион принял важнейшее решение. А он его уже принял. Не обладай мы особыми правами заглядывать куда хотим, и так было бы ясно: юноша принял самое важное решение в своей жизни. И сделал это так лихо, что сам себе удивился. Утро приблизилось незаметно. Откладывать решение на час, а тем более день, не следовало. Вернее, он бы просто не вытерпел, лопнув от переполняющих чувств.

Окатившись ледяной водой, так что пол на кухне покрылся тонкой лужицей, Родион нашел последнюю чистую рубашку (опять забыл вовремя к прачке), очистил все тот же парадный костюм, слегка помятый вечерней кутерьмой, и стремительно выбежал на улицу, чтобы случайно не наткнуться на отца юного добровольца, идущего на помощь братьям-французам.

В этот час торговля на Сенном рынке не смогла удовлетворить аппетиты разгоряченного юноши. Пришлось схватить, что было: куст садовых цветов в добрый обхват, и отловить сонного извозчика.

Портье Бирюлькин, господин плотных форм и розовых щечек, умел оценивать посетителей с краткого взгляда. Он понял, что юноша в костюме с букетом, но без шампанского настроен настолько серьезно, что барышне несдобровать. Действительно, мальчишка спросил, в каком номере проживает госпожа Ухтомская. Проверив по книге записей, хотя и так помнил, Бирюлькин сообщил, что такая дама у них не числится. В этом не было ничего странного: в меблированных комнатах, в отличие от гостиниц, паспорт не спрашивали, считая, что постоялец будет пребывать долго, и так никуда не денется, дама могла назваться любой фамилией. Юноша оказался

настойчив. Борясь с букетом, выразительно описал даму, на которую Бирюлькин засматривался и строил невольные планы, особо отметив наличие велосипеда «Рудж». Соперника можно было срезать, но портье сжалился и назвал номер на втором этаже, лучший в их заведении.

Успокоив дыхание, Родион вознес руку и вежливо постучал. Каждая секунда томительного ожидания казалось пыткой. Наконец, за дверью встревоженный голос спросил «что угодно». Гость назвал. Тот самый необыкновенный, волшебный, восхитительный голос раздраженно выпалил «ах, боже мой», последовала невнятная возня, и Родиона попросили немного обождать. Все ясно: неурочный визит к даме утром, она не готова, еще не зная, какое счастье ожидает ее за дверью.

Софья Петровна не заставила долго ждать. Приоткрыв створку и осмотрев,пустила нежданного. Родион отметил, что барышня успела одеться в роскошное вечернее платье и причесаться, как мило и быстро у нее получилось. Скорее по привычке, чем желая смутить, Родион огляделся. Просторная гостиная имела вид, словно ее хозяйка развлекалась все утро тем, что выворачивала чемоданы. Кучи платьев, корсажей, юбок и прочих женских принадлежностей оккупировали все свободные места. На ближайшем кресле возлежала пара шляпок, одна в шу и лентах, другая с милой, но скромной эгреткой в виде букета райских яблочек. Видимо, стесняясь беспорядка, Софья Петровна прикрыла створку массивного платяного шкафа, убрала стопку чего-то в кружевах и предложила садиться. Родион плюхнулся в кресло. Сообразив, что в гостях невежливо держать букет, он кое-как выдал «это вам». Приняв цветы, Софья Петровна спрятала в них свое прекрасное лицо, неиспорченное даже утром, вдохнула, поблагодарила, добавив «как это мило с вашей стороны».

Сказав «пора», Родион попытался издать осмысленный звук, но вылетел шершавый кашель. Совладав, он принял смиренную позу и сказал:

– Мне нужно с вами переговорить.

Софья Петровна смолчала, что было к лучшему. Родиону следовало, как можно скорее, опустошить себя.

– Мы с вами знакомы только три дня, но мне кажется, что прошла целая вечность, – сказал он, проклиная себя здоровой половиной мозга за банальность. – Я знаю, что слова мои могут показаться вам странными. Но прошу выслушать до конца. Я принадлежу к небогатой, но достойной семье. У меня перспективы по службе, и я могу занять в скором времени уверенное положение. Я не богат, но приложу все усилия к тому, чтобы семья... То есть не о том... Софья Петровна, я знаю, что вы принадлежите к состоятельному семейству, но сразу хочу сказать, что ваше приданое меня

не интересуется... То есть да что же это... Меня вообще не интересует деньги... Я бы хотел сказать, что встретив вас, сразу понял, что вы, это вы... То есть не знаю, как лучше сказать, но прошу вас... Мне, право, неловко, но... Как бы понятнее выразиться...

– Вы просите моей руки, – подсказал барышня.

– Да, спасибо... Софья Петровна, я прошу вас составить счастье всей моей жизни: станьте моей женой...

Родион знал, что в такой момент полагается встать на колени и поднести колечко. Но ювелирные лавки в такой час закрыты, а на колени он побоялся встать, чтобы не лопнула штанина, кто ее знает, как прошита. И попросту остался сидеть.

– Родион Георгиевич, вы одаренный молодой человек, – сказала Софья Петровна несколько более задумчиво, чем требовал такой счастливый момент жизни, к тому же скрестив на груди руки. – У нас было всего три встречи. Замечательных, чудесных, но всего лишь три. Разве можно узнать человека так быстро? Что если ошибаетесь, и я совсем не та женщина, что нужна вам?

– Я умею видеть сущность людей, – сказал Родион и сразу пожалел. – То есть мне кажется, что лучше вас я никого не встречал.

– И вы готовы связать себя браком на всю жизнь с первой женщиной, в которую влюбились?

– Я не влюбился... Вернее, конечно, влюблен, просто чувствую, что вы близки и дороги мне.

Бросив слишком строгий взгляд куда-то за спину чиновника полиции, Софья Петровна тут же улыбнулась и сказала:

– Вы такой молодой, вам еще надо узнать женщин. Так неужели готовы отказаться от разнообразия и новых открытий ради одной? Вам лучше выпустить свою страсть на женщине, которая занимается этим профессионально. И тогда подумать еще раз. Что хорошего несет семья и быт? Дети, склоки, проблемы, нехватка средств, пеленки, запахи вечной готовки, визиты к родственникам, скука в постели, старение вместе и понимание, что ты ненавидишь свою половину. И на все это вы готовы променять главное богатство человека: свободу и познание всех глубин человеческого счастья? Неужели хотите стать скучным обывателем? Это глупо, Ванзаров.

– Но я люблю вас, – попытался оправдаться он.

– Ради этого не стоит обречь себя.

– Ради вас готов на все... Вернусь в департамент, сделаю карьеру, вы ни в чем не будете иметь недостатка, даже уйду из полиции, если захотите.

– Ради женщины готовы бросить дело своей жизни?

– Не ради женщины, а ради вас.

Софья Петрова вдруг резко шагнула к нему, словно заслоняя, присела и, глядя прямо в глаза, сказала:

– Чудесный, славный, милый, наивный, очень добрый... Хочешь, я подарю тебе желанную радость? – ее рука обвила шею, Родион ощутил вибрации, идущие от близкого женского тела, и удушающий аромат сладких духов.

– Возьми меня... Подними на руки, отнеси на постель и люби... Люби... Я согласна... Зачем условности брака, просто люби меня, как мужчина женщину... Выпусти зверя, покажи свою силы... Я твоя... Я для тебя...

Пуговица сюртука юркнула в прорезь, раскрывая жилетку. От дыхания ее губ по скуле пробежала мучительная судорога щекотки, такая, что захотелось содрать одежды и выпустить зверя. Перед глазами поплыло жаркое марево, Родион ощутил неудержимый прилив.

– Не сдерживай себя... Здесь все можно... Мы одни, только ты и я... Покажи мне свою любовь, и я подарю тебе неземное наслаждение... Ты готов, иди ко мне... Люби меня...

– Так вы мне отказываете? – вдруг спросил Родион.

Васильковые глазки, в которых почти утонул, резко сузились, став холодными и колючими (ну, так уж показалось – именно: «колючими»). Софья Петровна отстранилась и строго спросила:

– Что?

– Я бы хотел получить официальный ответ на мое предложение.

Встав с колен, она отошла в дальний конец комнаты.

– Простите меня, я не хотела вас обидеть, – сказала тихо и печально. – Все значительно хуже, чем вы думаете...

Буря отступала, оставляя после себя опаленные внутренности и бешеную колотню сердца. Родион стал дышать, смог проглотить и ком в горле. Но язык еще не слушался.

– Вы заметили, я собираюсь в отъезд, – продолжила Софья Петровна. – Утром пришла телеграмма: отец мой при смерти. Ему осталось буквально несколько часов. Боюсь, что не успею с ним проститься. Я должна срочно уехать в Париж... А ваше предложение... Хочу от всей души поблагодарить за него. Наверное, с вами стала бы счастлива. Это было бы чудесно. Но обстоятельства таковы, что я не могу распорядиться собой. Состояние отца надо сохранить. А для этого... Простите, я бы не хотела еще больше ранить вас...

Он вполне овладел собой. Полезная была процедура. Как нырнуть в

кипящую смолу, и вынырнуть: живой-то живой, но старая кожа слезла. Родион не знал, что с ним случилось, но далеким чутьем понял, что перешагнул в жизни существенный рубеж. Ему не было больно, это что-то совсем иное. Словно невидимый хирург вырезал старые глаза и вставил новые, по живому без хлороформа. Сильное потрясение меняет человека, это он знал. Но впервые ощутил, каково это – на себе. Урок был трудный, но целительный. Стало легче. Так легко, словно внутри у него ничего не осталось. Пусто и тихо, только ветер воет. Ему и хотелось завывать, вот только воспитание не позволяло. Так прощаются с первой любовью.

Ванзаров поднялся, по-военному одернув сюртук, и спросил разрешения проводить на вокзале.

Софья Петровна нахмурилась:

– Мне будет тяжело... Да и вам лишние мучения. Простимся сейчас... Спасибо вам за чудесные три летних дня... Я их никогда не забуду. Обещаю... Позвольте на прощание дать один очень женский совет?

Родион покорно готов был ко всему.

– Когда будете иметь дело с милыми и славными барышнями, будьте начеку, – очень серьезно сказала Софья Петровна. – Вам, мужчине, сложно представить, какие мысли порой посещают милую головку. Будьте осторожны: женщины – опасный и коварный враг. Они беспощадны и пойдут на все ради достижения своих желаний. В самой тихой домохозяйке может скрываться безжалостный дракон. Стоит ей это понять... Опасайтесь блондинок, они самые непредсказуемые.

– Благодарю, меня уже предупреждали.

Его наградили легким движением бровей:

– В таком случае, искренно желаю вам завершить дело, о котором столько рассказывали, и стать знаменитым на всю Европу сыщиком. Напишите мне в Париж, чем все кончилось. А быть может, ваша слава сама настигнет меня. Прощайте, чиновник полиции... Вас ждет великое будущее... Вы найдете свое счастье...

Софья Петровна по-мужски протянула руку. Если у них в Париже так принято, то здесь у нас свои порядки: Родион предпочитал целовать, а не давить милые ручки.

Чиновник полиции поклонился и стремительно вышел.

Неужели подвиг выдержки и самообладания удался от нерешительности или даже трусости? А вот и нет. Даже в самый разгоряченный момент Родион не мог отделаться от странного чувства, что в комнате еще кто-то есть. Буквально чувствовал это затылком. А быть может, слишком развитое обоняние уловило присутствие других духов.

Аромат был не явным, но Родион готов был поклясться, что где-то с ним встречался.

Портье не ожидал, что молодой человек вернется так скоро, и в таком спокойном расположении духа. Только на шее красное пятно, как от нервов. А когда ему показали зеленую книжечку чиновника полиции, Бирюлькин даже растерялся. От него потребовали сообщить: кто приходил в номер к госпоже Ухтомской. Бирюкин поклялся, что гостей у барышни сегодня не было, да и вообще к ней никто не приходит, «кроме вас». Тогда чиновник полиции потребовал предъявить журнал записи гостей. Но сколько Бирюкин ни искал лист, в котором расписалась госпожа Ухтомская месяца три назад, так найти и не смог. И что совсем странно: никак не мог вспомнить ее фамилию. Просто наваждение какое-то: здороваться с дамой каждый день, и не знать имени. Может, не говорила?

Что мог Родион? Только строжайше потребовал, что в случае возврата памяти немедленно сообщили в 4-й участок Казанской части.

Обильные груди, из которых столица империи вволю лакала молоко, раскинулись в ближних пригородах по маленьким хуторкам. Держали их финские крестьяне, а потому молоко было жирное, без долива. Нынче сытые коровы доились хорошо, но Марта Ярви не любила лето. В это время года молока хоть залейся, а продавать его некому. Постоянные покупатели уезжали на дачу, бизнес чах. Вот и сегодня, добравшись с тележкой, уставленной бидонами, от Охты до самого центра, Марта продала всего ничего. А потому решила наведаться в заветную квартирку. Еще в мае хозяйка строго приказала, чтоб раньше августа молока не носила – сын отвезен на дачу, а больше оно никому не надо.

Отлив дворнику «дарственную» кружку, чтобы не ворчал, и, уповая на русский авось, финская крестьянка потащила бидон на второй этаж.

Марта уже собралась постучаться к покупателям, как вдруг заметила, что створка не плотно прилегает, а язычок замка торчит наружу. Будучи женщиной воспитанной, а также не умея пользоваться звонком, она легонько приоткрыла дверь, засунула нос и визгливо заголосила:

– Малакка! Слювка! Смютан!

Так и не овладев гласными славянского языка, финка брала голосом, от силы которого распахивались окна на всех этажах. Но зычный призыв остался без ответа. В прихожей было темно и тихо. И пахло чем-то неприятным.

Марта подумала, что хозяйева еще спят, у этих городских такие порядки, но волочь полный бидон назад было жалко. Она тронула дверь, чтоб стало пошире, и тут что тихонько стукнуло. Марта глянула под ноги. Обнаружился мужской ботинок, привалившийся к порогу. А рядом – другой...

Дворник Игнат Карпович сдул пышную пену, и уже приготовил рот, чтобы насладиться парным молочком, как с лестницы раздался такой истошный, нечеловеческий визг под грохот бидона по ступенькам, что архангельский мужик выронил кружку, обильно оросив грудь, рубашку, и фартук с номерным жетоном.

Главное счастье чиновника – работа с документами. В ней он находит спасение от навязчивых посетителей. В бумагах видит чиновник смысл и назначение своей деятельности. Приказы, распоряжения и справки. Справки – особенно. Для чиновника справка – что для дамы шляпка. Без нее никуда. В обычное время Ванзаров пренебрегал бумагами, считая их нудным занятием, но сегодня бумаги стали его спасением. Уйдя в них с головой, коллежский секретарь нашел средство прийти в себя, изучая ответы из разных инстанций. Справки оказались удивительно полезными. За словами, написанными чудовищным канцелярским языком, проклюнулось множество любопытных фактов.

Так, например, мадам Гильотон, происходившая из королевского рода Стюартов, рождена была дочерью титулярного советника, служившего по министерству уделов, Тимофея Арнольдовича Кивато, проживавшего на Васильевском острове. Дочь родилась у чиновника двадцать пять лет назад и крещена была Ариною.

Более любопытные сведения обнаружилось в ответе из Смольного института. Оказывается, на одном курсе с госпожой Бравинской (в замужестве Делье), госпожой Мезенцевой (в замужестве Грановская) и даже госпожой Николаевой (Хомяковой по мужу), училась Арина Тимофеевна Кивато, более известная, как мадам Гильотон, впоследствии предсказавшая Наполеону III поражение при Седане, как раз, когда еще не родилась. Как чудесно, что институт внимательно следил, за кого выходили его благородные девицы. Не зря же все-таки прививали им хорошие манеры. Кому ни попадя такое сокровище отдавать нельзя. Нашлось несколько и других любопытных фамилий, но сейчас было не до них.

Представив хищный образ огненно-рыжей красавицы, Родион согласился, что «Куничка» ей к лицу. А справка из антропометрического бюро свидетельствовала: госпожа Кивато привлекалась за мошенничество, но была отпущена без суда на поруки с неясной характеристикой «по особым причинам». Какие там «особые», самые тривиальные причины: папаша подсуетился, чтобы дело закрыли. И отправил доченьку с глаз долой в Париж, откуда она вернулась прорицательницей.

Осталось сравнить список Живанши и смольнинского курса. Поразительный факт: совпадение нашлось только в одной фамилии. Той самой, что так тщательно скрывала мадам Гильотон – ее собственной.

Карточка «Твоя М.Г.» возникла из ящика стола. Во сколько она была у Авроры? Говорила, что ближе к полудню. А если именно она была последней? И ее видел Паша, скажем, поднимаясь по лестнице? И на ней должен замкнуться круг. Но до этого...

Родион попытался разорваться на две половинки, но у него ничего не получилось. Срочно требовалось оказаться в двух места одновременно: опознать с Делье вчерашнюю посылную и немедленно допросить Хомякову. Без всяких сомнений: она знает своего убийцу. Который исправит недочет Екатерины Павловны, если не поторопиться.

Дурное предчувствие обогнало старшего городского. Семенов еще только ковылял к столу коллежского секретаря, а внутри Родиона сжался неизвестный науке орган, который при страхе знаком каждому из нас. Стараясь не возбуждать лишнее любопытство, городской не стал козырять и докладывать, а дружески поманил за собой. И уж на улице обрушил на бедную голову Родиона ушат мутного тумана. Не разбирая дороги, чиновник полиции побежал, не следя за неприлично расстегнутым сюртуком.

Белый водопад покрыл ступени. Бидон, беспомощно раззявив горло, плыл в луже молока. Стараясь не испачкать ботинки, Родион одолел два пролета. Здесь было посуше, молочное озеро сошло вниз. Около его кромки торчала подметка мужского ботинка. Надежда русской дипломатии был повержен в собственном коридоре и замер в странной позе: словно торопился со всех ног за уходящим поездом, но боги решили пошутить и обратили беглеца в камень. Бедняга застыл с неестественно размахнутыми руками в согнутых коленках. Судя по одежке, он отправлялся ко сну: жилетка и рубашка расстегнуты, пиджак уже снят, но не брюки. Ипполит Сергеевич не успел надеть и домашнего халата. На дорогой шелковой матери отчетливо виднелся желтоватый шарик с черточками. Плотно вошел, даже ямку вокруг себя собрал.

Оставив Семенова близко никого не подпускать, Родион отправился взглянуть на свидетельницу. Марта восседала в дворницкой, тупо уставившись в печку. Игнат Карпович хлопотал вокруг нее, предлагая то чаю, то водки, но бедная крестьянка не могла оправиться от шока. Чиновник полиции пытался выяснить, как она нашла тело, но на него смотрели бессмысленные коровьи глаза. Женщина что-то сказала по-фински, но понимать было некому. Используя знаки и ужимки, Родиону удалось добиться главного: дверь не была заперта, только чуть прикрыта. Убийца не совершал нечто невообразимого. В этот раз все было просто: позвонил, открыли, ударил и сразу ушел.

Лебедев управился быстро. Подойдя к Ванзарову, оседлавшему ступеньку к следующему этажу, сообщил, что смерть наступила достаточно давно, не меньше восьми часов назад. Вероятнее всего, Делье попытался защититься. Как мог. Во всяком случае, старался парировать удар.

– Откуда они берутся? – сказал Родион, разглядывая все то же шило.

В это утро Аполлон Григорьевич не был расположен к веселью, а потому довольно мрачно сообщил: опросил всех знакомых докторов, инженеров и даже сапожников. Все разглядывали с интересом, но толку никакого: никто не знает, что это такое.

– Может быть, предмет какого-то восточного культа? – добавил он. – Все-таки у трупа кольцо со змейкой.

– Уроборос тут ни при чем. Надо было только выждать...

Лебедев скроил гримасу непонимания.

– Преступник видел, как я с Семеновым вошел в квартиру, – объяснил Родион. – Ждал на лестничной клетке. Дождался нашего ухода и сразу позвонил. Делье решил, что мы это мы вернулись и, не раздумывая, открыл дверь. Реакция велосипедиста помогла прожить несколько секунд дольше.

– И кое-что оставить нам...

В мощной ладони, натренированной вскрытием трупов и трепанацией черепов, блеснуло крохотное пятнышко на золотой цепочке.

– Где вы это нашли? – не веря своим глазам, спросил Ванзаров.

– Удивитесь, но в левом кулаке... Очевидно, Делье сорвал с убийцы.

– Чему я должен удивляться?

– Тому, коллега, – хмурое выражение криминалиста посветлело, в предчувствии маленького торжества, – что этого не может быть. Удар наносился левой рукой. Но Делье – правша, я специально узнавал у него в клубе. Следовательно, защищаться он должен был правой. И вырвать что-то правой. А если штучка в левой...

Неудачная мистификация. Для чего?

Перевернув зеркальце, Родион обнаружил гравировку имени. Такая улика тащит сразу на виселицу, только если будет, кого тащить. Подарок Карсавина удачно болтался по карманам, и теперь рад был напомнить, кому принадлежит. На обратной стороне имелась тонкая гравировка: «Родион». Не только милый подарок, но именная вещица. Какой славный доктор. Значит, зеркальце настоящее.

– «Анна», – прочитал Лебедев. – Хомякова?

– В этот раз – наверняка, – сказал Родион.

– Что, развалилась ваша логическая конструкция? Опять нет розочки со стрелками.

– Напротив: крепка как никогда.

Одолжив улику и возложив составление протокола на подроспевшего чиновника Редера, Ванзаров заскользил вниз по молочной реке.

Анютка Мокина умаялась так, что ног под собой не чуяла, кое-как добралась до диванчика и рухнула, не сняв передника с заколкой. Но подлый сон не желал накрыть уютным покоем. Как назло – глаза не слипались, а в ушах такой гул, что хоть звонаря кличь. Поворочавшись так и эдак, Анюта заставила себя встать, поплелась в спальню барыни, нашла флакончик от нервов и прилично глотнула. Вкус мерзостный. Анюта отплевалась, но как прилегла, так сразу и поплыла в сладкой дремоте. Хорошо стало, уютно, тело медленно растворялось в теплом тумане, она уже видела что-то невнятное из ее прежней деревенской жизни, то ли сад, а может. лужок у озерца, как вдруг сквозь дремоту послышался звон колокольчика. Анютка знала, что хозяйка не вернется до вечера, а больше открывать некому. Тем более, получила строгий наказ: отпирать только ей и никому более, даже если почтальон придет или какой посыльный.

Отгнав пробуждение, Анютка нырнула поглубже в сон. Но проклятый колокольчик и не думал отступать. Тренькал и тренькал, досаждая, как заноза. Горничная ужасно не хотела вставать, ноги от снадобья стали ватными, может, позвонят и уйдут. Не велика птица. И, правда, колокольчик затих. Анютка вздохнула с облегчением и пристроила щеку в приятную ложину подушки. Стало тихо. Как вдруг от двери послышался треск.

Сон пропал. Анютка вскочила, прислушалась: и вправду – крушат. Так ведь это грабители! Она одна в доме. Сейчас вломятся, пырнут ножиком, и поминай как звали. Вон, хозяина на Невском прирезали. Теперь за нее взялись. Что же дворник не слышит? Замки-то у них крепкие, но так принялись, точно не выдержат.

От ужаса бессилия Анютка заверещала поросенком под ножом мясника. За дверью сразу притихли, зато голосище закричал:

– Есть кто в доме?

Точно – душегубы. Не переставая верещать, Анютка добавила к возгласам как и любая нормальная барышня, в трудной ситуации:

– Убивают! Спасите! Полиция!

– Чего орешь, дура! – закричал все тот же бандитский голос. – Мы и есть полиция! Открывай немедленно.

Как только до хилых мозгов горничной дошло, что полиция уже явилась на помощь, девица бросилась к двери. Открывать, по-честному, было уже нечего: замок выворочен с корнем, створка держалась на цепочке.

Только Анютка ее сняла, как ворвался плотный господин, приходившей второго дня, и закричал:

– Где Анна Хомякова?

– Так на бале они, – дрожа всем телом, ответила Анютка.

Худосочное существо с перекошенной заколкой, измятым фартуком и полными тупого ужаса глазами, должно было вызвать жалость и сострадание. Но Родион ощутил только злость. Из-за этой дурехи наломал дров, то есть дверей, подумал: опять опоздал и ждет его парочка хладных трупов. А тут – вполне живое тело. Хоть и хилое.

– Почему не открывала? – все же спустил досаду чиновник полиции.

– Так ведь с пяти утра на ногах. То одно подать, то за другим сбегать, – пожаловалась Анютка строгому, но милому господину, и такому молоденькому – просто прелесть, не то, что жуткий верзила на лестнице. – Уж так готовились... Все разглаживали, ушивали, еле жива...

Подмывало воспользоваться моментом и провести незаконный обыск. Но Родин стерпел и только спросил:

– Письма госпожа часто шлет?

– Так ведь каждое утро посыльного отправляем.

– Кому пишет? Подругам?

– Подруг она и так видит... Доктору какому-то, сообщает диагноз, – с умным видом доложила Анютка и улыбнулась. Так понравился ей это пухлик, словно румяный пирожок. Вот прогуляться бы с ним под ручку.

Румяный пирожок не был настроен на романтические волны. Приказав столяру чинить то, что было сломано с таким рвением, а дворнику следить за каждым, кто приходит в эту квартиру и докладывать прямо в участок, Родион отправился в Дворянское собрание. И Семенова прихватил, куда же без старшего городского теперь.

Среди господ, посвятивших свою жизнь благотворительности, были не только жулики. Изредка попадались глубоко наивные люди. Они искренно верили, что, собрав некоторое количество средств, можно улучшить нравы, помочь обездоленным или поспособствовать прогрессу. В общем, пытались заниматься совершенно бесполезными делами. Кроме благотворительной подписки, модным способом отъема денег стали дневные благотворительные балы. Чтобы попасть на него, надо было иметь приглашение и изрядную сумму. Взамен получить выходной день на службе, милое веселье и ощущение, что внес посильный вклад во что-то хорошее, хоть и не понятно, что именно. Дневной бал предполагал, что господа за свои деньги будут сдержанно веселиться и пить, не как вечером, когда гудеж заканчивался под утро, и утомленные тела развозили извозчики

и личные экипажи. Дневной бал предполагал соблюдение некоторых приличий.

Подобное мероприятие и было устроено «Обществом любителей велосипедной езды». Взнос составлял пятьдесят рублей. Целью бал-маскарада назначили поддержку велосипедной езды в российских деревнях. Предполагалось собрать не менее пяти тысяч рублей. Из которых четыре уже были потрачены на оплату зала, его декорирование, оркестр, и обширный банкет. Оставшаяся сумма в тысячу рублей должна была значительно продвинуть велосипед в дикую российскую глубинку, а именно: купив десяток дамских «Руджей», отправить их с сердечным приветом в какой-нибудь дальний уезд Сибири. Устроители бала искренно верили, что делают шаг к прогрессу, не задумываясь, что останется от дамских велосипедов после первой колдобины. Ну, да ладно...

Бал-маскарад начался чудесно. Председатель выдал прочувственную речь в том духе, что отныне прогресс помчится на велосипедных колесах, и близок тот день, когда... Впрочем, не будем утомлять всякой ерундой. Речь была встречена оваций, после чего гости занялись танцами. Бальные туалеты дам были достойны пристального интереса журналов, следящих за модой. Господа-велосипедисты, как всегда, облачились в скучные смокинги с бутоньерками. Общую пикантность придавали маски, которых нельзя было снимать до конца. Закуски и напитки манили щедрой скатертью-самобранкой. Официанты изготвили обслужить и обнести. Оркестр жарил вовсю. Пары кружились механическими фигурками старой шарманки. Расцвела атмосфера милого, но все же светского веселья.

Распорядитель категорически отказался пропустить юного господина в костюме, не приличном для бал-маскарада, а тем более без приглашения, а тем более с городовым. Пришлось использовать грозную власть «чиновника особых поручений от сыскной полиции» и маленькую зеленую книжечку департамента. Вмиг подобрев, распорядитель только посмел узнать: не изволит ли господин Ванзаров сделать скромный взнос в развитие велосипедного дела. Господин Ванзаров пожелал велосипедному делу, особенно в России, всяческих успехов, но расстаться с четвертью месячного жалованья не пожелал. Зато потребовал список гостей. Около фамилии «г-жа Хомякова» красовалась жирная галочка.

Оставлять Семенова на входе бесполезно. Хомякову в лицо не знает, а в маске наверняка ошибется, начнется скандал с выяснением отношений, только этого еще не хватало. К тому же имеется и другой выход. Осталось – прямоком в бальную залу.

Пока Родион прикидывал расположение своего малочисленного

войска, старший городской укрылся за сумрачным видом. Такого количества обворожительных женщин в одном месте, да еще летящих под музыку, видеть ему не приходилось. Дамы хоть и в масках, были чудо, как хороши. В масках – даже симпатичнее, потому что загадочнее.

Семенову были поручены главные двери, и Родион нырнул в бал.

Потоки танцующих пар кружились самозабвенно, обдавало нескончаемой вереницей ароматов, подолы и шали задевали легчайшими прикосновениями, но более всего задевали удивленные взгляды, которые так и сверкали под масками, и презрительные улыбочки кавалеров. Стыдливость чиновник полиции задвинул в самый глухой чулан души, не до тонких чувств. Куда хуже, что разобрать под масками нужное лицо было практически невозможно. Родион сделал поразительное открытие: когда женщины собираются вместе, при этом наряжаются, завиваются и всячески украшают свои красоты, найти среди них маленькую брюнетку куда труднее, чем черную кошку темной ночью. Лучшей маскировки, чем бал-маскарад, трудно представить.

Стараясь быть неприметным, он двинулся по широкой дуге, охватывающей зал. Занятие бесполезное, но стоять и ждать непонятно чего, не было сил. Родион не одолел и половины пути, когда в противоположном конце возникла непредвиденная заминка. Сначала встала одна пара, за ней другая. Быстро собралась кучка гостей, которые что-то с любопытством наблюдали. Музыка еще играла. Но стремительный водоворот танца уже наткнулся на невидимый риф, стал огибать и замедляться.

Отбросив приличия, Родион кинулся напрямую, орудуя локтями сквозь танцующих и прокладывая дорогу криком: «Посторонись! Полиция!»

Кружок любопытных собрался вокруг дамы в очаровательном платье: изящный туалет из атласа зеленого цвета с белым отливом. С обеих сторон широкой юбки с небольшим треном сделаны вставки из белого газа, отделанные гирляндами из мелких роз. Открытый корсаж-блуз из атласа зеленого цвета драпирован спереди белым кружевом, перемешанным с атласом, которое скрепляет спереди шу из атласа того же цвета. Пышные короткие рукава-ballon украшены эполетами из мелких роз. Кушак из розовой атласной ленты завязан сбоку. Изящная белая эгретка прикреплена к прическе букетиком из белых роз. Длинные шведские белые перчатки и веер из розовых перьев. Лицо дамы прикрывала «летучая мышь» в блестках. Очарование, да и только. Не правда ли?

Общее внимание привлекал не туалет дамы, все-таки маскарад, не Сенной рынок, а ее поза: стояла тихо и не шевелясь, будто проглотила палку, так, что кончики веера щекотали паркет. Только знающий взгляд

отметил бы странный шарик с желтоватым отливом, подпиривший левый лиф. Этот взгляд уже рядом.

Приподнявшись на цыпочки, Ванзаров быстро осмотрелся, но поверх мерцали прически и перья. Скрыться в море нарядов, блеска и масок смог бы самый бездарный убийца. Только и дела, что не спеша двигаться по течению бала. Надо бы закричать «Держи убийцу!», но кого держать?

Дама пошатнулась. Толпа издала настороженный вздох – предвестник истерических воплей, криков и общей кутерьмы, когда уже ничего не разобрать. Осталось несколько мгновений, пока велосипедисты и их дамы еще не разобрали, что случилось.

– С кем танцевала эта дама? – завопил Родион, перекрывая музыку.

На него обратились неодобрительные взгляды.

– Кто был с ней? – наддал чиновник полиции.

– Я видела даму в черном, – вдруг ответила маска в розовом платье.

– Да-да, они мило беседовали и поцеловались на прощание, – подтвердил ее кавалер-велосипедист.

Сквозь толпу пробился высокий господин с роскошными бакенбардами, державший стаканчик мороженого и бокал лимонада. С удивлением обозрев сбор, шагнул к даме и настороженно спросил:

– Анна, что с вами?

Значит, князя Лагина отправили за прохладительным. Чтобы подруги смогли остаться в толпе в одиночестве.

Зеленое платье с розочками вспорхнуло, поплыло и медленно-медленно опустилось на землю. Так показалось Родиону. Даже сквозь музыку он услышал, как затылок стукнулся с глухим выдохом упавшей колоды. Настала секунда замешательства, после чего пронзительный визг запустил шторм паники. Чиновник полиции пытался задержать хоть одного свидетеля, но благотворители разбежались. Быстрее всех спасались те, кто был дальше всего от убитой. Впрочем, и князь-любовник, увидя в какой переплет вляпался, бросил мороженое с бокалом, и был таков.

На помощь спешил городской, но что он мог поделать со всей своей силищей и даже шашкой. Анна Хомякова лежала на резном паркете брошенной куклой: маленькой, красивой и неподвижной. Осторожно разжав пальцы, Родион обнаружил колечко со змейкой.

Семенов был оставлен караулить тело. Хотя желающих приблизиться и так не нашлось: зал опустел стремительно. Найдя распорядителя, совершенно обалдевшего от людской паники, Родион потребовал вызвать полицию, а заодно выдать список гостей. Пробежав по нему, он наткнулся на фамилию, которую ожидал найти. Логика не подвела.

- Ну, кто там еще? – спросил полусонный голос, борясь с зевком.
- К мадам Гильотон, на гадание.
- Не принимаю... Рано еще... После приходите...
- Сделайте исключение для полиции, – попросил Родион, за которым уже топтались дворник со слесарем. – А то ведь дверь ломаем.

Щелкнул замок, створка явила ночную сорочку, чуть прикрытую на плечах вязаной шалью, над которой полыхала включенная рыжая грива. Барышня была в естественном виде и тем привлекательна. Сожмурившись на яркий свет, она недовольно сказала:

– Ванзаров, боже мой! Что вам не спится в такую рань. Ну, проходите...

День сомнамбулистки начинался позже полудня. Что делать: профессия спать – обязывает.

В приемной царили полумрак и тишина.

– Где ваш цербер? – спросил Родион.

– Лизка? Отправила в салон... – мадам Гильотон сладко зевнула. – Эта растяпа Живанши перепутала шляпки, мою отослала одной даме. Пришлось погнать Жгутову, чтобы получить свое добро.

– Хотите угадаю, с кем перепутали шляпку?

Заспанная гадалка только лениво потянулась.

– Готов спорить на месячное жалованье, что коробку доставили от госпожи Хомяковой. Открыли? Понравилась?

– Вот еще всякую безвкусную дрянь надевать...

За это следовало выписать поощрение высшим силам. Только они сжалились и уберегли липовую вещунью. Иначе как объяснить чудо: барышня получает чужую шляпку, но воздерживается от нормального женского желания – посмотреть в зеркале, как на ней будет сидеть эта чужая и совсем ей ненужная вещица. А ведь там могло оказаться, что угодно. На что хватило фантазии вдовы славного дрессировщика Гоголя. Да, хоть скорпион. Просто не верится, что сомнамбулистка не отправилась в мир вечных снов. Значит, шляпка сейчас в салоне, там она точно никому не нужна. Здесь управится – и успеет перехватить.

– Зачем пришли? – довольно резко спросила Гильотон.

– Арина Тимофеевна, разговор будет трудным, давайте присядем...

Покров тайны пал, но гадалка, кажется, не заметила. Запахнувшись в

шаль, уселась на ближайший стул, предоставляя чиновнику полиции самому найти место, раз уж явился незваным.

– Поторопитесь, к трем часам люди придут, а еще себя в порядок приводить.

– Тогда с главного: меня упорно хотят убедить, что вы – убийца, – сказал Ванзаров, устраиваясь на краешке стола барышни Жгутовой.

– Кто? – резко проснувшись, спросила Гильотон, то есть разоблаченная Арина.

– Для начала – вы. Так удачно предсказать смерть жен своих клиентов – это не сексуальную энергию кольцом запечатать. Тут что-то надо знать. Или участвовать.

– Ну и что? Я часто предсказываю плохое...

– Помню. Вы и мне предсказали опасаться белокурых женщин. И как догадались?

– Астральные силы...

– Вот только их давайте оставим в покое, – строго попросил Родион. – Как вы умеете предсказывать, я хорошо понял: доктор Карсавин, пользуясь большими связями и знакомствами, выяснил подробности о мелком коллежском советнике Департамента полиции. И предупредил о его возможном визите. Для своих особых целей. Это он просил передать через вас и высшие силы, чтоб я боялся светленьких?

Ответом удостоить не соизволили.

– Но вот что странно, – продолжил Ванзаров, – убийство Грановской и Делье вы только напророчили. А к Хомяковой сами руку приложили.

– Что это значит? – раздраженно спросила Арина.

– Сегодня на бал-маскараде велосипедистов Анна Ивановна убита ударом в сердце. У нее в руке осталось кольцо, которые вы дарите своим адептам, свидетели видели даму в черном платье, с которой она разговаривала, а всем известно, какой цвет в одежде предпочитаете. И самое главное, вот это... – на свет появился список гостей, где у фамилии «г-жа Кивато» стоял значок, что деньги заплачены и дама прошла в зал.

Гадалка держалась невозмутимо:

– Не люблю утренних развлечений, да и денег жалко. Вы же видите: я прямо из постели...

– Это нетрудно разыграть. Особенно имея такую помощницу, как мадмуазель Жгутова. Улик вполне достаточно для ареста.

– Астральные силы меня защитят...

– Арина Тимофеевна, если я возьмусь за дело и укажу на вас, как главную подозреваемую убийств, наш победоносный пристав Вершинин-

Гак сделает все остальное, и никакие высшие силы не помогут. Вас опознают официанты в ресторане «Донон», где убит адвокат Грановский, найдутся свидетели, видевшие вас на бульваре, где погибла Екатерина Делье. И даже дворник дома под присягой покажет, что вчера вечером именно вы убегали с лестницы, оставив в прихожей труп Ипполита Сергеевича. Ну, а убийство Хомяковой, считайте уже раскрыто. Подумайте, как все складывается против вас. Тут нагоняем за мошенничество от папеньки не отделаешься.

– Ипполит тоже убит? – спросила она в случайную рифму.

– А разве не знаете?

– Но это абсурд...

– Господа Хомяков, Грановский и Делье – ваши клиенты. Это факт. У них на пальцах ваши кровожадные змейки. Это уже улика. А то, что вы с ними тут вытворяли с сексуальной энергией, для присяжных станет доказательством. У нас за моралью так строго следят, что и виселицы не пожалеют.

– Хочешь узнать, мальчик, что такое безграничное наслаждение, даруемое высшими силами? Я покажу тебе... Иди за мной...

Шаль прихотливо съехала на пол. За ней устремился рукав ночной сорочки, обнажая аппетитное плечико. Закусив губку, Арина гипнотизировала взглядом, вихляя змейкой, нежно ласкала грудь, чуть прикрытую материей, и бедра, вдруг округлившиеся. Страстная и желанная, такая доступная, только захоти. Еще немного, и разгоряченное тело выскользнет из белых одежд. А дальше столько разнообразных возможностей открывается... Нет, все-таки правильно на кострах средневековья сжигали рыжих. Ведьмы они. Впрочем, брюнетки не лучше.

Колдовство женского тела, податливо обнажающееся, бывает заразительно. В подходящем месте и часе. Но сегодня дамским прелестям следовало и носа не показывать. Вторая попытка заманить в омут страсти пробрала Родиона неудержимым хохотом. До слез пробрала. Нет большей обиды для женщины, играющей в желание, чем смех. Пылание стухло, Мадам Гильотон беспомощно захлебнулась.

– Оставьте вашу энергию в покое, – попросил Ванзаров. – Сядьте на место и не морочьте голову.

Подобрав шаль, Арина послушной девочкой пристроилась на краешке стула.

– Кандалы сразу наденете? – спросила печально.

– Еще не время.

– От вас милости не приму, так и знайте.

– И не подумал бы. Вы же не убивали Грановскую.

– Кто это докажет?

– Моя логика! – победно провозгласил Родион, и чуть смутился. – Чтобы отравить Аврору, вы должны были соврать о времени визита. Допустим, так и было. Что получается? На лестнице вас должен был увидеть Паша Хомяков. У него на пальце уроборос – значит, ваш адепт, ему нет нужды выяснять, кто приходил к Грановской. Он бы радостно бросился к вам на шею, и на этом коварному плану пришел конец. Но Паша стал следить за убийцей. Что из этого следует? Он видел не вас, а кого-то, кого встречал, быть может, раз, но не был лично знаком. К тому же, я отказываюсь верить, что такая барышня, как Жгутова, способна хладнокровно убить человека по вашему приказанию. Не красавица, мягко говоря, но мухи не обидит.

Отчего-то в жаркой комнате стало зябко, Арина плотнее закуталась:

– Может, и Анну я не убивала?

– Конечно, нет.

– Как хорошо у вас выходит.

– Не совсем. Логика выручила, и вас же и обвиняет: вы готовите покушение.

Арина не реагировала, словно погрузившись в транс. Зрачки остановились, она дышала еле слышно.

– Тогда позвольте историю, – сказал Ванзаров, внимательно следя за мимикой ее лица. – В институте благородных девиц учились вместе славные барышни из богатых семей...

– Богатыми они стали, когда вышли замуж.

– Вот как? Это любопытно... Но вернемся к нашей истории. Одну из барышень звали «Лисичка», другую «Белка», третью «Ночка». Вас бы я назвал «Огонек»...

– «Искра»... – подсказала Арина.

– Благодарю... Насколько мне известно, три барышни удачно вышли замуж, одна стала знаменитой гадалкой. А что стало с пятой подружкой, «Куничкой»? Думаю, она хорошо устроена в жизни, заботливая жена и трепетная мать, посещает салон мадам Живанши, заказывает себе платья. И наслаждается полнотой жизни. Но есть одно маленькое «но»... Понимаете, о чем я?

Ручеек прорвался внезапно. На щеке вдруг блеснула полоска, крупная капля упала с подбородка. Та, кто общалась с астральными силами, возбуждала и запечатывала сексуальную энергию, жульничала и платила процент за новых клиентов, дала пример самообладания. Ни одна жилка не

дрогнула, ни оха, ни стопа. Только слезки бегут.

Нельзя проявлять жалость. Родион собрался и сказал:

– Время милых шуток, возбуждающих тонус жизни, прошло. Листок с розой, который в вашей юности наверняка означал «Sub rosa dictum», то есть, «должно сохраняться в секрете», уже не шалость для подруги, которая обнаружит их в конфетах. Конфеты действительно отравлены. На зубах крысы – мышьяк, в шляпной коробке – гадюка. Розы убивают, и стрелочки направлены на вас... Боюсь подумать, какой сюрприз приготовили вы...

– Не смогла, – еле слышно проговорил Арина, не замечая слез.

– Почему?

– Ванзаров... Вы такой умный, добрый и такой... слепой.

– Так помогите! Чью фамилию я не вижу в списке вашего курса?

Он выставил бумагу вперед. Гадалка не взглянула.

– Хоть детей пожалейте, они остались круглыми сиротами.

Отчаянная попытка пробиться к чувствам, оказалась бесполезной. Арина смахнула слезный поток и сказала:

– Предать любимого человека только ради вашей справедливости... Я расплачусь сама... Делайте, что хотите, мне безразлично.

Дальше – только раскаленные щипцы и плеть. Порою жаль, что из арсенала чиновника полиции забрали столь эффективные, в средние века, способы добыть истину.

Официальным тоном Ванзаров сообщил, что ближе к вечеру за ней будет прислан городской, чтобы доставить в участок для дачи показаний. А до этого – никому не отрывать. Только барышне Жгутовой. Все приемы отменить. С этого момента дом находится под неусыпным надзором филеров. Если попытается скрыться, будет немедленно арестована и в наручниках доставлена в участок. Страшную тираду мадам Гильотон выслушала исключительно равнодушно. Но за чиновником полиции замок повернула на все обороты и цепочку набросила. Родион специально подслушал.

Литейный проспект обдал жарком дня и грохотом подвод.

Пора было заглянуть в «Смерть мужьям». И далее действовать по плану, но вот плана-то у Ванзарова и не было. Построив верную логическую сеть, уловить преступников не смог. Задумавшись глубже, чем позволяет улица, Родион пропустил чувствительный толчок. Обернувшись, он приметил высокую спину ковылявшей девицы. Крайне нелепой во всех отношениях.

– Госпожа Жгутова! Нехорошо толкаться...

Барышня, отнести которую к женскому роду можно лишь с натяжкой,

одарила чиновника полиции шаловливой улыбкой:

– А вы не зазнавайтесь!

И тут Родион прозрел. Оказывается, не только ему разбивают сердце. Теперь виновен он. Это неуклюжее существо таяло при виде полноватого юноши. Какое несчастье! Бедняжку держали вместо кривого зеркала, чтобы прелести мадам Гильотон были куда заметнее. И суждено ей маяться в компаньонках до седых волос. Которые уже, кстати, пробиваются у виска.

Соорудив улыбку, в которой не нашлось и намека на вольности, только вежливое почтение, Родион спросил:

– Что это несете?

Та еще загадка: что может помещаться в цилиндрическом коробе, обтянутом атласом в бело-голубую полоску. Но разговор-то надо как-то завязать с... барышней (*извиняюсь, за выражение*).

– Замучила меня наша мадам... – пожаловалась она. – То неси в салон. Ладно, так и быть. Живанши посмотрела и говорит: мне этого не надо, куда дену готовую вещь, неси обратно. Вот и бегаю зайцем. Даже на извозчика не дали.

– Эту от Хомяковой доставили? – заинтересовался Родион.

– Эту самую... – сказала барышня Жгутова и так посмотрела, словно была бы ее воля, летал короб под колеса ближайшей телеги.

– А кто приносил?

– Горничная, Анютка. Совсем придурочная девица, говорит, всю ночь не спала, платье для бала готовила. Чтоб я так надрывалась? Да никогда.

– Не возражаете, если посмотрю?

Разве Лиза возразит такому счастью? Она решительно заявила, что такое дело для улицы неприлично, надо подняться к ним. И, подхватив юношу, потащила сама.

– Мадам-то наша спит, наверное, – сказал она, отпирая дверь и впуская дорогого гостя. – Вы не бойтесь, шумите.

Отгнав холодок смутной тревоги, Родион вскрыл коробку, и нашел всю ту же шляпку, с которой знакомился у Хомяковой. Ничего опасного, с виду, не появилось. Но стоило перевернуть предмет женского туалета кверху дном, как внутри показались цыганская игла. Какой нелепый способ убийства: прическа наверняка защитит, и по законам физики иглолку вытолкнет обратно, она еле держится в соломе. Опять глупое дилетантство. Если кончик игры не смазан сильным ядом. И все-таки заветная розочка со стрелками нашлась, как и полагалось: в самом низу под ворохом оберточной бумаги.

– Да что с тобой! – закричала из дальней комнаты Жгутова.

Выронив шляпку, Родион кинулся с прытью барса.

Держа хозяйку на руках, компаньонка трясла ее, что есть мочи. Тело в ночной рубашке казалось невесомым и податливым, как игрушка.

– Очнись же, припадочная! – последовал крепкий шлепок по щеке.

Есть надежда, что с Гильотон случился глубокий обморок: перенервничала и сдали нервы. Родион искренно в это верил. Пока не заметил у левой груди шарик желтоватого металла с полосками, вроде римской тройки. Шарик держался прочно, не оторвешь.

– Где черный ход?

Испуганный взгляд метнулся в глубь квартиры.

– Вызывай полицию! – на ходу крикнул Ванзаров.

Жгутова удивилась, какой ловкостью обладает неуклюжий с виду юноша. А он уже выскочил на черную лестницу: дверь распахнута, на лестнице пусто. Только нотка аромата странного знакомого витает.

Через две, а то и три ступеньки одолев спуск, Родион выскочил к подворотне, которая смотрела на другую улицу: двор был проходным. Молясь о чуде, Ванзаров кинулся вперед. Надеждинская грелась под июньским солнцем и пылила редкими пролетками. Быть может, он и заметил спину убийцы, только не знал, что это спина именно убийцы.

Отчаяние, несравнимое с болью, что задушил сегодня утром, пожрало Родиона Георгиевича. Он знал наверняка, почему гадалка открыла дверь убийце, и не сомневался, что опередил его, успев из Дворянского собрания. Только сейчас все это бесполезно. Оказался не готов к холодному расчету и стремительному исполнению. Не просчитал, как будет действовать убийца. Не задал себе простых вопросов.

Что же это торопится злодей, будто хочет успеть к чему-то?

Дождавшись Лебедева и получив подтверждение, что на игле в шляпке – синильная кислота, Родион сразу ушел, захватив атласный короб. Конечно, надо соблюдать служебный этикет и не влезать в труды чиновников 2-го Литейного участка, пусть работают, дело заводят. Но причина бегства таилась в ином.

Он – такой умный и проницательный, вся логика, и даже сам Сократ, не могли теперь помочь барышне Жгутовой. Ужасная с виду компаньонка надрывалась безутешным воем, оплакивая, словно деревенская баба, самое близкое и дорогое существо. Каждый стон Лизаветы пронзал бессловесной жалобой: что не вернуть той жизни, когда и понукали ею, и мучили, и тиранили, и шутили зло, но вот мертва мучительница – и самой ей жить уж незачем. Нет, совсем не так оплакивали свои потери господ адвокат и дипломат. Не было в них искреннего горя.

Вынести это было не под силу.

Женское сердце беду чувствует. С самого утра у Матильды, ну, все не заладилось. Сначала клиентке не понравилась прострочка блузы, и она устроила жуткий скандал. Затем лучшая белошвейка обрадовалась, что беременна, и вскоре уходит. Потом в кассе обнаружился фальшивый, без сомнения, червонец. Так что когда дверной колокольчик взвизгнул, Живанши была готова к неприятностям. И они не заставили себя долго ждать.

Одного взгляда на юного чиновника с перекошенным лицом и легким безумием в глазах было достаточно, чтобы чувствительной женщине упасть в обморок. Матильде очень хотелось выкинуть трюк, который на мужчин производил неизгладимое впечатление. Но мадам воздержалась. Чего доброго этот не за каплями побежит, а начнет приводить в чувство ботинками по ребрам. С него станется. Страх медленно пробрался под шелковый воротничок-ракушку. По-настоящему испугалась хозяйка, когда милая коробочка шлепнулась об пол, а к ее носу приблизилось дно шляпки.

– Что это? – страшным шепотом молвил чиновник полиции.

– В-ваше превосходительство, это... – запинаясь, сказала Матильда.

– Благородие... – грозно поправили ее. – Так что это такое?

– Ш-шапка, господин коллежский советник...

– Секретарь... – сказал Родион таким тоном, что у слабой женщины действительно потемнело в глазах. Требовалось опереться о твердость форм манекена. И, что хуже всего, Матильда опять осталась в одиночестве. Подлые девки-портнихи попрятались, как от грозы, а парочка клиенток исчезла так быстро, словно растворилась.

А изверг не думал отступать. Тыкнув пальцем в соломенное нутро, потребовал объяснить, откуда в шляпке взялись иглы. Матильда об этом ничего не знала. Но этих мучений оказалось мало.

– Ваших рук дело? – потряс он хрупкой дамской вещью.

– Конечно, наш пошив...

– Почему вернули эту дрянь Жгутовой?

– Позвольте, это вовсе не дрянь, а модель для госпожи Хомяковой. Давно оплачена. Я же не гувернантка, чтобы перепутанные шляпки разносить, пусть между собой разбираются...

Кажется, Матильда хотела сказать: мало того, что сделала из всякой швали знаменитую гадалку, так она еще и в шляпках путается! Нет, это уж

слишком. Никакой процент такую дерзость не искупит. Вот так бы прямо и сказал. Но вышло, как вышло.

– Кого вчера посылали со шляпкой Грановской? – не унимался мучитель.

Наготове честный и решительный ответ:

– Позвольте, господин чиновник, мы вам список предоставили. Для госпожи Грановской уже все сделано, так что никого мы не посылали.

– Вы уверены?

Живанши готова была поклясться всеми модными домами Парижа. Но этого не потребовалось. Страшный юноша вдруг приказал позвать Александру Ипатьеву, чтобы задать несколько вопросов.

– Это невозможно, – сказала Матильда, печально склонив все еще хорошенькую головку.

– Что это значит?

– После похорон сестры, Сашенька взяла расчет и уехала в тихую и сонную Москву, как она сказала. Здешний климат для нее стал невыносим. Я потеряла чудесную мастерицу...

Ощувив перемену настроения в юноше, Матильда расправила перышки, и самым медовым голосом сказала:

– Вы не забыли про мою беду?

– Беду?

– Мои награды, обещали их найти, я не забыла! Кто же поможет слабой женщине, как не вы. И кстати, не забудьте: с нетерпением жду вашу невесту, господин сыщик...

И лучшие из нас порою, мечтали овладеть молнией, которая сразила бы злейшее порождение преисподен, отраву отрав, и мучительнейшую из казней, только случайно не попавшую в смертные грехи – женский язык. Как мечтали мы, чтобы этот необъяснимый орган, умеющий источать сладкие трели, и так же ловко обивать гремучим ядом, будет повержен. Каким упоительными представляли возмездие за все, что узнавали от женского языка, лишь в бессилии и покорности сжимая кулаки. И думали, что никогда отмщенье не придет. Слишком силен враг и коварен. Но час искупления пробил.

Что-то щелкнуло внутри Родиона, безнадежно оборвавшись. И вмиг обернулся чиновник полиции карающим мечом возмездия за все обиды мужские, за все невидимые слезы, за «Смерть мужей», за отвергнутых и закабаляемых, в общем, за всех нас. И рубанул волшебный меч с плеча:

– Объявлю вам, мадам Живанши, что с настоящего часа заведение ваше закрыто полицией до выяснения обстоятельств! Запрет вступает

немедленно. Вам надлежит отпустить персонал, запереть дверь и прекратить отпуск заказов. Чтоб ни одна атласная коробка от вас не ушла... О закрытии будет официально сообщено в утренних газетах. В случае неповиновения, будете отвечать по всей строгости закона... А вы, госпожа Живанши, или как вас там по паспорту, с этой секунды находитесь под домашним арестом!

О как сладостен миг торжества! Грозным озоном свободы прорезало затхлый воздух салона. Сколько обиженных мужчин в этот миг гордо подняли голову и улыбнулись, даже не зная, что произошло. Они были далеко, но их сердца бились вместе с Родионом...

Лихо получилось, нечего сказать... Ну, не будем слишком усердствовать, все-таки слабая женщина...

Между тем, оставив модистку в глубоком окаменении, Ванзаров выскочил из салона, чуть не сорвав дверной колокольчик.

– Что я такого сказала? – в недоумении лепетала Матильда, когда ее держали под руки и отпаивали белым вином.

Нет, женщинам не понять...

Всякому терпению бывает известный предел. Все сносил, был для него как отец родной, а подлый мальчишка, чем отплатил? Черной неблагодарностью. Кому только сказать: пять трупов на участке, да еще соседи хотят два подкинуть, дескать, ваш чиновник был, сказал, что со всем разберется. Завалил, подлец, покойниками! А ведь как хорошо и тихо без него жилось, мило, по-семейному. Все прикормлены и покорны, не то, что это – дикий. И как с ним справиться?

От подобных мыслей голова пристава забурлила. Огорчала Савелия Игнатьевича некоторая безнадёжность ситуации. Отправившись в департамент, чтобы вымолить спасение, то есть отправить чиновника для особых поручений куда подальше, он встретил глухое непонимание. В Департаменте полиции случились очередные перемены: старого директора вроде снимали, нового еще не назначали, начальство боялось за определенные места. Так, что просителя вежливо выставили вон.

Но последней каплей, переполнившей долготерпение, стала просьба из 2-го участка Литейной части забрать себе дело убийства некоей Гильотон. За день – второй труп. Итого – восемь. Вот тут подполковника прорвало. Гладкое и ласковое личико «Желудя» собралось обезьяньей гримаской и заорал он так, что вздрогнул дежуривший на улице городской.

Начальственный разнос коллежский секретарь Ванзаров снес с удивительным хладнокровием. Выслушав про «щенков», «всяких зазнавшихся господ» и «не таких голубчиков обламывали», не задрожал, не покрылся нервной дрожью, а напротив – спокойно заявил:

– Я просил выделить филерское наблюдение. Вы отказали. Несколько убийств можно было упредить.

Был шанс, что подполковника хватит удар и освободится вакансия пристава. Чему кое-кто в участке был бы рад. Но Желудь оказался крепышом. Содрав маску доброго дядюшки, покровителя чиновников и друга купцов, Вершинин-Гак явился настоящим: маленьким негодяем, служившим своему кошельку и никому более. Испугался Савелий Игнатьевич, что повиснут дела и сошлют его из центра столицы в захудалый уезд, где чистый воздух и нищие мужики. Биться с таким ужасом стоило, не считаясь ни с чем. Желудь дошел до пределов гнева, не соображая, что изрыгает. И только умолк, чтоб вздохнуть, как мальчишка сказал:

– Не извольте беспокоиться, господин пристав. Мне нужен еще один день, чтобы закрыть все дела.

Желудь решил, что ослышался, но юнец повторил четко и добавил:

– Если не справлюсь, то послезавтра подам прошение о переводе из вашего участка. И вину за нераскрытые дела возьму на себя.

Луч надежды пробил тучи отчаяния, но силы уже оставили подполковника. Растеряв должные слова, Савелий Игнатьевич только зло махнул: дескать, убирайся с глаз моих, неблагодарный.

Ванзаров строго поклонился и вышел.

Он был спокоен потому, что сыграл ва-банк. Иначе было нельзя. Перед собой не мог оплошать, а вовсе не старался угодить приставу. Кроме логики, больших козырей не было. Но Родион взялся с утроенной энергией. В первую очередь – за ум. Еще раз, изучив списки Смольного института, счастливых обладательниц шляпок и гостей бал-маскарада, он кое-что приметил. Логика нашла крохотное недостающее звено. А потому в билетную кассу вокзалов, в банки, в адресный стол полиции и почтовые отделения улетели срочные запросы.

Далее, собравшись с духом, что требовалось непременно, Родион покрутил ручку телефонного аппарата и попросил барышню соединить с канцелярией Министерства иностранных дел. Дождавшись, пока ходили за коллежским советником, и приятный голос вежливо и сдержанно сообщил «у аппарата», он сказал в черный рожок:

– Я знаю, ты всегда будешь припоминать, но мне нужна твоя помощь... Последний раз... От вашего ведомства ответ идет неделю, а мне надо срочно...

Борис Георгиевич обещал выручить к завтрашнему утру. Сейчас Родион Георгиевич и думать не хотел, чем придется за это расплачиваться. Не до мелочей.

Соорудив липовый ордер на обыск и прихватив Семенова, он прибыл на квартиру Хомяковой. Анютка подтвердила, что каждый день хозяйка писала в какой-то книжечке, но найти ее не удалось. Перерыв все, Родион вынужден был признать: пропали дневники.

На остатке надежды он вернулся в квартиру Гильотон. Барышня Жгутова постарев лет на десять, слабо понимала, что от нее хотят, но позволила делать, что угодно. Обыск дал шкатулку, полную колечек с кусающимися змейками, запасы папирос, записки о людях, которым предстояло угадывать их прошлое и особенно будущее, учетную книгу доходов и выплат Живанши, разнообразные средства, стимулирующие мужскую силу и прочую дребедень настоящей сомнамбулистки. Но

дневника не было.

К вечеру, когда и старший городской притомился, Родион не мог найти ответ только на один крохотный вопрос. За которым скрывался убийца. Завтрашнее утро должно решить его участь.

Возвращаться домой и сидеть у окна? Хуже не придумаешь. Выход нашелся по пословице: чем хуже, тем лучше. Раз вчера не спустил сбережения на ту, что была достойна всех сокровищ мира, значит, сегодня эти деньги улетят весело. Чем больше грязи, тем легче душе. Родион отправился на Лиговку в заветный дом.

Мадам Квашневская была женщиной не только мудрой, иначе как удержишь публичное заведение, но и тонко понимавшей запросы клиентов. Вмиг оценив душевное состояние юноши, влетевшего около одиннадцати в рагорячении чувств, она предложила лучшую гостиную в красном плюше. А как иначе: друг ее лучшего клиента – ее клиент.

Гость потребовал шампанского, устриц и фруктов. Что еще нужно для грехопадения? Он полагал, что этого будет достаточно.

А вот мадам поступила куда умнее: вызвав Нинель, еще не испорченную вконец девицу, такая романтическому юноше приглянется, объяснила, какая высокая честь ее ожидает, быть может, главная для любой женщины. А потому одеться подобающе и показать все, на что способна.

Никогда Нинель с таким трепетом не готовилась к клиенту. Вот ведь, опять пришел! В тот раз нарочно не замечал, делал вид, что она ему безразлична, а на самом деле – приглянулась, только скромный, боится чувства показать. Ой, какой славенький! Нет, это не случайно. Теперь только к ней ходить будет. А вдруг, что-то у них начнется... А вдруг признается в любви... А вдруг замуж возьмет... Всякое ведь бывает...

Закон бытия гласит: нет такой женщины, которая не примется строить планы на приглянувшегося кавалера. В каждом встречном негодяе женскому сердечку хочется видеть принца на белом коне. Обманываются, но верят. И молоденькая куртизанка не исключение. Иллюзия – лучше правды, она помогает жить.

Родион слабо представлял, как правильно и логично закатить омерзительный кутеж. Для начала скинул пиджак, расстегнул жилетку, подумал и стал развязывать ботинки. Но тут внесли пир на серебряном подносе, он застеснялся. Следом за половым, исчезнувшим тихо и незаметно, вошла раскрашенная девица в нечто прозрачном и блестящем, чего и описать невозможно за полным отсутствием. Родион напрягся и вежливо поздоровался, решив, что явилась избранница. Барышня, одарив улыбкой, похотливой – прямо, скажем, завела ручку полифон-автомата и

нехотя удалилась.

Сундук с органчиком изверг ужасно лирическое. Скорее ужасное, чем лирическое, но Родион не слушал. Занавес распахнулся, явив хрупкую барышню, утопающую в шелковых чулках, и затянутую таким узким лифом, что содержимое в любой миг готово было выпорхнуть наружу.

Нинель приняла соблазнительную позу, на какую была способна от всей души, и принялась нежно вращать бедрами под хрипящую мелодию.

Не найдя возбуждения в себе, Родион нашел одну только растерянность.

Нинель не сдавалась. Заведя руку за голову, ловким движением распустила волосы. Пали белокурые пряди.

– Вы что сделали? – восстав с ложа разврата, строго спросил Ванзаров.

Девушка растерялась. Неужели ошиблась? Разве обидела чем? Так старалась...

– Я говорю, что в волосах было?

Нинель совсем расстроилась: зачем миленок всякие глупости спрашивает, когда она вся для него. Что хочешь, сделает, ублажит, как родного...

– Что это?! – уже прикрикнул миленок.

– Булавка для волос... – только и вымолвила Нинель.

Швырнув на поднос кучку червонцев и подхватив жилетку с пиджаком, Ванзаров выскочил из плюшевой гостиной, как... Впрочем, в таком месте остережемся от сравнений.

Свалилась Нинель на затоптанный ковер и горько зарыдала, оплакивая пропавшие мечты. Нет, все-таки все мужчины – бессердечные негодяи. Даже самые милые из них.

Спурт

«Продолжительная езда на велосипеде может вызвать страдание седалищного нерва и ограничение впечатлительности или как бы временный паралич рук и ног, скоро, впрочем, проходящий при остановке езды».

Там же.

Городовой Ендрыкин изрядно нервничал. На вверенной ему территории творилось что-то странное. Около салона модного платья собралась изрядная толпа и так прекрасно одетых дам, все как одна – под кружевными зонтиками. Но вместо мирной прогулки или осмотра достопримечательностей, да хоть коней Клодта, барышни все громче выражали возмущение. Причина их гнева красовалась за стеклом. Грозная табличка «Закрито по распоряжению полиции», вызвала множество замечаний, все более склонявшихся к откровенной брани. Городовой отчетливо разобрал: «безобразие», «возмутительно», «совсем озверели», «что за порядки», «какая наглость», «произвол», и «как посмели». Послышалось и вовсе угрожающее: «буду жаловаться градоначальнику». Следовало немедленно предпринять меры и приказать разойтись, но Ендрыкин не мог решиться. Стая разгневанных барышень казалась куда страшнее вора-душегуба.

Начинавшийся бунт пресек юный чиновник полиции, так вовремя оказавшийся поблизости. Смело пойдя на дам, он заявил, что салон будет открыт не позже завтрашнего утра, полиция приносит свои извинения, а пока – не задерживает. Поклонницы моды выразили недовольство, но потихоньку разбрелись.

Эту сцену Матильда наблюдала из своего окна на третьем этаже, слов не разобрала, но поняла: мукам ее конца не будет. Мальчишка-чиновник сумел обуздать клиенток. А такой подвиг даже ей не всегда по силам. Живанши помолилась как могла, и приготовилась «испить чашу страданий». Но все же не забыла оправить прическу и туалет. Мало ли что...

Гувернантка Катюша, наслышанная о подвигах внезапного гостя, проводила его в гостиную, скромно потупив глазки, пулей скрылась на кухне, где цапнула пирожки, и на цыпочках вернулась обратно. Страшно хотелось подсмотреть хоть одним глазком, как капризную и бранчивую хозяйку будет чихвостить симпатичный кавалер в помятом костюмчике. Вот уж отольются Матильдихе Катюшины слезки! Будет, что девочатам рассказать во дворе. Тот-то ждет потеха. В ожидании зрелища, барышня с аппетитом надкусила выпечку с яблоком и припала к замочной скважине.

Матильда встретила свою погибель, как и подобает воспитанной даме, а вовсе не базарной купчихе: парадно выпрямив спину, благостно скрестив

руки ниже талии, и соорудив такую улыбку всепрощающей мученицы, что иной, более чувствительной натуре, чем мы, уже бы захотелось подмочить платок. Изогнутый контур губ и печальная поволока глаз как бы говорили: «Я в вашей власти, но гордость мою не сломить». Ну, или что там придумывает женщина, когда хочет изобразить себя беспомощной, но симпатичной.

Гость не стал грозить расстрелом, заточением в каземат, и даже не сломал пустякового стула. В общем, повел себя не совсем так, как нафантазировала мадам. Наоборот: мило поклонился, спросил о самочувствии и очаровательно улыбнулся. Матильда разгадала коварный план: конечно, хочет усыпить ее бдительность и нанести беспощадный удар. Что ж, она готова... Позвольте, да ведь он завел усы! Чтобы это значит для ее судьбы? А впрочем – ему пойдут... Да, надо же вернуться к страданиям...

– Пришли сообщить, господин коллежский секретарь, что меня высылают из столицы, а все имущество будет продано с молотка? – с грустной обреченностью спросила она. Сложная и наполненная внутренним смыслом интонация Матильде удалась исключительно.

Родион почесал намечающийся ус, который беспокоил с утра, и заверил, что страшных последствий можно избежать. При некоторой помощи следствию.

– Что я должна сделать? – опять проникновенно спросила обреченная женщина.

– Ответьте на простой вопрос.

– Извольте. Я готова ко всему...

– Как выглядели призы, которые у вас украли?

К такому повороту Матильда оказалась вовсе не готова. Да ведь столько раз уже говорила, умоляла найти, а этот чурбан спрашивает теперь, как они выглядят? Что ж, пусть издевается над беззащитной женщиной. Госпожа Живанши отошла к комоду и вернулась с бархатными коробочками, на которых золотые иголки закручивали вензель канителью.

Под крышкой Родион обнаружил узкое ложе, расширяющееся полукругом.

– Что тут могло храниться?

О, мой бог, как глупы порою бывают мужчины! Ну, разве могут они представить элегантную награду, а не какой-нибудь варварский кубок с лавровыми ветвями, в котором капусту квасить.

– Я модистка, – напомнила Матильда. – Во Франции, где училась искусству моды и провела счастливейшие годы, и где полиция, между

прочим, не позволяет себя вести разнузданным образом, а напротив оказывает всяческую поддержку...

– Так что там было? – перебил разнузданный полицейский.

– Я принимала участие в конкурсах модных домов и занимала призовые места...

– Шесть раз брали третье место?

– Я не лошадь на скачках, чтобы... Откуда узнали? – не совладав с любопытством, спросила Матильда. – Об этом писали только в парижских газетах. У меня сохранились вырезки. Хотите, покажу? Они дороги мне как память...

Не утруждая даму, Родион извлек пучок вещественных улик.

– Эти?

Вздых радости вырвался из измученной груди.

– Мои булавки! Мои дорогие награды... – запричитала Матильда и даже порывисто бросилась, но застыла в сомнении: – Позвольте, здесь только шесть...

– Сколько не хватает?

– Самой ценной: награду после стольких лет неудач... Позолоченная булавка за победу в 1890-м году.

– Значит, номер один... – повторил Родион. – И булавка убивает вернее ножа.

Матильде послышалась какая-то невероятная глупость. Совсем мужчины не разбираются в тонкостях дамского туалета. Ну, как булавка убить может? Даже смешно. Уколоть – да и только.

– Эти награды были украшением моего салона, – сказала Матильда. – Я готова была целовать их...

Если бы она знала, откуда их вытащили, то целовать расхотела бы, а вот обморок был бы гарантирован. Родион проверять не стал, а спросил:

– Они хранились в этих коробках?

– Разумеется, нет! Я сделала шелковую подушечку, и так элегантно воткнула, будто корона вышла.

Кровожадно, как показалось Матильде, Родион улыбнулся и задал совсем дурацкий вопрос:

– Какие цветы были в букете, который отослали на именины Авроры Грановской?

– Только розы, разумеется. Ее любимые белые розы...

Какой странный юноша. И повел себя совсем странно: не отдал драгоценные булавки, а засунул в пиджак, и, не прощаясь, побежал к двери.

– Господин Ванзаров! – изумилась мадам Живанши.

– Простите, не сейчас, после...

– Но как же мои призы?

– Найдем. Обязательно, найдем, – торопливо проговорил странный чиновник, и, наградив лоб зазевавшейся горничной приличным тумаком двери, покинул квартиру.

Дамы остались крайне недовольны визитом. Матильда так и не узнала судьбу салона, а Катюше пришлось лечить шишку медным пятакom. И никакого развлечения.

2

Заботливого секретаря на месте не оказалось. Может, выскочил по срочному поручению, а запереть забыл. Отзвонив раза три, Родион обратил внимание, что створки держатся неплотно, словно предлагают не церемониться.

В приемной царил рабочий порядок и покой. Будто еще мгновение назад помощник сидел на рабочем месте, вон, даже перо на открытой чернильнице, а теперь взял и растворился.

– Кто там? – спросил голос, приглушенный портьерой.

Ванзаров вошел без объявления.

– Вы вовремя...

Доктор восседал за рабочим столом, положив руки перед собой, как египетский сфинкс. Спина плотно упиралась в спинку резного кресла. Словно боящийся высоты оказался на карнизе, и не может двинуться, только прижимается к спасительной стене.

– Прошу простить, руки не подам, нездоровится... Устраивайтесь, Родион Георгиевич, вы – долгожданный гость. Не желаете конфетку?

Блестя шоколадными дольками, коробка «Итальянской ночи» манила изведать сладкое наслаждение. Выбрав знакомое кресло, принимавшее множество влиятельных задов, скромный чиновник полиции развалился, закинул ногу на ногу, и сказал:

– Мне все известно...

– Вы так уверены? – Карсавин улыбнулся. – Заглянули в свое зеркальце и нашли все ответы?

– Не я: логика и факты... А где ваш секретарь?

– Он получил прекрасные рекомендации и полный расчет... Приемы отменены. Нам никто не помешает... Мы одни. Или один на один, так сказать.

Нехорошо разрушать иллюзию честного поединка. Но что поделать: на лестничной клетке изготовился старший городской Семенов, черный ход перекрывал младший городской Ермилов, а на набережной у полицейской пролетки ждал городской, имя которого позабылось, не говоря уже о городском Ендрыкине, прихваченном для надежности с поста. Промолчал Ванзаров о тузах в рукавах.

– Должен предупредить: времени у нас немного, – продолжил Карсавин. – Потратим его с толком... Раз все знаете, так начинайте. Моя

профессия – слушать.

– Не знаю, в чем моя профессия, – сказал Родион. – Еще не знаю толком... Наверное, открывать глаза на истину, которая и так на виду.

– Насладитесь, Родион Георгиевич.

– Как прикажете, Петр Владимирович... Жил да был некий великий врач, скажем, доктор Карсавин, который исправлял пошатнувшиеся нервы особым образом. Он предлагал делать людям то, что им втайне хочется. Причем так, чтобы не навредить себе и при этом исцелить душевную болезнь. И вот однажды в этом году доктор Карсавин понял, что может поставить удивительный и очень полезный для познания человеческой природы эксперимент. У него в руках оказался достойный материал: четыре барышни. Все – как на подбор успешные, замужем и даже с детьми. Не знают ни забот, ни хлопот. Одна из них, впрочем, зарабатывала на жизнь, предсказывая будущее за умеренную плату. Но, это деталь несущественная. А существенно, что каждой из них сытая и спокойная жизнь с любящими мужьями, лицемерием семейных отношений и воспитанием послушных детей глубоко наскучила. Хочется чего-то нового и необычного, что разгонит хандру и тоску. Что же делать? Барышни обратились к доктору. Мудрый эскулап решил воспользоваться шансом и составить удивительную в своем роде игру. Он предложил барышням испробовать в захватывающее развлечение. А именно поиграть в убийство: составить план и начать его постепенно осуществлять. Но только не доводить до страшного конца – кто же будет резать кур, несущих золотые яйца. Девушки согласились. Одного не сказал хитрый доктор Карсавин: свой собственный план он составил таким образом, чтобы «убийца» оказалась и «жертвой», а для этого замкнул своих пациенток в круг. Как бы убивая подругу, дама непременно становилась как бы жертвой другой. Гениально и просто. Для чего это понадобилось? Доктор Карсавин хотел наблюдать с научной точки зрения, как давно и хорошо знающие друг друга женщины, подруги, начнут сначала бояться, потом подозревать, потом ненавидеть. Наверное, он хотел узнать, какие чувства возбуждает в сытом человеке необходимость убить ближнего и страх самому быть убитым. Верю, правила игры доктор честно объяснил каждой барышни. Дело пошло. Каждый день пациентки составляли письма, в которых описывали свои чувства и желания. Доктор Карсавин читал и понимал, что гениальная идея не находит своего воплощения: дамы увлекаются безумными и нереальными фантазиями, от которых никакой пользы. Нужен был правильный толчок. И он нашел средство, о котором чуть позже. Но как только посеял ветер, то пожал бурю. По письмам доктор отметил, что

барышни стали крайне серьезно относиться к идее убить. А потом и вовсе убедился: они не остановятся перед настоящим убийством. Зверь проснулся и вырвался на свободу. Милые домохозяйки превратились в кровожадных фурий. Откуда такая перемена в женщинах? А все дело в том, что им пояснили: есть способы убить просто. Так просто, что и никто не подумает. Все останется прежним, их никто не заподозрит, но они испытают сладость убийства. Кто же надоумил воспитанниц Института благородных девиц?..

– Не надо пачкать мое открытие, я слишком много за него заплатил, – резко оборвал Карсавин, но тут же извинительно улыбнулся.

– Что же вы открыли в человеке такое особое?

– Знаете, почему образцовая мать семейства вдруг становится тайным убийцей? – доктор сунул в рот шоколадную конфетку и, причмокивая, продолжил: – Ощувив силу без страха возмездия, она познает самое сильное из наслаждений: быть самим собой. Нет удовольствия сильнее, когда ты подвигаешь Бога и становишься на место его, пусть над одним человеком, пусть над одной живой душой, но теперь полностью принадлежащей твоей власти. Небесное возмездие, как всегда, запаздывает и кажется, что вот она – правда и истина, которую так тщательно скрывали. Оказывается, убивать – не только легко, но и приятно. Изумительно приятно. Нет угрызений совести, нет страха закона, а есть только безмерное наслаждение, что силам твоим нет предела, и тебе подвластно все. Это посильнее кокаина. Особенно, когда вся жизнь подчинена порядку. Чем больше в жизни комфорта и сладости, тем страшнее внутри человека набегают темные силы. Тем больше тянет к крови и зверствам. Чем лучше жизнь, тем хуже человеку. Чем больше комфорта, тем сильнее тяга к зверству. Зверь не может успокоиться травой. Ему нужно сырое мясо с кровью. Вот так, господин чиновник полиции.

На лестнице и в подъезде уже давно скучала полицейская засада, чего доброго проявят инициативу. Семенов, наверно, уже сжимает шашку. Надо торопиться.

– Все это занимательно, но я пришел предъявить вам обвинение, – сказал Ванзаров, выпрямляясь на кресле.

– И в чем меня обвиняют?

– В том, что направляли убийцу на беззащитных пациенток. Барышни хоть и жаждали крови, но сами толком ничего не смогли сделать.

– Можете это доказать?

– Конечно. Все дамы по институтской привычке, прежде чем написать письмо, делали его черновик в дневнике. Записи Грановской, Делье и

Хомяковой находятся у нас. Даже если вы уничтожили их письма, во что я не верю, – какой же ученый расстанется с таким бесценным научным материалом, то у нас хватит доказательств. Остальное даст немедленный обыск. Разрешение имеется.

– И вы знаете, кто убийца? – спросил Карсавин и употребил другую шоколадку.

– Возможно, больше, чем вы. Думаю, тут тоже был своеобразный эксперимент: воспитание сильной личности или что-то вроде того. Так вот...

– Достаточно, – Карсавин очень медленно прикрыл веки, и так же осторожно их разлепил. – Я прошу вас об одной услуге. Дайте слово оставить ее в покое, и я немедленно предоставлю вам самые исчерпывающие доказательства. Хватит, чтобы с блеском закрыть все дела. Согласны?

– Разве можно верить слову чиновника полиции? – спросил Родион.

– Готов поверить вашему слову... Вы честный и благородный человек, хоть и полицейский... Прошу не медлить...

– Обещаю не трогать вашу дочь. Даю слово...

– Благодарю... Вы на них сидите.

Массивное кресло перевернулось кульбитом. К днищу с обратной стороны была пристроена массивная папка старинной кожи. Внутри оказалась листки, исписанные аккуратным почерком доктора Карсавина.

– Вы делаете чистосердечное признание в восьми убийствах?! – спросил Ванзаров.

– Не забудьте, вы дали слово... – стиснув зубы, сказал Карсавин и вдруг чихнул. Застыв на мгновение, доктор свалился кулем на письменный стол, стукнув лицо о чернильницу. В пролившейся лужице утонуло треснувшее пенсне.

Ванзаров дунул в полицейский свисток.

Вместе с Семеновым они отвалили тяжелое тело к спинке кресла. Карсавин не изволил дышать. И помощь не требовалась.

Скорее из упрямства, Родион проверил все ящики. Кругом было пусто. Только в одном красовалась послание: «Ванзаров, не ищите. Все письма и дневники я уничтожил. Не тратьте время. Помните: вы дали слово».

Доктор Карсавин подготовился основательно. После собственноручных признаний в убийстве супругов Грановских, Делье, Хомяковых, горничной Ипатьевой и барышни Арины Кивато из чувств личной ненависти и невыплаченных долгов, он написал заявление о сведении счетов с жизнью «по причине невыносимых моральных мук от

совершенных злодеяний», а также в его смерти просил винить только его самого.

«Итальянская ночь» пахла чуть уловимым ароматом горького миндаля. Петр Владимирович ушел гордо и со вкусом. Какая все-таки потеря для нервных пациентов.

Николаевский вокзал столицы тонул в дымке бедой ночи и мутном свете газовых фонарей. На платформу подали поздний состав. Молодой господин, чуть полноватый, но подтянутый, совсем без багажа, что-то сказал на ухо другому господину в нелепом, будто с чужого плеча летнем пальто, и неторопливо отправился вдоль перрона.

Посадка началась. Сновали носильщик, груженные чемоданами и баулами, как верблюды, за которыми налегке шествовали господа путешественники. Поезд дальнего следования блестел начищенными вагонами только первого и второго классов, стекла сверкали, проводники в идеально чистых мундирах Министерства путей сообщения, кланялись пассажирам, подсаживали дам, гладили детей по головкам и были крайне любезны. Сразу видно: в Париж люди едут, не в куда-нибудь в Сибирь.

Около вагона первого класса произошла заминка. Дама везла с собой столь необъятный багаж, что два носильщика не справлялись. Впрочем, крупный саквояж, плотно набитый, она не выпускала из рук. Нельзя пройти мимо ее очаровательного дорожного туалета из альпага цвета гелиотроп. Очень широкая юбка-клош, пристроченная внизу три раза, и шемизетка из полосатого фуляра, белого с розовым, как перед так и спина которой образуют три довольно широкие складки, причем каждая отделена белым кружевом гипюр. Высокий воротник из материи, от которого ниспадает кружево в виде отложного воротника, пышные, длинные рукава-ballon и кушачок, сделанный из фуляра. Шляпа из пестрой соломы отделана лентами цвета гелиотроп и перьями. На плечи накинута пелеринка-колет очень широкая, из альпага, сделанная на кокетке, которая скрыта под большим капюшоном, подбитым фуляром одного цвета с шемизеткой. Пелеринка скрепляется спереди изящным аграфом из серебра. Высокий воротник отделан четырьмя изящными серебряными пуговицами, по две с каждой стороны и светлые шведские перчатки до локтя. И хоть в костюме не найти моднейшей клетчатой «шотландки», согласитесь – глаз не оторвать.

Несмотря на хрупкий вид, дама руководила грузчиками с решимостью полкового ротмистра, гонящего тупых новобранцев на плацу. Командовала, как правильно поднимать чемодан, как заносить его в вагон, как соблюдать строгий порядок вещей, при этом трудиться быстро, без заминок и чесания затылков. По правде говоря, грузчикам так надоели

пискливые распоряжения, что они готовы были швырнуть багаж на перрон, потеряв деньги, лишь бы отвязалась эта холера.

Спасение труженикам баулов пришло внезапно. Плотный молодой господин, подойдя незаметно, приветствовал даму. Она резко обернулась и позабыла о грузчиках.

– Зачем пришли, мы же попрощались, – сказала довольно резко, не успев отложить командный тон.

– Я прощался с госпожой Ухтомской. Но счел нужным пожелать доброго пути госпоже Карсавиной, – сказал Родион, приподнимая край шляпы, как требовали приличия. – Мой визит исключительно личный.

Дама мило улыбнулась:

– Ах, эта глупая привычка представляться девичьей фамилией матери... Все из-за нее?

– Отчасти. Мы, чиновники полиции, находим удовольствие в работе с документами и справками. Порой они нужны, куда больше логических заключений. Вот например, справки говорят, что мадмуазель Ухтомская никогда не получала заграничный паспорт и даже не знает, как выглядят парижские бульвары. А вот госпожа Карсавина недавно получила его по разрешению отца. Именно госпожа Карсавина училась на одном выдающемся курсе в Смольном институте благородных девиц, а также имела приглашение, и побывала на благотворительном бал-маскараде, как горячая поклонница велосипедов. И что самое необъяснимое: у госпожи Грановской на нашлось поздравительного букета с именинами от подруги юности госпожи Карсавиной. Отметим, что на фамилию Карсавиной был продан билет на парижский поезд, и, по странному совпадению, со счетов господина Карсавина были сняты все наличные средства, при этом никаких покупок недвижимости он не совершал.

Софья Петровна обладала удивительным характером, так странно сочетавшимся с ее обаянием. Выслушав, не смутилась, не отвела васильковых глаз, а с вызовом спросила:

– Чего же хотите?

– Ничего, – ответил Родион. – Я дал слово вашему отцу оставить вас в покое.

– И собираетесь держать его?

– Само собой. Какой смысл арестовывать ни в чем не повинную барышню, против которой завалющейся улики не найти. Убийца сознался в совершенных злодеяниях и вынес себе приговор. Дела победоносно закрыты. Что остается скромному чиновнику полиции? Разве только немного благодарности...

– Я поняла вас, – сказала Софья Петровна, краем глаза посматривая, как объемный чемодан благополучно упал на ступеньку вагона и далее на перрон. – Назовите цену...

– Всего лишь скромный подарок.

– Сколько?

– Мне будет приятно оставить на память золоченую булавку с цифрой «один», которая предназначалась мне.

Дама великолепно владела собой, нет, в самом деле, редкое достоинство. Она лишь оправила и так идеальную пелеринку, переложила саквояж, тянувший руку, и мягко спросила:

– Раз мы больше никогда не увидимся, скажите честно, Ванзаров: вы меня не любили? Это был тончайшая игра? Сразу начали подозревать?

– Не умею говорить о чувствах, – просто ответил Родион. – Да и какая теперь разница... Я старался быть слепым, сколько возможно. Два раза не попасть в рестораны, где как раз и требовалось быть, можно посчитать случайностью.

– А что же тогда?

– Только логика. Первые три убийства были сделаны так чисто, что при обычных обстоятельствах раскрыть их было трудно. Зато все остальные прямо указывали на виновника. Каждый раз нового. Такое возможно, когда кто-то очень близко знает, как идет следствие, и ему приятно дергать за ниточки. Чтобы чиновник полиции бегал, как белка в колесе за своим хвостом. Пристава и Лебедева пришлось исключить. Что у меня оставалось? Вот именно... Но выдала вас маленькая деталь. Такая крохотная, что я заставил закрыть на нее глаза.

– Ой, как любопытно. Ну, не томите, поезд уйдет.

– С умением наблюдать мелочи, которое отмечает и запыленные ботинки, вы почему-то не обратили внимания на дамское зеркальце, что я вынул по ошибке. Стоило сразу бы задать простой вопрос: как такое возможно? Но я слишком опоздал... Да и выбор пьески был тонким намеком: посмешище и дурак, который пытается копировать великого сыщика. Чего уж больше...

– Какой вы все-таки умница, – сказал Софья Петровна, наградив невозможной улыбкой. С искренним облегчением Родион узнал, что колдовство васильковых глазок утратило всякую власть над ним. Это очень важно в такой непростой момент.

– Так как мой подарок? – напомнил он.

– С огромной радостью, но... Поверьте, у меня ее нет.

– Именно поэтому прошу.

Софья Петровна, кажется, не нашлась, что сказать.

– Золотая булавка теперь нацелена на вас. Забудьте про багаж и бегите от этого поезда. Спасите себя.

– Вы просите, чтобы я осталась? – в изумлении спросила Софья Петровна. – Ах, Родион, какой вы романтик. Славный, милый, чудесный, любая женщина нашла бы с вами счастье всей жизни... Мне очень не хочется делать вам больно. Но поймите же, я совсем другая. Семья, дети, тихая любовь – это уже не мое. Даже вашей любовницей не могла бы стать потому... Потому что вы слишком хороший мальчик. Грех мучить такого доброго человека.

– Прошу не остаться, а спастись, – уточнил Родион. – После того как станет известно, что знаменитый доктор Карсавин оказался кровавым мясником, вы не сможете жить в столице. Но в России много городов. А в Европе – еще больше. Бегите и прячьтесь. Вашего саквояжа хватит надолго.

Пробил второй удар перронного колокола. Пассажиров просили соизволить занять свои места в вагонах.

– Вы самый удивительный человек, каких я встречала, – рука в шведской перчатки легла на плечо чиновника полиции. – Мне пора. Чемоданы извальяли в грязи и погрузили.

– Зачем? Зачем вам это понадобилось? – спросил Родион.

Васильковые глазки смежились, словно барышня погрузилась в невинные мечтания:

– Знаете, что такое глубина удовольствия? Это волна жара, это стихия, которая уносит к таким высотам ощущения, что и близко несравнимо с кокаином, это так прекрасно и необъяснимо, что хочется снова и снова наслаждаться божественным нектаром. Ни один мужчина не мог доставить подобного восторга. И ничто другое, а я много чего попробовала...

– Смотреть в глаза умирающему, чтобы испытать удовлетворение? Подругам, их мужьям и глупому сыщику?

Софья Петровна сладко улыбнулась:

– Какой был соблазн... Какое наслаждение заглянуть в лицо умирающего девственника... О! Только представить... Это был бы пик... Но я не смогла... Сама не знаю, почему...

Третий удар колокола прокатился по перрону. Проводники взошли на ступеньки вагонов. Даму попросили не задерживаться. Шум дальнего паровоза крепчал.

– Оставлю-ка вам память...

И в губы чиновника полиции вонзились другие. Поцелуй был

крепости, от которой зубы заломило. Больше Ванзаров ничего-ничего не почувствовал. Но как только прохладная мякоть оторвалась, сказал:

– Последний раз прошу: оставайтесь.

– Усы вам очень пойдут..

Отвергнув услуги проводника, барышня с саквояжем взбежала в глубину вагона.

Ванзаров быстро пошел в начало перрона.

Неуверенно вздрогнув, поезд лязгнул колесами, выпустил облака пара, словно седые бакенбарды, и, пронзив победным гудком вокзал, оторвался от рельсов. Состав неторопливо двинулся, поплыли борта с имперскими гербами, светлые окна в аккуратных занавесках, за которыми махали остававшимся, или прощались с убежавшей из-под колес родиной.

Лебедев так спешил, что даже запыхался. Подбегая к Родиону, преспокойно заложившему руки в карманы, криминалист закричал:

– Ах, ты, холера! Опоздали! Что ж так поздно сообщили... Я и подмогу собрал!

Действительно, рядом с Аполлоном Григорьевичем не могли отдышаться два господина. Один странно напоминал журавль колодца, таким нескладно высоким ростом наградили его родители. Зато другой, будто в насмешку доходил ему до плеча – невысокий, с решительным взглядом и в военной форме.

Выругавшись по обычаю затейливо и сочно, Лебедев представил добровольца. Худой дылдой оказался филер Афанасий Курочкин, которого криминалист подцепил в Департаменте полиции. Филер вернулся с долгой смены, но без возражений согласился помочь. Военный юноша выпрямился, щелкнул каблуками и доложил: корнет Мечислав Джуранский, выпускник Виленского пехотного юнкерского училища, прибыл в столицу в отпуск перед зачислением в 6-й уланский Волынский полк. Что делать пехотинцу в кавалерии, Родион не стал выяснять, а искренно поблагодарил господ за помощь, оказанную полиции, особо отметив юнкера, который на пустом вокзале решительно бросился в погоню за двумя бегущими мужчинами.

Последний вагон минул дальний край перрона, ныряя в дорожную тьму, как вдруг лязгнули тормоза, заскрежетали по рельсам колеса, и состав встал. Вдалеке обозначилось белое облако пара, сквозь которое чуть виднелись пятна семафоров.

Курочкин и Джуранский были отпущены, но Родион чего-то ждал. Мимо пробежали путейцы с вокзальными жандармами разбираться с внезапной остановкой. Лебедев вооружился сигаркой и принялся щелкать

вечной зажигалкой трости. Кремний скрипел, сыпал искрами, но и только. Судьба трости решилась. Под отборные проклятия тому, кто ее придумал, деревяшка треснула об колесо, обломки полетели на рельсы. Ужасный конец полезного изобретения.

У дальнего края перрона появилась фигурка в дорожном костюме. Лица не разобрать – капюшон пелеринки накинута. Шла налегке: даже сумочки нет, только саквояж. Проходя мимо мужчин, и не взглянула, как полагается прилично воспитанной барышне, но Родион приподнял шляпу и пожелал доброго вечера. Принюхавшись, как добрая легавая, Лебедев заметил:

– О, модный аромат... Как же называется?

– «Черная маска», – подсказал Родион, втайне поразившись, что проклятые сигарки не отбили обоняние криминалиста. Как же он курит с таким чутким носом? Вот где загадка.

– Не желаете со мной к актрискам мадам Квашневской? Обещала свеженьких...

– А пойдёте, Аполлон Григорьевич в вокзальный буфет, выпьем чего-нибудь.

– Что празднуем?

– Скорее с горя.

– Не пойму вас, Ванзаров, – сказал Лебедев, отправляя холодную сигарку вслед погибшей трости. – Пристав о вас отзывается сегодня так, будто завтра повесит ваш портрет рядом с физиономией градоначальника. Оказывается, одним махом раскрыли пять своих дела, и три – с других участков, не считая самоубийства Карсавина. Подполковник уже готовит на груди место для ордена. А потом получаю от вас записку: «Если хотите узнать истину, поспешите...». Странное поведение для чиновника полиции...

Развернув мощное тело криминалиста, как шлагбаум, Родион потащил его прочь.

В поздний час вокзальный буфет пустовал. Половой удивительно быстро принес графинчик «Смирновской» и скромную, по меркам Лебедева, закуску. Ванзаров попросил добавить третий прибор с рюмкой.

– Кого-то ждем? Что у вас за горе такое? И вообще что происходит? – Аполлон Григорьевич совсем не любил таинственных моментов, но к графинчику потянулся.

Родион попросил немного обождать и добавил:

– Чтобы не скучать, готов развлечь историей про извилистые дорожки к простой истине.

– Ну, попробуйте... – безрадостно согласился Лебедев. И как предупреждение извлек сигарку.

– Начнем с главного... Помните, мы пытались понять, как убийца прячет шило...

– Не мы, а вы изображали нож в рукаве.

– Это ошибка. Убийца действовал проще, у него не было навыка гайменника. А потому шило, вернее – булавка, награждаемая за победу на конкурсе мод, была спрятана там, где и полагается, на самом видном и удобном для быстрого доставания месте – в дамской шляпке. Кто заподозрит даму, поправляющую эгретку на шляпке? Это так естественно.

– Вот же... (дамам, прошу заткнуть уши, на мгновение) ...так и знал, что какая-нибудь бабская дрянь!

– Согласен, Аполлон Григорьевич, угол зрения приводит к опасным ошибкам. Мы видели то, что видит мужчина. Но даже если бы носили шляпки, упаси боже, все равно блуждали в потемках. Потому, что все было слишком просто придумано. Так просто, что только особый взгляд помог.

– Да не томите, Ванзаров! – простонал Лебедев, – А то напьюсь один. Будете мое тело до дома везти на себе.

– Тогда просто и без затей... – сказал Родион. – Колесо лечебной игры в «жертву и убийцу», придуманное доктором Карсавиным, большим ученым и начинающим велосипедистом, не желало крутиться. Барышни лениво фантазировали невероятные способы убийств, от которых никакого целительного прока. И тогда Карсавин решил подключить свою дочь, Софью Петровну, которую тоже требовалось лечить от нервного расстройства. Что говорил дочери Карсавин, и как дело было, мы уже не узнаем. Важно другое: Софья Петровна загорелась идеей стать самой

собой, разбудив зверя, дремавшего в душе и не дававшего насладиться радостями половой жизни сполна. Пользуясь тем, что пациентки отца были ее институтскими подругами, она стала рассказывать им, как умная женщина может просто убить другую женщину, получив от этого заряд бодрости и веселья, без всякого риска оказаться на виселице. Для это есть главное оружие: шляпная коробка. В нее можно спрятать, что угодно – хоть крысу, хоть бомбу. Прислали коробку – жертва испугалась, например, броска Гоголя, нашла записку с розой (память институтских забав в девичьи тайны) и поняла, что «убита». Подруги возгорелись, и началась активная подготовка. Доктор Карсавин, читая письма, не мог нарадоваться на талант дочери: пациентки выздоравливали на глазах. Только не знал он, что любимое дитя решило запустить собственное колесо. Софья Петровна почувствовала, что счастье, которого не могла обрести ни в одном опыте любви, может быть найдено на тонкой грани жизни и смерти...

– Хотите сказать, она баловалась с трупами? Примитивно...

– Не с трупами. Она смотрела в глаза умирающего, быть может, целовала в губы, и получала то, что хотела... За мгновение до смерти.

Лебедев молча налил рюмку, опрокинул не закусывая, и спросил:

– Для чего ей понадобились такие сложности?

– Наоборот, все предельно логично. Самой пачкать руки было неинтересно, да и боялась не справиться. Нужно верное, не рассуждающее и всегда готовое оружие. И тут госпожа Карсавина нашла удивительно красивое и простое решение.

– Стойте! – не сдержался Лебедев. – Хотите меня убедить, что это не Карсавина убила столько народу?

– Это логично, – сказал Родион. – Она приложила руку только к одной смерти...

– Авроры Грановской?

– Именно эту логическую ошибку мы допустили. Двойное отравление конфетами «Итальянская ночь» в тот жаркий день мы как бы назвали: «Убийство госпожи Грановской и ее горничной».

– А как надо было?

– «Убийство Зинаиды Ипатьевой и ее хозяйки»... Да, Аполлон Григорьевич, не смотрите на меня так. Софья Петровна пришла травить Зинаиду. Аврора была вынужденным дополнением.

– Убивать горничную? Зачем?

– Зинаида – такая же выпускница-смолянка, как Карсавина, Грановская и прочие барышни круга. Она была куда богаче их, но из-за беды, устроенной игроком-отцом, лишилась всего и пошла работать

горничной к своей подруге. Ни в какой другой дом барышню с таким пятном и без рекомендаций не взяли бы! Это была дружеская помощь Авроры.

– Допустим. А зачем убивать?

– Попробую обрисовать, что случилось, – сказал Родион и облизнулся. Горло давно требовал влаги, но он боялся сбиться. – В утро именин все были очень заняты. Антон Грановский катался на островах со своей любовницей Екатериной Делье. Ипполит Делье проводил приятные часы в уединении с Анной Хомяковой. А Паша Хомяков был послан своей любовницей Авророй Грановской за крысой, потому что близился час шутки. Дама, которой полагалось открыть коробку с Гоголем, должна была прийти сегодня. Но случилось так, что Паша поспешил. Он прибежал раньше того, что рассчитала Софья Петровна, и наткнулся на нее, да еще с букетом. Позвонил в дверь. Ему никто не открыл. Позвонил еще. Опять ничего. И растерянный Паша, имея в нагрудном кармане бумажку с розой и стрелочками, которую ему велели положить в коробку, а он забыл в спешке, отправляется на поиски госпожи Карсавиной, чтобы прояснить ситуацию...

– Ошибочка у вас, – торжественно заявил Лебедев. – Моего друга Гоголя готовили для смертельного испуга Екатерины Делье. При чем тут Карсавина?

– Его научили ненавидеть запах «Черной маски», и только! Мы сделали вторую ошибку. Гоголь бросился на жену дипломата, и мы решили, что это и было задумано. А его готовили совсем для другого.

– Ничего не понимаю...

– И я был в таком же положении. Вернемся чуть назад. Софья Петровна приходит поздравить с именинами: с ней букет и коробка любимых конфет, угощает свою давнюю подругу Зинаиду шоколадкой и напоминает Авроре, что, когда сегодня придет «жертва», ей надо подарить коробку со шляпкой. Доброе дело в честь именин и старой дружбы. Аврора в радостном возбуждении: Паша уже послан, к тому же он придумал веселый маскарад приказчика. Под разговор Аврора угощается парочкой конфет. Карсавина убеждается, что яд начал действовать: Грановской плохо, она легла в спальне, и Зинаида тоже еле соображает. Не стесняясь, Карсавина забирает букет, подчищая след, и просит в этот же кувшин налить воды для хозяйки, чтобы выпила много и прочистила желудок. Зинаида кое-как закрывает за ней дверь, идет на кухню и падает замертво. План работает великолепно. Но на лестнице она сталкивается с неурочным Пашей. Чтобы защититься, прячет лицо в цветах. Но это не помогает – Паша замечает Карсавину. Звонит в дверь – никто не открывает. Быстро

сообразив, что произошло неладное, он бежит следом, чтобы не потерять из виду замеченную подругу Авроры. На Невском проспекте Карсавина обнаруживает, что за ней следует Паша. Быстро понимает, что вся задумка под угрозой. И запускает козырь...

– Простите, но я еще выпью... Нет, потерплю... И что дальше?

– Она вбегает в салон Живанши, находит свою подругу, и наверняка любовницу, умоляя спасти от чудовищного мерзавца, который идет за ней по пятам. Или что-то в этом роде. Подруга хватает первое, что попадается под руку – призовые булавки, одну втыкает в шляпку, другие бросает в сумочку и выходит. Софья идет впереди, Паша следует за ней и получает удар в сердце. Не ошибусь, если Карсавина обернулась и посмотрела ему в глаза. В этот миг родился двуглавый зверь. Одна голова его жаждала особого наслаждения, другая – упрямо стремилась к тайной цели.

Обмахнувшись ладошками, Аполлон Григорьевич совершил верх неприличия: расстегнул жилетку.

– С вами никогда не знаешь, куда попадешь, – сказал он. – Ну, и кто эта вторая голова?

– Представьте себе барышню, одаренную мужской волей и твердостью характера, – сказал Родион, прикрывая глаза, будто воображая это чудо. – У нее было все: богатство родителей, отличное приданое, образование и все возможности в жизни. В один день не осталось ничего. Характер подвергается испытанию: его хозяйка должна покорно согнуть плечи и зарабатывать на жизнь белошвейкой. Барышня начинает ненавидеть всех, а особенно тех, кто учился вместе с ней, был беднее, но судьба оказалась к ним ласковой: подруги удачно вышли замуж, и теперь она шьет для них платья и шляпки. Какое унижение! Какая пружина сжимается! Нужен только спусковой крючок, как у ружья. И он находится. Одна из старых подруг общается с ней, как с равной и даже больше. Софья Карсавина так же несчастна, как она, не может выйти замуж, у нее какая-то болезнь, как она наверняка говорит. Девушки сближаются. Софья убеждает: можно вернуть все, если стать самим собой, не считаться ни с чем. Барышня с характером готова следовать за ней во всем. Паша становится проверкой...

– Позвольте, – перебил Лебедев, – а где она научилась такому приему?

– Сашенька Ипатьева была лучшей портнихой мадам Живанши. У нее твердая рука и верный глаз. Рука портнихи приучена втыкать иглу без промаха. А точку, куда должна попасть булавка... думаю, указала Екатерина Делье. У нее же еще медицинское образование, вот и рассказала Карсавиной курьез: как можно воткнуть в сердце иглу, чтобы человек еще жил до того мгновения, как шелохнется. Или сам доктор Карсавин

просветил. Это не так важно...

– Но как вы узнали, что это Ипатьева?

– Видел, но упорно не замечал истину, – сказал Родион. – Логика никак не хотела вставать на свое место. Я гнул – она гнулась. Надо было думать. Ипатьева принесла странный букет: розы и нарциссы. Невозможное сочетание. Букет выпал и развалился на две половинки. На самом деле два букета: один от Живанши – розы, а второй от нее – имениннице и институтской подруге. И со смыслом: белые нарциссы значат «обманутые надежды» на языке цветов. Но это не все. Ипатьева держала букеты в правой руке, а зонтик – в левой. Правша взял бы то, что собирается отдать, в рабочую руку. У нее на шляпке я видел эгретку из райских яблочек, среди которых так просто затеряться бронзовому шарикю. Да и второй раз видел эту шляпку там, где ей не полагалось быть... Но это не все детали. Ипатьева, как посыльная из «Смерти мужьям», могла беспрепятственно ходить по квартирам, доставляя шляпки, что и проделала с Ипполитом Делье, прихватив его визитницу. Имея под рукой любые платья, она могла одеться светской барышней, чтобы пойти в ресторан «Донон» или на бал-маскарад. Она знала всех, могла быть везде принятой и незамеченной, и делать, что угодно.

– Зачем же Карсавиной понадобилось убивать горничную?

– Нужен был сильнейший аргумент. Софья Петровна объяснила Сашеньке: негодные люди виновны в смерти ее сестры, и они достойны только одного – мести. И она ей поможет. Сашенька не возражала: справедливые эмоции хорошо поддерживали ее личный план. Трупы с булавами в сердце не посыпались на наши головы только потому, что Карсавиной надо было самой встречаться с барышнями, чтобы забрать их дневники. Любила она следы подчищать. С Екатериной Павловной все вышло отменно. Пока Карсавина разговаривала с ней на скамейке, на адвоката, возвращавшегося домой, случайно налетела посыльная со шляпной коробкой. Мельчайшее происшествие. В завязавшейся суматохе, подъеме коробки с тротуара, извинений и прочим, незаметно пропала конфетница. Антон Сергеевич это додумал, вспомнил лицо и был обречен. Наверняка в ресторан пригласил Карсавину, чтобы обсудить подозрение. Но в кабинет вошла еще и Сашенька. Так что, адвокат, а за ним и дипломат стали приятной добавкой к разгоравшемуся аппетиту Софьи Петровны...

– Барышня обрубала концы, которые вы начали тянуть.

– Именно. Карсавина попросила Анну Хомякову захватить дневник, дождалась, пока князь отошел за мороженым, обнялась с ней, а Сашенька нанесла удар. Опять восторг, и улыка, положенная в ладонь. Что же

касается мадам Кивато, более известной как мадам Гильотон, то дверь она открыла тому, кого любила и должна была в шутку «убить». Не сомневаюсь, что Гильотон хорошо узнала этот ангельский характер, она была далеко не дура. Не зря предупреждала... Вместе они возбудили массу сексуальной энергии друг в друге, только Софье Петровне этого было мало. Она вошла с Сашенькой и достигла вершин наслаждения, с каких уже не могла спуститься. Заодно убрала последнего свидетеля. Двухголовый зверь покинул квартиру через черный ход, оставив облачко духов «Черная маска». А колесо почти закончило свой ход.

– Какое колесо?

– Что-то вроде уробороса или стрелок, замыкающих друг друга. Бумажки с розочками подсказали. Карсавина предлагала подружкам использовать обрывочки счетов из салона, как знак, что шуточное убийство совершено. Счетов в доме полно. Оторвал верхушку, пририсовал стрелочки – и «метка» готова. Остается ее правильно положить. И вот тут возникла легкая путаница.

– Как разобрались?

– Пришлось ответить на вопрос: почему Екатерина Павловна сначала показывала мне якобы присланную «метку», а потом розочка нашлась только в ее коробке, но не в сумочке убитой?

Лебедев воплотил собой «немой вопрос».

– Да потому что это была одна и та же бумажка, которая потом отправилась по адресу в коробке к Анне Хомяковой, – ответил Родион. – Анна Ивановна тоже аккуратно положила «метку» в коробку. Нам все спутал Паша из-за своей безалаберности. Если бы положил к Гоголю – была бы одна четкая линия. А так пришлось поломать голову. Но как только я понял, в чем дело, сразу стало просто. Извините, Аполлон Григорьевич, у вас тогда нечестно пари выиграл...

– Вот и говорю: шулер. А дальше что?

– По плану доктора Карсавина Екатерине Делье предназначалось убить Анну Хомякову, Анну Ивановну нацелили на мадам Гильотон, гадалке поручили «убить» Софью Петровну, той – всего лишь Аврору Грановскую, ну, а жене адвоката досталась Сашенька Ипатьева. Что же до самой белошвейки, то жребий доктора сразу указал ей на госпожу Делье. Паша Хомяков стал разминкой.

– Значит, Карсавин лечил Ипатьеву тоже?

– Логика говорит, что в рамках дружеской помощи нет ничего проще, чем дочери сводить подругу на бесплатный прием к отцу. Тем более что своего родства Софья Петровна никогда не афишировала... Доктор

Карсавин слишком поздно понял, какое чудовище создал. И поступил, как может только любящий отец: взял всю вину на себя. Но и здесь не удержался от благородного эксперимента: предложил чиновнику полиции выбрать конфетку с миндалем или цианистым калием... У пристава все дела закрыты, но убийца не пойман...

– О! – восхищенно выдохнул Аполлон Григорьевич, но сразу спохватился: – Так значит, Гоголь предназначался Сашеньке Ипатьевой?

– Тут логика показала себя с лучшей стороны... Именины – удачный день для ответного подарка. Чтобы Сашенька не догадалась, какая «шутка» ее ждет. Но мне кажется, Аврора плохо знала силу ее характера. Такого крысой не напугать. Представьте: принять молниеносное решение, заколоть Пашу Хомякова, вернуться в салон, получить букет от Живанши и пойти с поздравлением как ни в чем не бывало. Она растерялась только раз, увидав городского в прихожей Грановской: подумала, что за ней. И я это видел, но решил, что обычный страх барышни перед незнакомым полицейским.

– Как же теперь привлечь Ипатьеву? Где ее искать?

– Она прошла по перрону, а вы даже шляпу не сняли перед такой уникальной барышней.

– «Черная маска»! – только и вымолвил Лебедев. – Так что ж мы расселись?!

Вбежал здоровенный мужик в тесном летнем пальтишке, осмотрелся и сразу направился к столу. Попытался вытянуться смирно, но Ванзаров остановил, и заставил его сесть.

– Все, как и говорили, – доложил Семенов, который выглядел в гражданском платье, хуже пугала. – Заломил ей левую руку. Она трепыхаться стала, но молча, все пыталась из шляпки что-то достать. Когда жандармы подоспели и взяли ее за локотки, вытащили из шляпки здоровенное шило с деревянным шариком, чтоб между пальцами держалась. Саквояж открыли, а там денег – тьма-тьмущая. Ну, в купе, как предупреждали... Эту жандармы привели, проводник сразу признал провожавшую. Убийца взята с поличным, не отвертится.

– Спасибо, Михаил Самсоныч, без вашего усердия и ловкости ничего бы не вышло, – сказал Родион, открывая графинчик и разливая на троих. – Отужинайте с нами.

Старший городской зарделся, как красна девица, кашлянул в смущении, но рюмку взял. Хрустальная стопка еле виднелась в его лапище.

– Кажется, кое-кто понимает больше моего, – обиженно заметил Лебедев, но рюмку не пропустил.

– Господа железнодорожные жандармы обнаружили в купе поезда «Петербург – Париж» мертвое дело дамы, заколотой в сердце стальным предметом с золоченым шариком и римской единицей, – сказал Родион, глядя в даль, ограниченную буфетной стойкой. – При даме найден полицейский паспорт на имя госпожи Ипатьевой, а вовсе не заграничный, и много чемоданов, как для двоих. Купе выкуплено целиком. Попутчиков нет. Страшная загадка. Так было Михаил Самсоныч?

– Так точно, – вздохнул старший городской.

Криминалист держался за последний краешек недоверия:

– Откуда знали?

– Софья Петровна думала, что приручила дракона. А зверь о двух головах думал по-иному. Сашенька Ипатьева вовсе не собиралась служить карманным палачом. Закалывая подруг и их мужей, она мстила не за сестру, а шла прямым курсом, чтобы вернуть все. Ее цель – деньги Карсавиной. Чего и добилась...

– Но как...

– Простая логика: госпожа Ипатьева не имела заграничного паспорта и

билета. Значит, дальше Николаевского вокзала уезжать не собиралась. Софья Петровна думала, что провела всех, а на самом деле загнала себя в ловушку. Сашеньке Ипатьевой осталось только обнять подругу, вонзить в сердце золотую булавку, забрать саквояж, прикрыть купе и, дернув стоп-кран, сойти на том же перроне. Если бы жандармы заранее не были готовы, тело Карсавиной обнаружили на станции Дно или уже на русско-германской границе. Следствие быстро выяснило бы, что мертвая госпожа Ипатьева – круглая сирота, нет ни родителей, ни родственников, ни средств. И хоронить надо за казенный счет. А новая госпожа Карсавина с чистым заграничным паспортом начинала бы новую жизнь где угодно. И бояться нечего: все близкие подруги настоящей Карсавиной мертвы... Очень просто... Куничка разоряет чужие гнезда... Я ведь трижды предупредил... Ну, почему же она...

– Что вы сказали? – переспросил криминалист, застыв с рюмкой на весу.

Родион натужно улыбнулся:

– Так, пустяки, к логике не относится... За что выпьем, господа? Может, за дело, которое мы раскрыли?

– Не мы, а вы, – уточнил Лебедев. – Вот еще манера: пить за работу. Давайте что-нибудь повеселее... За женщин, например.

– Замечательно. Только не сегодня, не против?

– Другого тоста в запасе нет.

– Тогда за победу над зверем в каждом из нас, – предложил Ванзаров.

Старший городской не понял, но спросить постеснялся.

– С вами начнешь бояться женщин: копнешь поглубже, а там столько намешано разного... – сказал Аполлон Григорьевич, закусывая огурчиком, а Михаил Самсоныч задумчиво крякнул и принялся за грибочки.

Молчать Родион Георгиевич не стал и ответил:

– Разного – это верно... Смотря, с какого угла взглянуть.

Старший городской глубоко задумался о своем.

А Лебедев разлил опять и заметил:

– Ну, как, довольны таинственным и сложным делом?

– Нам, простым чиновникам полиции, что бы попроще, – сказал Родион. – Кража белья или пьяная драка. А с тайнами только морока.

– Вот как? Ну-ну... Вам, коллега, усы очень пойдут. Дамы будут без ума.

И они выпили снова.

Старался Ванзаров, очень старался, но так и не смог опьянеть.

Какая-нибудь впечатлительная натура обязательно спросит: а что

творилось на сердце коллежского секретаря? Быть может, тягостная ноша выворачивала нутро? Или логика боролась с чувствами, убеждая, что все сделано правильно, и ему не в чем себя винить: ни снять с поезда, ни арестовать Софью было нельзя, а словам она не верила? А может, проклятая душенька, или что там вместо нее, надрывалась жалобным плачем, как всеми покинутый звереныш?

Кто знает. Не станем копаться во внутренностях героя. Нечего там делать. Достаточно, что прежнего Родиона, ищущего захватывающих приключений, не осталось. Словно повзрослел на десяток лет. Урок был слишком суров. Служить истине и закону оказалось куда как непросто. Мучительно тяжело. И хоть честно выполнил данное слово, но от этого не легче... Впрочем, все это глубоко личное дело чиновника полиции, в которое нам соваться неприлично.

Мужчины засиделись допоздна. И ушли в белую ночь.

В четвертом часу утра, когда полусонный буфетчик принялся собирать со стола пустые тарелки и графинчики, на полу что-то блеснуло. Обнаружилась милая вещица: круглое зеркальце в золотой оправе. Тонкой работы, да еще с цепочкой. На обратной стороне гравировка: «Родион». Зеркальце треснуло. Буфетчик прикинул: заменить стекляшку – пара пустяков, а надпись ювелир вмиг загладит. Воровато огляделся и прибрал к рукам. Те и не заметят пропажу, а ему пригодится. Будет отменный подарок жене на именины.

Любопытно, господа, жить на белом свете. Чем дальше – тем чудеснее.

Краткий словарь для господ, обучающихся на курсах резерва столичной полиции

Аграф – металлические, басонные, а иногда и бриллиантовые застёжки, употребляемые в женском туалете.

Альпага – материя из шерсти перуанских лам с мягкой пушистой шерстью.

Амбаллаж – бросок, рывок вперед ездока, до крайности усиленная, но короткая езда.

Баска – широкая оборка, пришиваемая по линии пояса к лифу платья или кофте.

Бие – нашивка в несколько слоев собранных волнами.

Берт – широкий круглый воротник.

Вольты – перемена направления движения машины при фигурной езде.

Гайменник – убийца на воровском жаргоне.

Гипюр – род кружев, плетенных сквозным узором.

Калоша – верх шины велосипеда (покрышка).

Корсаж-блуз – верхняя часть дамского туалета.

Крепон – прозрачная ткань из шелка или шерсти, названная так потому, что как будто завита.

Муслин – весьма тонкая и легкая шерстяная или хлопчатобумажная ткань.

Олеонафт – лучший смазочный материал для велосипедов.

Педалаж – называется работа стопой на возможно большем пространстве описываемого педалью круга, достигается это соответственным сгибанием и разгибанием стопы.

Перкаль – плотная хлопчатобумажная ткань, прежде выделявшаяся в Ост-Индии, теперь же везде.

Пике – особый род бумажной материи, с узорчатыми выпуклостями

представляющей как бы два тканья, наложенных одно на другое.

Притырить – «украсть» на воровском жаргоне.

Рукава-ballon – большие рукава в форме мячика.

Спурт – окончание коротких гонок на треке.

Сутаж – плоский шнурок для нашивок в виде узора на женском платье.

Тафта – тонкая, гладкая шелковая материя из вареного шелка, вытканная, как полотно.

Фишю – дамская накидка, в виде небольшого треугольного платка.

Фуляр – мягкая материя из несученого шелка; шелковый шейный или носовой платок.

Хандикап – уравнивательная гонка.

Цвет гелиотроп – искусственная краска красно-фиолетового цвета для материй.

Цвета «маис» – нежно-кукурузный.

Цвет «мов» – розово-лиловый.

Шемизетка – род манишки, которую носят женщины.

Шу – круглый бант из узких лент на женских нарядах.

Эгретка – украшение шляп и бальных причесок в виде торчащего вверх пера или пучка перьев.

Юбка-клош – в форме колокола.

Примечания

1

Тюль-иллюзия (*франц.*).

2

В форме сердца.

3

Компаньонка.

Содержание

[Антон Чиж Смерть мужьям!](#)

[Хандикап](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[Вольты](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[Педалаж](#)

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

Амбалаж

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

Слурт

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Краткий словарь для господ, обучающихся на курсах резерва столичной
полиции

Примечания

- 1
- 2
- 3